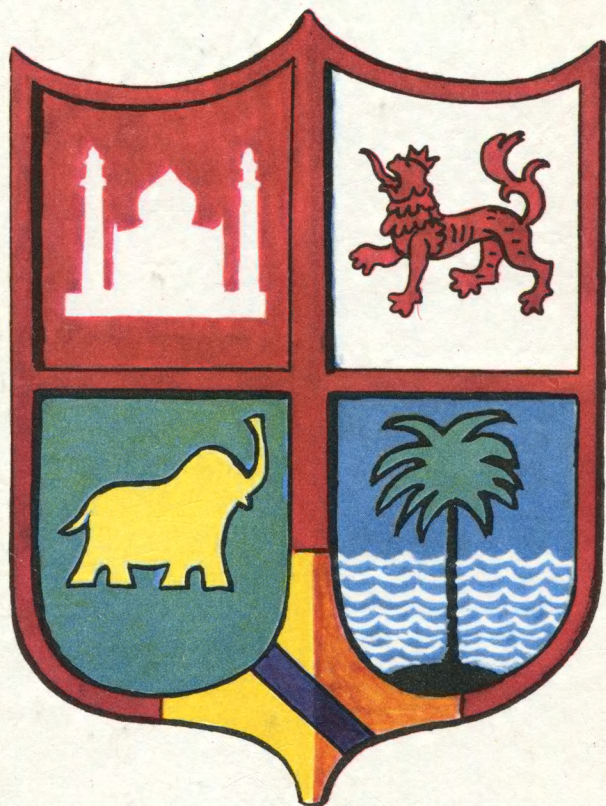

МАЙ ВОЛКОВ
АЛЕКСАНДР ТВЕРСКОЙ

НОВЫЕ ФЛАГИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

65 коп.

Карта
XV-XVI
веков

МАЙ ВОЛКОВ
АЛЕКСАНДР ТВЕРСКОЙ

ОЧЕРКИ

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1 9 7 9

32И ББК 66. 2

В67

Художник *Ю. Игнатьев*

Волков М. Я., Тверской А. Д.

В67 Новые флаги. Худож. Ю. Игнатьев. — М.: Дет.
лит., 1979. — 175 с., ил.

В пер.: 65 к.

Эта книга — о развивающихся странах Азии, Африки
и Латинской Америки, их истории, борьбе за независимость,
о становлении самостоятельного пути развития.

В ~~70803—239~~
М101(03)79 295—78

ББК 66.2
32И

Знаешь ли ты, сколько государств во всем мире?

Знаешь ли ты, что это за государства, какие они, что у них общего и чем отличаются они друг от друга?

Государств на нашей планете больше ста пятидесяти. Из них около ста появились на карте мира совсем недавно.

В 1945 году окончилась вторая мировая война. Тогда-то и возникли эти новые государства.

Вот как! Значит, государства так же, как люди, имеют возраст и есть среди них старые, есть молодые, а есть и «новорожденные».

До войны была на земном шаре всего одна страна социализма — Советский Союз. А теперь существует мировая социалистическая система со многими странами.

Больше половины мира перед войной принадлежало империалистическим державам. Богатейшие земли в Азии, Африке и Латинской Америке были захвачены ими и превращены в колонии. Теперь на месте бывших колоний возникли новые независимые государства и взвились над этими, отныне самостоятельными странами новые флаги.

В освободившихся странах живет больше половины всего человечества. Эти страны называются развивающимися: пока они томились в колониальном рабстве, путь к развитию был для них закрыт, и только сейчас смогли они взяться за преодоление вековой отсталости.

Но взяться — еще не значит преодолеть. Сделать это трудно. И очень трудно. Эти страны освободились еще не полностью. Став политически самостоятельными, они во многом еще зависят от стран империалистических.

У развивающихся стран нет не только сложных машин и обору-

дования для того, чтобы построить новые заводы. Нет у них даже и совсем простых. И они еще не могут изготавливать машины сами. По крайней мере большинство из них. Лишь в немногих, как, например, в Индии, за годы независимости была создана собственная промышленность. Но пока еще далеко не достаточная для нужд этой великой страны. Мало у вчерашних колоний и одежды для населения. Не хватает продовольствия. И приходится им занимать деньги у капиталистов, то есть у своих бывших «хозяев» — колонизаторов, и разрешать им строить на своей территории шахты и заводы, фабрики и магазины и выкачивать прибыль.

Мало в развивающихся странах инженеров, почти совсем нет ученых. А ведь без специалистов промышленность и сельское хозяйство развиваться сейчас не могут. И посылают они своих молодых людей учиться в страны капиталистические. А за это надо дорого платить. Бесплатно учатся только студенты, которые едут в страны социализма.

От капиталистов же бескорыстной помощи не жди. Они так и норовят воспользоваться слабостью той или иной страны, чтобы обобрать ее до нитки.

Развивающиеся страны сказочно богаты нефтью и рудами, ценными породами деревьев, фруктами, кофе, чаем и какао, хлопком и каучуком. Но чем больше всего этого продают они капиталистам, тем больше растут у них не доходы, а... долги.

Как же так? Почему? А вот почему.

Капиталисты навязывают развивающимся странам такие низкие цены на их богатство, что, продав свои товары, эти страны не могут расплачиваться с капиталистами за промышленные товары и машины, за хлеб. Они вынуждены брать все это у капиталистов в долг.

В давние времена работорговцы покупали людей. А сейчас европейские и американские капиталисты вывозят из развивающихся стран миллионы рабочих, чтобы заставить их за гроши делать самую тяжелую работу. Как же это похоже на рабство...

Но больше всего прибыли получают иностранные капиталисты в самих развивающихся странах, бессовестно эксплуатируя местных рабочих и выплачивая им за изнурительный труд гораздо меньше, чем рабочим Европы и Соединенных Штатов. А правительства развивающихся стран часто вынуждены с этим мириться. Иными словами, они далеко не всегда чувствуют себя хозяевами в своем доме.

Вот и получается «зависимая независимость».

Развивающиеся страны занимают в мировом хозяйстве положение неравноправное. Они опутаны невидимой, но очень прочной паутиной зависимости, которая из политической превратилась теперь в экономическую. Экономическая зависимость. От нее-то и надо избавиться развивающимся странам. Против нее-то и ведут они борьбу. И поэтому многие вчерашние колонии с надеждой смотрят на страны социализма и стремятся построить свою жизнь так же, как построена она в этих странах. Получается это, как видим, не сразу, не «вдруг». Но то, чего

желают народы, составляющие больше половины человечества, рано или поздно будет!

Социализм — вот будущее развивающихся стран.

Куба в Латинской Америке, ряд стран в Азии стали социалистическими. Многие развивающиеся страны, в том числе Бирма, Ирак, Народно-Демократическая Республика Йемен, Алжир, Танзания, Гвинея, Бенин, Ангола, Эфиопия, Мозамбик, Конго провозгласили социализм своей целью. Их называют странами социалистической ориентации. Они наиболее решительно выступают против империализма, укрепляют дружественные отношения с Советским Союзом. В этих странах нет больше помещиков, земля отдана крестьянам, которые объединяются для совместного труда. Главной силой в хозяйстве становится государство. Ему, а не частным предпринимателям, принадлежат те немногие фабрики и заводы, которые построены самим народом, а не колонизаторами и не сегодняшними чужеземными капиталистами. Правительства этих стран стараются по мере возможности обуздать заокеанских капиталистов, пытающихся восстановить старые порядки. Там открываются новые школы, чтобы все дети могли учиться. Больные получают бесплатную медицинскую помощь.

Но, к сожалению, как уже известно читателю, большинство развивающихся стран остаются еще капиталистическими, они все еще зависят от иностранных капиталистов.

Освободившиеся страны, отличаясь и от социалистических стран и от капиталистических государств, имеют много общего между собой. Однако они и заметно отличаются друг от друга.

В одних развивающихся странах у власти — истинные патриоты. Они стремятся к прогрессу и справедливости. А в некоторых власть захватили фашистские диктаторы, связанные с иностранными капиталистами (например, в Чили в 1973 году).

Отличаются развивающиеся страны и по размерам своей территории. В огромной Индии, например, живет более шестисот миллионов человек. Это второе по населению государство мира. А на крохотных Сейшельских островах¹ в Индийском океане — всего шестьдесят тысяч жителей. Это меньше, чем в одном районе Москвы.

По-разному развивающиеся страны и развиваются. В одних построены уже современные заводы и даже атомные электростанции, а в других нет еще совсем никакой промышленности и землю обрабатывают деревянными мотыгами и сохами.

В большинстве развивающихся стран государственным языком остается язык бывших хозяев-колонизаторов: в Индии — английский, в Анголе — португальский, в Сенегале — французский. Неграмотных в развивающихся странах гораздо больше, чем грамотных.

Отсталость, бедность, нищета... Ведь развивающиеся страны еще совсем молоды. Но, несмотря на это, роль их в мире становится все

¹ Бывшая английская колония, с 1976 года — независимая республика.

значительнее. Многие страны отказались участвовать в военных соглашениях империалистов, отошли, «отсоединились» от вчерашних хозяев в международных делах. Они называют себя неприсоединившимися странами.

Зато объединяются развивающиеся страны друг с другом! Например, создана прочная Организация Африканского Единства (ОАЕ), чтобы вместе бороться против колонизаторов, которые до сих пор цепляются за африканскую землю на юге материка.

Не только в Африке сохраняются еще колониальные владения империалистических государств. «Самым богатым островом в Карибском море» называют американцы Пуэрто-Рико. Это колония США. Правда, еще лет двадцать пять назад было объявлено, что Пуэрто-Рико — больше не колония, а государство, «добровольно присоединившееся» к США. Но это были лживые слова. Не народ Пуэрто-Рико отдал себя под американское господство, а правители Соединенных Штатов просто-напросто присвоили богатый остров. Колониями США остаются также Зона Панамского канала и довольно много островов в Тихом океане.

Самая населенная из оставшихся колоний принадлежит Англии. Это — Гонконг у южного берега Китая, более четырех миллионов жителей. Еще два десятка колониальных владений Англии разбросано по всему миру. Это — Гибралтар, позволяющий держать под контролем важнейшую мировую морскую дорогу — выход из Средиземного моря в Атлантический океан, Белиз в Латинской Америке и острова в Атлантическом, Тихом и Индийском океанах.

Немало небольших колоний продолжает удерживать и Франция. В Юго-Восточной Азии — Новую Каледонию и Французскую Полинезию, острова Реюньон в Индийском океане, Гваделупу и Мартинику в Атлантическом.

Имеют колонии и Нидерланды, Австралия, Новая Зеландия.

И все-таки за последние три десятилетия взвилось над миром около ста новых флагов!

Как интересно было бы собрать марки новых стран!

Но еще интереснее узнать, чем живут и дышат их народы, как пришли они к независимости. Чтобы понять стремления народов этих стран, чтобы представить себе их будущее, надо знать и их прошлое.

О прошлом и настоящем молодых государств — эта книга.

Она состоит из отдельных рассказов, которые перенесут тебя, читатель, из одной страны в другую, из времен стародавних в наши дни.

В первой части собраны рассказы о колониальных захватах, о том, как создавались когда-то колониальные империи.

В части второй — о борьбе народов колоний за свое освобождение, о том, как эти колониальные империи разваливались.

И, наконец, в третьей — о жизни развивающихся стран сегодня.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**ОХОТА
ЗА
ЛЮДЬМИ**

*Пять веков назад Европа ничего еще не знала о тех народах, которые
населяют сегодня молодые государства.*

*Но именно тогда португальские корабли поплыли вдоль берегов
Африки, а Христофор Колумб совершил свое великое открытие...*

ВЕРТИКАЛЬ ПАПЫ РИМСКОГО

Белое куриное яйцо лежало на черном сукне стола.

А вокруг огромного стола кардинала Педро де Мендосы восседало избранное общество. Шел великосветский спор, который изредка сдабривался витиеватыми обращениями к богу и ссылками на священное писание.

— Господу нашему было угодно, — торжественно произнес кардинал, — придать куриному яйцу такую волшебную форму, что никто не сможет поставить его вертикально.

И один только Христофор Колумб, недавно вернувшийся из своего знаменитого плавания и получивший от испанских монархов¹ титул Адмирала Моря-Океана и вице-короля островов и материков, которые будут открыты, на правах фаворита возразил:

— Осмелюсь заметить, ваше высокопреосвященство, ведь и Землю долго считали плоской, говорили, что господь будто бы создал ее именно такой. А теперь стало ясно, что она кругла, как шар. Если мне будет позволено, я заставлю это яйцо стоять так, как стоят часовые в королевском парке.

Кардинал усмехнулся и милостиво кивнул головой.

¹ В те времена Испанией правили король Фердинанд и королева Изабелла.

И тогда Колумб протянул руку к яйцу и ловким движением присадил его к поверхности стола тупым концом.

Гости кардинала ахнули.

...Долго еще в высшем свете шли разговоры об этом.

* * *

Папа Александр VI умел владеть собой. Он ничем не выдал своей радости при виде множества золотых монет, которые кардинал Педро де Мендоса, прибывший накануне в Рим из Испании, высыпал из кожаного мешка, сорвав с шелковых шнурков темно-красные сургучные печати с гербом испанского королевского дома.

Всего-навсего год назад занял Александр VI папский престол в Риме и не терял времени, чтобы выжать как можно больше выгод из своего высокого сана.

Не так-то просто было ему достичь папства. Много лет приходилось хитрить и ловчить, притворяться и ограничивать себя во всем, чтобы стать наконец владыкой христианского мира. Кто знает, сколько осталось жить: когда за шестьдесят, всевышний может призвать душу в любую минуту. А раз так, значит, каждый день дорог!

Предшественник Александра VI, папа Иннокентий VIII, тоже умел использовать свое положение. Он налево и направо продавал прощения самым страшным преступникам. Особенно много денег срывал он за прощение убийств. Иными словами, убийца, у которого оказывалось достаточно золота, мог легко выйти сухим из воды. Поэтому убийцы стали охотиться за богатыми людьми: ограбишь — и оправдаешься. Полетели головы купцов, князей, епископов. К тому же и папские агенты шпионили за богачами, при любом удобном и неудобном случае ложно обвиняли их в каких-либо выдуманных преступлениях против папы, так или иначе отправляли их на плаху, чтобы папа мог конфисковать их имущество в свою пользу.

Однако Александр VI, происходивший из кровавого испанского рода Борджиев, которые славились как мастера тайных убийств, перещеголял даже папу Иннокентия.

Он избрал новый источник доходов. Такой, который давал еще больше золота, чем убийства, подстроенные Иннокентием VIII. Он стал продавать высокие и доходные должности, освободившиеся после убийств тех, кто занимал их раньше. За высокую плату можно было сделаться хоть кардиналом, правда, с перспективой быть отравленным или заколотым кинжалом, чтобы папа мог перепродать это звание очередному кандидату в покойники.

Кинжал и яд были излюбленным оружием нового папы. Едва ли не каждое утро находили в Риме несколько убитых ночью именитых горожан. Все видел папский престол, но такой утонченный негодяй появился на нем впервые.

Неслыханная жестокость и коварство сочетались в Александре VI с мудростью незаурядного правителя. Он создал собственную армию

и привлек к себе на службу лучшие умы. Главным инженером его армии был сам Леонардо да Винчи, величайший художник, ученый и мыслитель, имя которого высоко уважаемо и поныне. Кончилась по воле папы власть мелких феодалов в их княжествах. Он заявил, что все должно подчиняться только ему, ему одному: он ведь представитель бога на земле!

В самом же деле мнимая, выдуманная ханжами-церковниками воля божья была направлена на удовлетворение порочных страстей папы — его алчности и скупости, тщеславия и самодурства, стремления так и сяк повелевать людьми, приказывать им все, что угодно, купаться в роскоши, даже если все это сто́ит множества человеческих жизней.

Этого папу можно назвать «талантом со знаком минус»: все свои способности употреблял он не на пользу людям, а им во вред.

Кто же помог этой бестии стать папой римским?

Многие темные личности, в том числе (и больше других!) испанский король Фердинанд и его жена, королева Изабелла. Нелегко было посадить на папский престол скромного епископа, да еще испанца: до сих пор папами бывали только итальянцы. Но Фердинанд и Изабелла старались изо всех сил и добились своего.

На что они рассчитывали? Конечно же, на то, что незаметный

епископ Борджиа, превратившись в могучего папу Александра VI, останется их покорным слугой.

Первое, что потребовали Фердинанд и Изабелла как плату за возвышение епископа, было не больше и не меньше, чем... полмира. Правда, речь шла о той половине мира, которая пока еще оставалась неизвестной.

Христофор Колумб, который благополучно вернулся из восьмимесячного плавания и которого считали уже погибшим, потому что до него никто еще не плывал по океанам так долго, доложил снарядившим его Фердинанду и Изабелле, что морской путь в Индию открыт и на неведомых землях водружен испанский флаг. Один из новых островов назвал Колумб Эспаньолой (теперь называется он Гаити).

Неизгладимое впечатление произвели на королевскую чету привезенные Колумбом островитяне, язык которых понять было невозможно.

Тут-то и получил Колумб титул Адмирала Моря-Океана и вице-короля островов и материков, которые будут открыты. Это звание должно было еще раз продемонстрировать перед всем миром, что новые земли законно принадлежат Испании.

Но на пути испанских монархов, которые уже видели во сне бочонки с золотом, мешки с пряностями и тюки с прочими драгоценными товарами, встала Португалия — сильная в то время морская держава.

Португальский король Жуан II объявил земли, открытые Колумбом, своими владениями.

Как же так? Почему? На каком основании?

Колумб, уроженец итальянского города Генуи, состоял на испанской службе. При чем же тут Португалия?

Более того. Прежде чем обратиться за помощью к королям Испании, Колумб обращался с просьбой снарядить экспедицию к Жуану II, и тот пренебрежительно отверг его предложение: португальский король не верил в шарообразность Земли и считал Колумба если не умалишенным, то уж во всяком случае глупцом.

Но увидя, куда поворачивают события, Жуан все же предъявил свои претензии. И вот почему.

Португальцы первыми из европейцев отважились на дальние плавания по Атлантическому океану. Их путь лежал на юг, вдоль берега Африки. Уже полвека искали они золото в неведомых ранее землях и привыкли считать эти земли своими. Чтобы закрепить свои права, они однажды явились в Ватикан к тогдашнему папе Сиксту IV, напомнили, что именно их корабли несут «Святой крест» в земли, населенные язычниками, и обращают дикарей в «истинную веру». И им была «дарована» папская булла¹, которая объявила собствен-

¹ Булла — важнейший акт, издаваемый папой римским и скрепленный круглой металлической печатью (буллой).

ностью Португалии все земли, что расположены в Море-Океане южнее Канарских островов.

Теперь настал черед Фердинанда и Изабеллы обращаться в Рим.

* * *

Кардинал Педро де Мендоса, которого Фердинанд и Изабелла послали к папе, как уже известно читателю, привез мешок золота. Но даже эта взятка была ничтожно мала в сравнении с переданным кардиналом обещанием достойной доли богатств с открытых Колумбом новых земель.

Подробно расспрашивал папа кардинала о том, что видел Колумб, и о том, что привез мореплаватель из-за океана. Спрашивал и о самом Колумбе. И в какой-то момент подробно поведал Педро де Мендоса, что говорит Колумб о шарообразности Земли и как смеется над теми, кто совсем еще недавно считал ее плоской.

— Вот видите, — сказал папа, — как могут заблуждаться люди, которые, ничтоже сумняшеся, превратно трактуют волю божью! — И он покровительственно улыбнулся.

И тогда де Мендоса преподнес папе историю с яйцом.

— Оно стояло вертикально! — восхищенно воскликнул кардинал. — Право же, ваше святейшество, я никогда в жизни не видывал ничего подобного!

— Вертикально? — переспросил папа, внезапно погружаясь в глубокую задумчивость. — Вертикально, говорите вы? Ммм... Что же! Вертикально — это всегда лучше, чем горизонтально!

Де Мендоса все еще никак не мог понять, что́ имеет в виду его святейшество, а папа уже подошел к карте мира и, зачеркнув линию буллы Сикста IV, проходившую через Канарские острова и горизонтально пересекавшую океан, начертил новую — вертикальную, так что острова, открытые Колумбом, остались западнее ее.

Теперь кардинал отвесил папе низкий земной поклон. Этим де Мендоса благодарил папу за то, что тот заново разделил мир, отменив старую буллу и заменив ее новой, по которой открытые Колумбом земли отходили к Испании.

* * *

Португальский король Жуан II, хотя и был «добрым католиком», не желал согласиться с этим решением папы. Он настаивал на горизонтальной линии. Но воевать с Испанией боялся. В конце концов пришлось ему подчиниться папской булле, согласившись на восточную половину мира. В 1494 году удалось только добиться перенесения вертикали Александра VI немного на запад — всего на 370 лиг¹.

Тогда никто не мог догадаться, какую важную роль сыграет в дальнейшем это перенесение папской вертикали.

А произошло вот что.

Папа Александр VI вскоре стал жертвой собственного коварства и вероломства: он и его сын Чезаре Борджиа случайно выпили ими же отравленное вино, которым собирались угостить очередного кардинала, и умерли в страшных мучениях.

Но папская вертикаль долго еще оставалась незыблемой. И когда была открыта огромная Бразилия, она автоматически стала колонией Португалии, потому что оказалась к востоку от вертикали.

Именно вертикаль папы римского объясняет, почему сейчас в Бразилии говорят по-португальски, а в других странах Латинской Америки — по-испански.

ГЕНРИХ МОРЕПЛАВАТЕЛЬ

Как уже, вероятно, заметил читатель, маленькая Португалия в то время была очень агрессивна и первой начала захватывать чужие земли.

Впрочем, успехи захватчиков объяснялись не столько силой Португалии, сколько вероломством и пиратством, которые, оказываясь, и тогда были свойственны колонизаторам.

Так португальский король Жуан I однажды нагло захватил марокканскую гавань Сеуту.

В числе других за участие в этом пиратском захвате получил

¹ Лига — здесь: мера длины, равная примерно пяти километрам.

рыцарское звание и один из сыновей короля, двадцатилетний Генрих.

На мысе Сагриш, крайней юго-западной точке Европы, построил Генрих мраморный дворец, из окон которого открывался великолепный вид на океан. Безбрежные водные дали казались бесконечными. И Генрих часто задумывался над тем, а что, что же там, за горизонтом?..

В свой дворец приглашал он купцов и путешественников из разных стран, корабельных мастеров и астрономов — словом, всех тех, кто так или иначе имел отношение к мореплаванию.

Эти люди рассказывали принцу Генриху много правдивых историй, но еще больше сочиняли.

— В дальних странах текут золотые реки, — утверждал один. — А по берегам золотых этих рек ходят люди без голов. Лица их с глазами, носом, ртом и бородой расположены прямо на груди.

— А есть страны, — сообщал другой, — где живут одноногие люди. Но единственная нога такая большая, что если одноногий человек ложится на спину и поднимает ее, то она дает такую тень, которая полностью укрывает его от палящего солнца.

— Самые богатые земли, — торопился вставить слово третий, — это те, на которых построили свои хижины одноглазые. У этих людей один большой глаз посреди лба. И не носят они никакой одежды, а бегают нагишом.

Такие небылицы слушал Генрих, как смешные сказки, и, слушая, весело смеялся. Но порой лицо его становилось серьезным. Особенно заинтересовал Генриха рассказ о каком-то христианском священнике Иоанне, который подчинил себе темнокожих одной из далеких стран, и в далеком царстве его, за высокими горами и бескрайними пустынями, — прямо-таки россыпи золота и драгоценных самоцветов.

Золото! Вот что волновало принца Генриха, вот что заставляло громко стучать его сердце и горячило кровь.

И, оставаясь наедине с самим собою, он все чаще и все внимательнее смотрел на карту, где были то ли в шутку, то ли всерьез изображены безголовые, одноногие и одноглазые люди, огромные птицы, которые уносили в свои гнезда слонов и кормили ими своих птенцов, и еще более огромные чудища, которые заглатывали целые корабли. Внимательно смотрел, но сказочных этих картинок словно не видел, потому что думал совсем о другом.

И наконец в голове его созрел план действий. Прежде всего, решил он, надо добраться до царства священника Иоанна и помочь ему изгнать неверных из всей Северной Африки. И тогда откроются пути к золоту и слоновой кости, к перцу, шелкам и коврам — ко всему тому, что португальцы могли покупать только у иноземных купцов по очень высоким ценам.

В своем дворце на мысе Сагриш основал Генрих академию морских капитанов. На деньги ордена иезуитов, предводителем которого он стал, построил — каравелла за каравеллой — целый флот. Корабли принца Генриха отправились в южные моря. И однажды привезли

ему десять чернокожих рабов. Всего-навсего десять. Но это были только первые рабы, это было только начало... Первый шаг к тем несметным богатствам, которые сколотили потом европейцы-колонизаторы за счет народов, возвративших себе свободу только в наше время.

Чернокожие рабы были дороги! Продажа нескольких рабов окупала целую экспедицию. Спрос на них в Европе стал огромен.

Генриху больше уже не приходится уговаривать своих капитанов плыть в дальние страны. Охотников появилось сколько угодно.

Сам Генрих отсиживается в своем сагришском дворце. Он никогда не плавал дальше берегов Северной Африки. Но целых сорок лет создавал он португальский флот и поэтому вошел в историю под именем Генриха Мореплавателя.

Католическая церковь благословляла работорговлю. Ведь не случайно, говорили падре, у африканцев черная кожа. Это всевышний их заклеймил за то, что их прародитель прогневал всевышнего. Так именно и толкует Библия. В давние времена, когда земля только что освободилась от всемирного потопа, Ной¹ принялся возделывать землю и посадил виноград. У него было три сына: два хороших — Сим и Яфет, и один плохой — Хам. И за недостойное поведение Ной проклял своего сына Хама, а заодно и его сына Ханаана, и сказал: «Проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих». Церковники говорили народу, что Ной отдал своему любимому сыну Яфету Европу, Симу — Азию, а проклятому им Хаму — Африку. Потомки Хама и Ханаана стали чернокожими и, согласно слову божьему, вечно должны быть рабами европейцев — потомков Яфета.

Все эти выдумки церковников должны были прикрыть португальские разбойничьи набеги и захваты. В наши дни можно услышать по радио и прочесть в газетах капиталистических стран более утонченные лживые слова, но суть их все та же: стремление представить кровавых колонизаторов эдакими благородными и респектабельными джентльменами.

Времена новые, а ложь и разбой — старые...

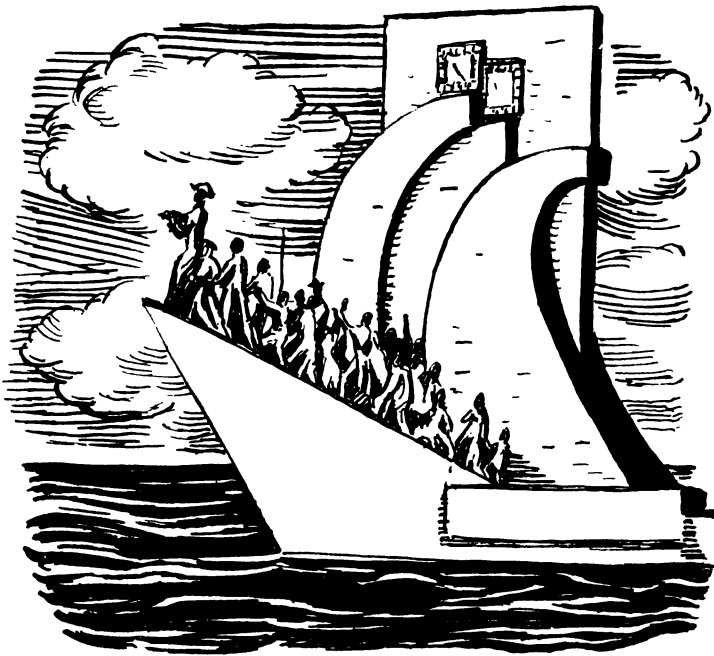
Вернемся, однако, к нашему рассказу.

Итак, вскоре уже весь португальский флот занят был ловлей рабов и их продажей. Вместе с «живым товаром» каравеллы сухопутного Мореплавателя привозили золотой песок и слоновую кость. Но рабы были дороже и того и другого.

Теперь главной заботой португальских колонизаторов стало сохранить для себя всю Африку, не допустить в свой «заповедник» никого другого.

Как-то раз один испанский капитан осмелился погрузить на корабль африканских рабов. Португальцы сожгли его на костре как еретика, нарушившего папскую буллу.

¹ Ной — герой библейского мифа о всемирном потопе. Всемирный потоп был «ниспослан» как «божья кара» и только праведник Ной, его семья и 21 пара животных и птиц спаслись на Ноевом ковчеге.

ОГНЕМ И МЕЧОМ

Корабль, входящий в Лиссабонскую гавань, не может не проплыть мимо грандиозного памятника. На Вифлеемской набережной, у самой воды, стоит это каменное изображение носа корабля с тремя надутыми ветром парусами. По обеим сторонам корабля — толпа завоевателей, изваянных из белого камня. Здесь и солдаты в стальных шлемах, и капитаны с подзорными трубами. Но где же оборванные и босоногие матросы, которых королевские вербовщики набирали из числа приговоренных к смерти преступников и которым «добрый» король милостиво разрешал рисковать жизнью, захватывая для него новые земли и новые богатства? Ведь именно они и еще обедневшие дворяне, желавшие поправить свои дела, да просто-напросто бесприютные бродяги, да странствующие монахи, называвшие себя миссионерами, а на самом деле самые обыкновенные грабители, — вот кто был главной силой, которая должна была подчинить «туземцев» королю, называвшему себя «наихристианнейшим».

Всего этого сброда, конечно же, на памятнике нет.

Памятник прославляет португальцев, первыми отправившихся к дальним землям.

На восточных берегах Африки португальские завоеватели нашли не дикие племена, а цветущие города с многоэтажными каменными домами и оживленными портами. Они увидели, что по цивилизован-

ности и культуре здешние страны и народы ни в чем не уступают европейским, а во многом даже превосходят их.

Может быть, это остановило португальцев? О нет! Они вторглись в Африку, как разбойники. Они палили из пушек по незащищенному городу Момбаса, находящемуся на территории современной Кении и бывшему в то время крупным торговым и ремесленным центром. Они грабили корабли. Моряки первого же португальского корабля, достигшего вод Индийского океана, захватили в плен мирных рыбаков и в целях устрашения жителей зверски мучали их, капая им на кожу кипящее масло.

Добравшись до Индии с помощью одного из лучших арабских мореплавателей того времени Ахмеда ибн Маджида, автора многих книг по навигационной науке, которого силой и обманом они заставили служить себе, португальцы огнем и мечом обрушились на ничего не подозревавшие индийские города. Они похитили хитростью завлеченных на свои корабли придворных правителя индийского княжества Каликут и, заперев их в трюме, увезли в Португалию.

За первыми кораблями, произведшими в далеком океане «разведку боем», последовал целый флот португальских военных судов. На судах размещалась большая армия закованных в латы солдат.

Хитростью и угрозами, пытками и расправами заставляли новоявленные завоеватели одну за другой африканские страны признавать власть португальского короля и соглашаться на выплату ему богатой дани.

Опять-таки для устрашения тех, кому вздумалось бы сопротивляться или не подчиниться, старинные города Момбаса и Кильва были стерты с лица земли, а почти все жители этих городов убиты с неимоверной жестокостью.

Чем отличались португальские завоеватели и их королевские адмиралы от обыкновенных пиратов?

В Индийском океане португальская эскадра как-то раз встретила большой корабль с паломниками. Несколько сот человек целыми семьями, вместе с детьми, возвращались из Мекки и Медины¹. Какие уж там богатства были у них с собой! Но даже жалкий скарб паломников показался жадным португальцам не лишним. Они ограбили совсем небогатых людей, а для того, чтобы эти люди не могли кому-нибудь рассказать о грабеже, португальцы заперли их в трюме их собственного судна, которое подожгли и оставили в открытом море. Почуввав смертельную угрозу, паломники вырвались из трюма и попытались потушить пожар. Тогда португальские корабли окружили горящее судно и открыли по нему стрельбу из пушек. «Сражение» с незащищенными людьми и их детьми длилось четверо суток. Паломники защищались с отчаянием обреченных. В конце концов их судно

¹ Мекка и Медина — города, расположенные на территории нынешней Саудовской Аравии. С VII века — священные места мусульман: в Мекке родился основатель ислама Мухаммед, в Медине — его могила.

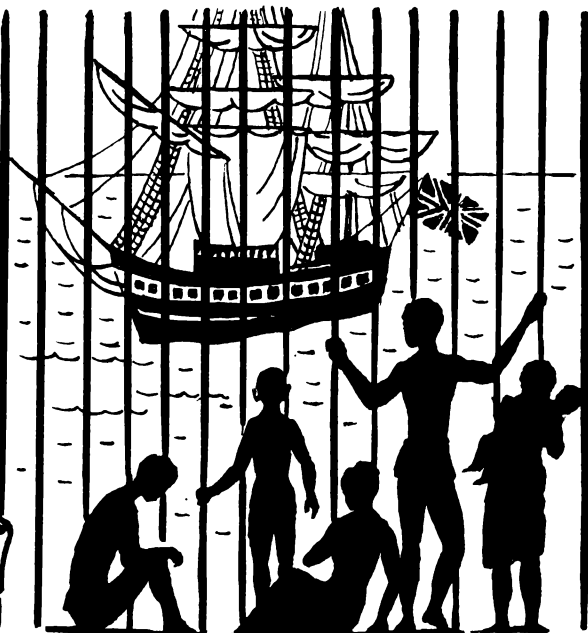
все же было снова подожжено и потоплено. Никто из них не остался в живых.

Подойдя вторично к индийскому берегу, португальцы без всякого предупреждения стали расстреливать из пушек город Каликут, который ничем не был защищен и не мог ответить на коварное нападение. На глазах у горожан португальский десант захватил около сорока ни в чем не повинных индийцев, и все они были повешены на корабельных реях. А когда правитель Каликута отправил к завоевателям посла, чтобы как-то договориться с ними или хотя бы на время успокоить их, португальцы зверски расправились и с послом, отвезли его труп на лодке в город и широко оповестили, что так будет с каждым, кто посмеет противиться их воле.

Португальский король назначил вице-королем Индии Афонсу ди'Албукерки. Захватив индийский город Гоа, этот вице-король первым делом перебил почти все местное население.

Так утверждались первые в мире колонизаторы в своих колониях, где были они затем господами и полновластными хозяевами полтысячи лет.

Только 19 декабря 1961 года свободная Индия смогла изгнать из Гоа португальских колонизаторов, и лишь в 1975 году, уже после того

как в Португалии была свергнута фашистская диктатура, новое португальское правительство официально признало Гоа частью индийской территории.

* * *

Пока под защитой папской буллы Португалия завоевывала земли в Африке и Азии, а Испания — в Америке, в Европе крепили другие державы, путь которым за океан был закрыт мощными португальским и испанским флотами. Разными путями пытались опоздавшие к разделу мира европейские государства пробиться к далеким землям.

Главным оружием Голландии была торговля. Голландские купцы накапливали золото. К ним в конечном счете попадало богатство, захваченное португальскими и испанскими завоевателями за океанами. А кто богат, тот и силен. Постепенно голландский купеческий флот, вооруженный пушками не хуже военного, стал самым большим в мире. К Голландии перешли и некоторые португальские владения в разных уголках земли.

Английские же адмиралы пробивали себе путь к заморским сокровищам, как обычные пираты. Самым знаменитым адмиралом-пиратом был Фрэнсис Дрейк, промышлявший в испанских владениях и грабивший у берегов Америки испанские каравеллы, возвращавшиеся с добычей в Испанию. Спасаясь от преследовавших его испанских военных кораблей, он поневоле стал вторым после Магел-

лана мореплавателем, обошедшим вокруг земного шара. Но Фрэнсис Дрейк был не первым английским адмиралом-пиратом. Совсем молодым офицером он служил у адмирала Хокинса, авантюры которого у португальских берегов Африки и испанских берегов Америки открывали дорогу английскому флагу в далекие океаны, ту дорогу, которая вывела Англию на широкий простор захвата чужих земель во всем мире. Хокинс был одним из тех авантюристов, чьи преступления заложили фундамент величайшей колониальной империи, охватывавшей накануне второй мировой войны добрую половину мира.

Вот как проходила последняя экспедиция Хокинса, в которую он отправился осенью 1567 года.

АДМИРАЛ-ПИРАТ

На этом большом балу молодой адмирал Джон Хокинс был, пожалуй, самым элегантным кавалером. Красивейшие дамы города Плимута улыбались Хокинсу.

Казалось, весь он был поглощен светскими разговорами и вниманием, оказываемым ему. На самом же деле заботило его совсем другое. Ему надо было улучшить момент и в отдаленной комнате одной из фрейлин, с глазу на глаз, переговорить с самой королевой.

Всего несколько слов произнесла королева. Но они были в буквальном смысле слова золотыми! Хокинс заручился негласной поддержкой царствующей особы. С этого-то все и началось.

Именитые купцы водили адмирала, переодетого в лохмотья, по мрачным каменным лабазам на берегу Темзы и приветливо улыбались. Улыбались и подсовывали для эскадры гнилые бобы.

Потом в трущобах, разбросанных вокруг лондонского порта — неподалеку от стен Тауэра, — под видом офицера, вербующего рекрутов во флот, адмирал лично сам беседовал с каждым матросом, прежде чем отправить его в Плимут, в свою эскадру.

Кажется, ошибки не было допущено нигде и ни в чем. Но тем не менее надо было торопиться. Ведь кто-то все же мог догадаться о его тайне. И Хокинс опасался измены. Ему был дорог каждый час. Скорее бы сняться с якоря. Тогда уж сам черт ему не брат! Пусть даже де Сильва что-нибудь пронюхает. Пока его депеша дойдет до Мадрида, а оттуда до испанского флота в Вест-Индии¹, он, Хокинс, будет уже далеко. Не догонишь!

И здесь, в Плимуте, на балу, где молодой адмирал запросто покорял сердца, он думал только об одном: как бы не пропустить, не прослушать условный сигнал — крик совы. Сигнал этот должен был

¹ В е с т - И н д и я — общее название островов Атлантического океана между материками Северной и Южной Америки, вытянутых в виде дуги длиной около 3500 км; в числе этих островов — Багамские, Большие и Малые Антильские. Сейчас в Вест-Индии расположены государства Куба, Гаити, Доминиканская Республика, Тринидад, Тобаго, Ямайка, Барбадос и некоторые колонии Великобритании, Нидерландов, Франции и США.

донестись до его слуха оттуда, где стояла его эскадра торговых и военных кораблей.

То и дело под разными предлогами приближался адмирал к распахнутому окну и вслушивался.

За окном моросил мелкий осенний дождь. Тускло светились на кораблях эскадры оконца дежурных офицеров.

Адмирал нервничал. Он не мог понять, почему до сих пор нет сигнала, а это значит — не прибыли тайные гонцы: один — с охранной грамотой королевы — на случай встречи в открытом море с кораблями английского военного флота, другой — беглый испанец с последними шпионскими сведениями из испанского посольства. Ведь если де Сильва предъявит королеве официальный протест до того, как эскадра успеет уйти из Плимута, она вынуждена будет запретить экспедицию и, возможно, даже арестовать ее командира. Этот проклятый, унижительный для Англии договор, навязанный Испанией! Как мешаает он тем, кто так и рвется послужить короне в безбрежных просторах Атлантического океана!

Джон Хокинс не раз нарушал этот договор. Несмотря на свою молодость, адмирал был настоящим «морским волком». Вернее, морским разбойником, пиратом в эпохатах. Он тайком пробирался сквозь португальские морские патрули к западным берегам Африки, его люди хватали в прибрежных селениях африканцев, загоняли их в трюмы своих кораблей. Затем адмирал-пират доставлял живой груз в испанские владения в Вест-Индии и возвращался домой, щедро одаренный золотом испанских рабовладельцев.

Казалось бы, этим он служит не только своей королеве, которая сказочно наживалась на каждой его экспедиции, получая две трети награбленного, но и испанцам. Почему же тогда так опасался адмирал-пират испанского посла в Лондоне де Сильву и все свои манипуляции хранил в глубочайшей тайне? А потому, что продажу африканских рабов в Вест-Индии объявил испанский король своей монополией и исключительной привилегией. Проще говоря, Филипп II был главарем таких же пиратов, как Хокинс, и его королевские пираты состязались и конкурировали с пиратами английской королевы. И если уж мы называем Хокинса адмиралом-пиратом, то почему не назвать Филиппа II пиратом в королевском сане! Ведь за покушение на выдуманные им самим его права Филипп II готов был разорвать на части кого угодно.

Так же ревностно, как испанский король, охраняли берега своих владений к югу от островов Зеленого Мыса португальцы. И это тоже мешало английским купцам наживаться на торговле заморскими товарами. Они с завистью смотрели на португальские корабли, доставлявшие в европейские города невиданные пряности, на целые бочки перламутра, причудливых ракушек, на слоновую кость и золото. Все это вывозилось из недавно открытых земель, населенных необычными черными людьми. А еще больше дразнили воображение английских купцов невероятные рассказы, слухи и сказки, которыми

побывавшие в дальних морях португальские гости, охмеленные элем или ромом, не ленились удивлять завсегдаев бесчисленных портовых кабачков Лондона, Ливерпуля, Плимута и других английских приморских городов.

Из уст в уста передавались легенды о богатых базарах Тимбукту и о пещерах, где хранилось больше драгоценностей, чем в несуществующем сказочном городе Джиболе, улицы которого будто бы были покрыты золотыми плитами.

Долго вынашивал Джон Хокинс свой новый план.

Наконец все было готово для проведения небывалого по размаху набега на африканские берега. Свой пай в экспедицию внесли самые богатые купцы и влиятельные вельможи Англии. Даже сама королева Елизавета, как мы уже знаем, связала себя с Хокинсом, предоставив в его распоряжение два своих лучших военных корабля.

В те времена Англия поддерживала с Португалией и Испанией мирные отношения: она еще не набрала силы, чтобы бросить открытый вызов этим могущественным морским державам. И целью экспедиции Джона Хокинса были не морские сражения, а торговля самым выгодным в эпоху захвата первых колоний товаром — рабами-неграми.

Однако между торговлей и грабежом, дипломатическими отноше-

ниями и вооруженными схватками на море не существовало, пожалуй, никакой разницы, а королевский адмирал в мгновение ока превращался в пирата, и в открытом море и на «черном» берегу ничего не стоило ему разграбить чужие корабли или учинить кровавую резню.

Нередко английские и испанские фрегаты и каравеллы, которые еще вчера стояли борт о борт в каком-либо европейском порту и капитаны которых чокались в портовом кабаке, едва выйдя в море, бросались друг на друга, как дикие звери...

Хокинс получил наконец от королевы грамоту, скрепленную красной печатью. Перед самым рассветом прибыл и испанец и доложил: в испанском посольстве все спокойно. А наутро жители Плимута обнаружили, что эскадры, к виду которой они уже успели привыкнуть, на рейде больше нет. Лишь далеко на горизонте едва виднелись белые паруса.

Три дня попутный ветер гнал эскадру в юго-западном направлении. Неожиданно ветер стих, паруса повисли. На мачте флагманского корабля «Иисус» появился сигнал, созывающий всех капитанов на совет. И только когда капитаны собрались в адмиральской каюте, Джон Хокинс объявил им об истинной цели экспедиции, вручил каждому подробную инструкцию на случай, если из-за шторма или

сражения корабли потеряют связь друг с другом и им придется действовать самостоятельно. Такая предосторожность была необходима. Португальцы объявили на весь мир, что они будут топить все иностранные суда, осмеливающиеся заходить за Азорские острова.

Осторожному Хокинсу удалось привести всю эскадру к Зеленому Мысу так, что португальские военные корабли ее не заметили. Можно было начинать охоту на людей. Под покровом темноты около двухсот матросов и солдат, соблюдая полную тишину, высадились на берег. Теперь надо было найти какое-нибудь селение и окружить его. Перед рассветом английский отряд увидел большой круг плетеных хижин, рядом с которыми на заботливо возделанных полях росли какие-то злаки. Казалось, пиратам королевы удалось застать местных жителей врасплох. Люди Хокинса, ведóмые им самим, бросились к хижинам. Но их ждало разочарование. Хижины были пусты. Правда, в очагах еще дымилась угли. Это означало, что туземцы ушли недавно и что они не могли уйти далеко. Хокинс разделил наемников на три отряда и послал их в разные стороны искать беглецов. Но не успели эти отряды выйти из деревни, как со всех сторон раздались воинственные крики, бой барабанов и Хокинс увидел, что деревня окружена полуголыми воинами, потрясающими короткими копьями. Целый дождь стрел, выпущенных из луков, обрушился на людей Хокинса, но не причинил им вреда: стрелы и короткие копья, которые можно было метать только с близкого расстояния, не могли пробить стальные латы и шлемы пришельцев. Зато огонь английских аркебуз¹ и стрелы с железными наконечниками, выпущенные из арбалетов², буквально косили туземцев. Кожаные щиты и изогнутые сабли африканцев не могли защитить их от европейских клинков. «Не убивайте их, берите живьем!» — командовал Хокинс. Однако уцелело лишь девять человек. Вернувшись на свои корабли, англичане со смехом показывали друг другу царапины от тростниковых стрел и копий. Но через двое суток оказалось, что к этим царапинам нельзя было относиться так легкомысленно. Наконечники стрел были смазаны каким-то ядом, и те, кто вовремя не догадался промыть свои царапины, умерли в страшных мучениях. А по ночам до кораблей доносился барабанный бой. Стало ясно, что за каждым движением пришельцев следят сотни скрытых глаз.

Хокинсу пришлось поднять паруса. Немного времени потребовалось для того, чтобы достичь устья реки Гамбия. Но кто-то успел опередить Хокинса. В его излюбленном месте охоты за людьми стояли на якоре шесть небольших кораблей. Заметив приближение англий-

¹ А р к е б у з а — один из первоначальных образцов западноевропейского ручного огнестрельного оружия. Заряжалась с дула. Стреляли из аркебузы каменными, а затем свинцовыми пулями. Русское название — пищаль.

² А р б а л е т — метательное оружие, распространенное в западноевропейских странах в средние века: стальной лук, укрепленный на деревянном ложе с тетивой, натягивающейся воротом. Из арбалета стреляли короткими стрелами. В России назывался самострелом.

ской эскадры, они попытались выйти в открытое море, но пушечные ядра заставили их отказаться от мысли о бегстве. Англичанам досталась легкая победа в короткой схватке. Командиром сдавшейся им эскадры оказался французский капитан, так же, как и Хокинс, незаконно промышлявший в водах, объявленных Португалией своими владениями. В качестве военного трофея, а точнее, пиратской добычи Хокинс присоединил к своей эскадре самый большой из французских кораблей.

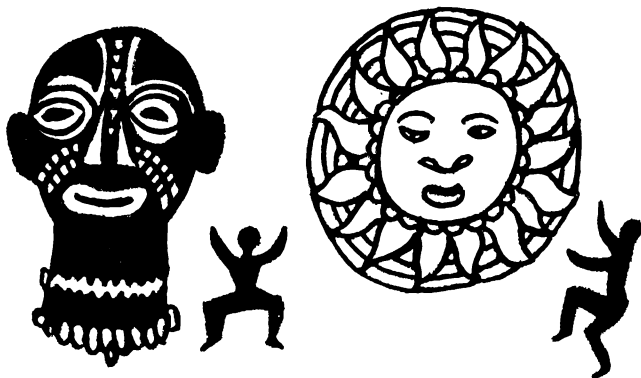
Много дней пришлось пиратам английской королевы курсировать вдоль африканских берегов, много пережить неожиданных приключений, прежде чем трюмы их кораблей наполнились невольниками. Свою главную добычу Хокинс захватил на берегах Сьерра-Леоне.

Однажды вечером к борту его корабля приблизился челнок, вырубленный из древесного ствола. Несколько гребцов стоя направляли его к кораблю. На корме сидел важного вида человек, одежда и украшения которого говорили о его высоком положении в племени.

В каюте адмирала с помощью немногих португальских слов и жестов незнакомец объяснил Хокинсу, что привело его на борт «Иисуса». Его послал сам Шери, король Сьерра-Леоне, который уже долго и безуспешно воевал с правителем соседнего племени Сетекамой. Сетекама укрепился в городе Конга на берегу реки Сьерра-Леоне, превратил этот город в крепость с высокими стенами и глубокими рвами. Взять Конгу штурмом не удастся никак. Король Шери предлагает бледнолицему повелителю огня и грома, ниспосланному ему небесами, военный союз. Если корабли, изрыгающие огонь, подойдут по реке к Конге и разрушат его стены, после взятия города король доставит ему столько невольников, сколько смогут увезти его корабли. Хокинс принял это предложение без малейшего колебания. Его несколько не смущало, что он становится орудием в руках гнусного предателя своего народа. Английского адмирала беспокоила только возможная встреча с португальским флотом, которая грозила ему виселицей. А мысль о том, что одним махом он сможет получить то, чего безрезультатно добивался уже несколько месяцев, была ему по душе.

Крупные корабли Хокинс оставил на рейде в открытом море, неподалеку от устья реки,— как прикрытия на случай появления португальского флота. Несколько небольших судов с достаточным количеством пушек, ядер и пороха, а также шлюпы с солдатами отправились вверх по реке. Хокинс все же немного побаивался, что его новоявленный союзник, будучи человеком подлым и низким, может его обмануть. Поэтому он решил не только бомбардировать пушечными ядрами стены Конги, но еще и послать небольшой отряд в резиденцию короля Шери, чтобы в случае необходимости силой заставить его выполнить заключенный с англичанами договор.

Хокинс рассчитывал на легкую победу. Но города упорно защищались. Сквозь бреши, пробитые в стенах пушечными ядрами, горожане выходили на рукопашный бой и отгоняли пришельцев в при-

брежные леса. Уже два дня продолжался безрезультатный штурм. Около двадцати английских солдат получили ранения. Опять пустяковые царапины от легких стрел. Но кто мог поручиться за то, что и эти стрелы не были отравлены!

Хокинс понимал, что не может больше задерживаться у стен Конги. Португальцы могли появиться в любой момент. А надежду на успешную атаку он уже потерял. Поэтому адмирал-пират решил ударить по городу всеми своими силами, а затем, захватив столько пленников, сколько ему нужно, отправиться подальше от берегов Африки. И он приказал королю в условленное время напасть на город с противоположной от реки стороны, а для гарантии отрядил сорок своих солдат с аркебузами и пистолетами для «почетной охраны» короля. Защитники города поняли, что они обречены на безжалостное уничтожение. Они выслали послов к королю Шери, предлагая мир на любых условиях. Но никакой мир не устраивал Хокинса. Ему были нужны рабы, и не позже, чем на следующий день. Кровавую резню уже нельзя было предотвратить. Европейская «цивилизация» вторглась в Африку. Послов по приказу Хокинса заковали в цепи. Вдали от Лондона английскому джентльмену некого было стесняться. Если он привезет королеве золото, никто не будет интересоваться, ценою какого отвратительного вероломства оно добыто.

Едва первые лучи солнца озарили стены обреченного города, главные силы Хокинса приблизились к нему на расстоянии аркебузного выстрела. Раздался звук боевой трубы, корабли открыли пушечный огонь. Решительный штурм начался. Послушный приказу Хокинса, король Шери послал и своих воинов в атаку. С укрепленных стен защитники города разили королевских солдат копьями, стрелами, камнями, но король посылал все новые и новые отряды: он боялся гнева «ниспосланного ему небесами» союзника. Англичане тоже не

смогли пробиться в город с первой попытки. Впрочем, потерь у них было немного: стальные латы и шлемы надежно защищали их от легких стрел и копий. Во главе атакующих был сам адмирал. Он первым выпрыгнул на берег из шлюпки. Его хриплый голос слышался сквозь шум сражения. «Заваливай рвы, руби колючки!» — командовал Хокинс, впервые встретившийся с крепостными стенами, сплошь увитыми какими-то высушенными колючими растениями, сквозь которые невозможно было продрасться.

Несмотря на то, что стены города были во многих местах разрушены пушечными ядрами, прорваться в город английским солдатам все же не удавалось. Более того, Хокинсу стало казаться, что на узких запутанных улочках города в лабиринте глиняных хижин, заборов, оград и канав его солдаты смогут потерять связь друг с другом и окажутся в еще большей опасности. Он принял новое решение. Собрав вокруг себя весь отряд, он приказал каждому солдату наполнить факел горючей смолой, зарядить арбалет стрелами со смоляной паклей и забросать город огнем. Подобравшись к городским стенам с наветренной стороны, английские солдаты подожгли паклю на стрелах и по команде одновременно выпустили их по городу. Успех превзошел все ожидания. Кровли глинобитных хижин, сплетенные из высушенных пальмовых листьев, вспыхнули как порох. Смятение в ряды защитников города внесли и факельщики. Пламя в их руках казалось африканцам каким-то новым, невиданным оружием, которое внушало суеверный ужас. Вскоре весь город был окутан клубами дыма, сквозь который не могли пробиться даже солнечные лучи. Ветер мгновенно переносил огонь с одной крыши на другую. Такого африканцы не испытывали еще никогда. Их сопротивление стало ослабевать. Те, кто пытались укрыться в хижинах, погибли там от ожогов и удушья. Остальные отступили к центру города, куда без поддержки воинов своего африканского союзника Хокинс пойти не решился. Его главной заботой было не позволить солдатам разбресться по городу для грабежа или увлечься преследованием отступающих. Пусть добьют оставшихся в живых солдаты короля Шери. Добыча теперь уже никуда не ускользнет.

Между тем солдаты Шери ворвались в город. Единственной надеждой горожан на спасение было бегство. Опьяненные возможностью безнаказанно убивать и грабить, подгоняемые английскими «телохранителями», воины короля Шери разили своих врагов направо и налево. Не щадили ни женщин, ни детей. И тут Хокинс вдруг понял, что о нем забыли, что он теперь стал лишним. Адмирал-пират забеспокоился: если все население города будет уничтожено, ему не достанутся пленники, ради которых он затеял свою экспедицию. Он не мог смотреть на то, как сотни и сотни сильных людей, которых он уже считал своей добычей, падали мертвыми под ударами воинов короля Шери. Он с тревогой наблюдал за тем, как уцелевшие от резни защитники города бежали, пытаясь найти убежище в непроходимых джунглях и болотах. Хокинс поспешил преградить путь

к лесу и приказал спешно хватать пленников. К своему удивлению, среди туземцев он обнаружил и несколько португальцев, случайно оказавшихся в Конге, когда этот город был осажден королем Шери. Эти португальцы были опасными свидетелями. И, хотя они видели в Хокинсе европейца, который может спасти их от жестоких туземцев, адмирал-пират приказал немедленно их умертвить. Кто будет потом разбираться, от чьих рук погибли эти люди!..

Время шло. Как всегда у экватора, ровно в шесть часов вечера в одно мгновение наступила полная темнота. При свете костров в английском лагере, разбитом у стен поверженного города, Хокинс подвел итоги дня. Всего четверо из его отряда были убиты, еще столько же тяжело ранены, так что не было смысла брать их с собой. Они были брошены на милость короля Шери. Никто не знает, как кончилась их жизнь.

Хокинс был доволен. Потери скромные, а добыча богатая. С теми невольниками, которые уже находились на кораблях, в его руках оказалось более тысячи рабов, в основном — молодых мужчин, а также женщины и дети, которые тоже высоко ценились рабовладельцами-плантаторами. Теперь ничто не задерживало Хокинса в Африке. Всего один день ушел на то, чтобы надежно заковать невольников в цепи, запастись пресной водой для длительного перехода через Атлантический океан, и 7 февраля 1568 года эскадра адмирала-пирата Хокинса с невольниками подняла паруса.

Попутный ветер гнал корабль Хокинса, совсем не подозревавшего о том, что скоро ему предстоит роковая для него встреча с испанским флотом, который в это время ожидал его у берегов Вест-Индии.

* * *

Стоит ли сейчас вспоминать об английских адмиралах-пиратах, промышлявших в далеких океанах четыреста лет назад? Какой след они оставили в современном мире? Ведь может показаться, что нелегко сегодня обнаружить следы того золота, которое они привозили на Британские острова из своих экспедиций. Но ученые утверждают, что именно богатая добыча адмиралов-пиратов заложила основы последующего экономического роста Англии, ее всемирной колониальной империи, богатства многих нынешних промышленных и торговых монополий.

Недавно английские экономисты произвели интересные подсчеты. Золото, привезенное Фрэнсисом Дрейком из его пиратских походов в XVI веке в Англию, позволило королеве Елизавете предоставить сорок две тысячи фунтов стерлингов на образование колониальной Левантской и позднее Ост-Индской компании. Именно эти деньги явились главной основой иностранных капиталовложений Англии. Если принять среднегодовой доход с этой суммы, который из года в год вкладывался в дело, всего лишь в размере трех с половиной процентов, то за время с 1850 по 1930 год этот первоначальный

капитал вырос до четырех миллиардов двухсот миллионов фунтов стерлингов, что равно общей сумме иностранных капиталовложений в Англии в 1930 году.

Разумеется, эти капиталовложения продолжают приносить прибыль и увеличиваться за счет этой прибыли и по сей день.

«ЧЕРНОЕ ДЕРЕВО»

Европейские колонизаторы привозили африканцев в завоеванную ими Америку. Для чего? Разве мало было в Америке местных жителей, которых можно было обратить в рабство и заставить работать на новых хозяев?

Да, конечно, в Америке испанские завоеватели встретили многонаселенные страны. Там, где им удавалось, они заставляли местное население работать на рудниках и на полях своих обширных поместий. Но там, где народ боролся против колонизаторов, сопротивлялся порабощению, его почти полностью уничтожали. А чтобы выращивать сахарный тростник, хлопок, табак и другие культуры, требовалось много рабочих рук. Тут-то и понадобились рабы, которыми становились насильно вывезенные из Африки люди, принадлежавшие самым разным племенам и государствам.

Главным рынком рабов в Вест-Индии был остров Ямайка, захваченный Англией. На Ямайке привезенные из Африки рабы перепродавались во все американские колонии — от португальской Бразилии до английских владений в Северной Америке. На Ямайке в 1775 году из двухсот десяти тысяч жителей было сто девяносто две тысячи вывезенных из Африки чернокожих рабов, в Сан-Доминго (французская часть острова Гаити) из пятисот двадцати четырех тысяч жителей рабов было четыреста шестьдесят пять тысяч.

Своих рабов из-за темного цвета их кожи рабовладельцы презрительно называли «черным деревом». А позднее, когда работорговля была уже запрещена, словами «черное дерево» пользовались работорговцы-контрабандисты как шифром, чтобы обмануть власти, следившие за выполнением этого запрета.

Никто не считал, сколько африканцев вывозили в Америку как рабов. Да и какие могли быть подсчеты, если часто их вывозили тайком!

Известно лишь, что из четырех африканцев, захваченных работорговцами, только один оставался жив и оказывался в Америке. Остальные гибли в дороге: и в самой Африке — пока их доставляли из глубин материка к портам, и на кораблях — из-за невыносимых условий. А многих работорговцы, опасаясь наказания, сбрасывали в море, когда встречались на морских дорогах с военными кораблями тех стран, где работорговля была уже запрещена.

Об этих несчастных писал американский поэт Лонгфелло:

В пучине глубокого моря
Схоронены в зыбких песках,
Лежат позабытые всеми
Людские скелеты в цепях.

Купцы только одного английского города Ливерпуля в 1792 году использовали для торговли рабами 132 корабля.

Всего же, по мнению современных ученых, из Африки за все время работорговли было вывезено не менее ста миллионов человек.

Много это или мало? Это очень много. Ведь в XVIII веке во всей Англии жило пять миллионов англичан.

КЛЕРК ПОКИДАЕТ КОНТОРУ

Два века прошло с тех пор, как наместник португальского короля Албукерки основал колонии Португалии в Индии. Эти колонии неслыханно обогащали португальских купцов. Продавая пряности из своих восточных колоний в Европе, они получали до тысячи процентов прибыли на капитал.

Немного позже в разных концах мира стали возникать и колонии Голландии. В устье североамериканской реки Гудзон голландский купец за ящик товаров стоимостью в 25 долларов купил у вождя

индейского племени большой скалистый остров Манхеттен. На этом острове была построена крепость Нью-Амстердам.

За эти два столетия многое изменилось в Европе. Теперь уже не Португалия с Испанией и даже не Голландия были самыми сильными европейскими державами, а Англия и Франция. Между ними-то и развернулась борьба за владения отошедших на второй план колониальных монархий. Плыви на восток и на запад корабли под английскими и французскими флагами. После одной из европейских войн к англичанам перешел североамериканский Нью-Амстердам, и они переименовали его в Нью-Йорк. В Индии голландцы, в свое время вытеснившие оттуда португальцев, тоже не удержались. Там развернулась война между Англией и Францией. Она длилась почти весь XVIII век. Кому достанется богатейшая Индия, о сокровищах которой в Европе ходили легенды? Этот вопрос долго оставался нерешенным.

На рассвете 18 сентября 1746 года жители индийского города Мадраса, главной английской торговой базы на восточном берегу Индии, увидели приближающиеся корабли. Это были не купеческие суда, а французская военная эскадра. Сначала это никого не обеспокоило. Жители города не подозревали об опасности, которая нависла над ними. Но когда на Мадрас посыпались пушечные ядра с кораблей и с наземных батарей, которыми французы накануне скрытно окружили город, поднялась паника. Сипаи — индийские солдаты, служившие англичанам, побросали оружие и покинули город. Солдаты-англичане отказались повиноваться своим офицерам и отправились грабить магазины. Английская армия сразу превратилась в толпу пьяных разбойников.

Три дня без передышки французский адмирал Лабурдонне обстреливал Мадрас, пока английский губернатор не капитулировал безоговорочно.

Среди немногих англичан, не растерявшихся при захвате французами Мадраса, был молодой и никому не известный клерк Ост-Индской компании Роберт Клайв. Он был уверен: то, что потеряно в бою, можно вернуть за деньги. И оказался прав: когда по его совету англичане обещали адмиралу Лабурдонне выкуп — девять миллионов ливров деньгами и четыре с половиной миллиона товарами, он сразу согласился вернуть им Мадрас. А еще за одиннадцать миллионов ливров адмирал-взяточник отдал обратно мадрасский форт Святого Георгия и захваченные у англичан пушки.

Впрочем, англичанам ничего выплачивать не пришлось: в океане разыгрался такой шторм, который бывает раз в сто лет, и эскадра адмирала Лабурдонне была разбита в щепки, многие его матросы и офицеры погибли. Англичане призвали на помощь индийского князя Махфуз-хана, и индийская конница окружила уцелевший французский отряд. Но французы сопротивлялись, а вскоре к ним подошло подкрепление из города Пондишери. В решающем сражении они победили. Две трети французского отряда составляли индийские солдаты сипаи. Как и другие колонизаторы, французы захватывали

чужие земли чужими руками, проливая не свою, а чужую кровь.

После победы французскому губернатору Индии Дюпле уже казалось, что вся Индия готова признать французское господство, а англичане полностью разгромлены. Ведь сам английский губернатор Морс, его офицеры и важные господа из английской Ост-Индской компании были им пленены.

Но совсем рядом с Пондишери, в маленьком городке Куддолур, бежавший из захваченного французами Мадраса Роберт Клайв собирал вокруг себя молодых и таких же отчаянных, как он сам, англичан и отряды сипаев. Верным союзником англичан был брат Махфуз-хана, погибшего в схватке с французами, Мухаммад Али.

Целый год между Пондишери и Куддолуром происходили стычки французов с англичанами.

А через два года после падения Мадраса к берегам Индии прибыла целая английская флотилия — семнадцать боевых кораблей с многочисленным войском, в котором, кроме английских солдат, были и негритянские отряды, набранные в африканских колониях.

Пондишери оказался в осаде. Триста английских пушек — корабельных и наземных — в течение пяти дней вели непрерывный огонь по городу. Атака следовала за атакой.

Французов снова спасли сипаи. Однажды ночью они тайком выбрались из осажденного города и устроили засаду в густом лесу около английского лагеря. И когда утром англичане пошли на приступ, они оказались между двух огней. С крепостных стен по ним стреляли пушки и ружья французов, а с тыла их атаковали французские сипаи.

Это ослабило англичан настолько, что через два месяца они сняли осаду с Пондишери.

Но, несмотря и на это поражение, все деятельнее становился молодой и решительный англичанин Роберт Клайв. К этому времени он уже командовал небольшим отрядом, который повел сразу на столицу союзного с французами княжества Декан и внезапным ударом овладел ею, пока французы охотились за Мухаммадом Али. Теперь французы и их союзники все свои силы бросили против Клайва.

После нескольких сражений силы французов были расстроены. Наемные солдаты целыми группами переходили к англичанам. Многие французы попали в плен.

Шли годы, а англичане и французы продолжали воевать, натравливая друг на друга индийских князей, разоряя богатые земли, поливая их кровью индийского народа. После тридцати лет нескончаемых сражений за власть Франции над Индией уехал в Париж генерал-губернатор Дюпле.

А Роберт Клайв вел свои отряды вперед и вперед. В 1757 году под его руководством отряд английских сипаев одержал решающую победу при Плесси. В 1761 году пал последний оплот французов в Индии — город Пондишери. Англичане срыли его укрепления, полностью уничтожив всякий след французского владычества в Ин-

дии и захватив попутно богатейшую добычу: золото, плодородные земли с крестьянами, сокровища индийских князей.

Уехав в Индию безвестным и бедным клерком, Роберт Клайв вернулся в Англию владельцем баснословных сокровищ, стал пэром и лордом, затем — губернатором Бенгалии и одним из главарей Ост-Индской компании.

Карьера этого ловкого авантюриста — яркий пример обогащения колонизатора за счет порабощенного народа.

* * *

Португалия и Испания были первыми. За ними последовала Голландия. Затем, как мы уже знаем, к заокеанским землям устремились Англия и Франция. Последними оказались Германия, Бельгия, Япония, США. Чем меньше оставалось на Земле земель, еще не захваченных империалистическими хищниками, тем агрессивнее становились опоздавшие. Они силой отбирали владения у своих соперников. При этом завоеватели старались найти предателей в тех странах, которые они намеревались захватить. Подкуп, обман, измена — таковы были главные средства для достижения принципа «разделяй и властвуй!».

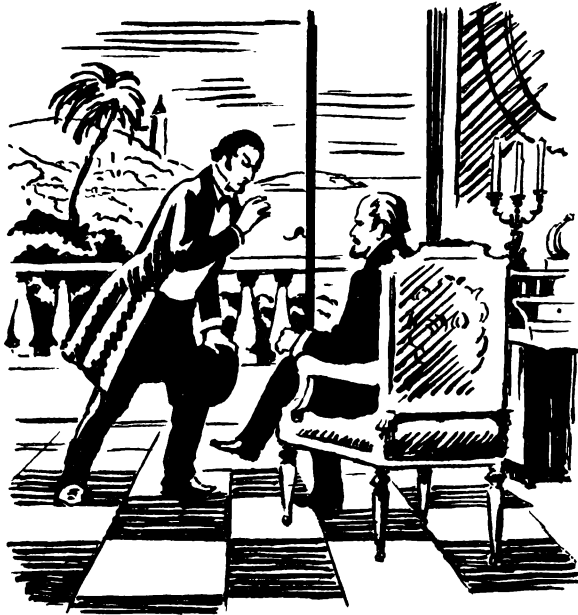
Если бы не коварство, подкуп, вероломство, вряд ли американским войскам удалось бы оккупировать в 1898 году богатейшие Филиппинские острова, народ которых в это время сбросил многовековое господство испанских колонизаторов.

ПРЕДАТЕЛЬ АГИНАЛЬДО

С завистью смотрели на испанские владения опоздавшие к разделу мира американские капиталисты, которым испанское владычество над многими землями преграждало путь к наживе. В конце концов 21 апреля 1898 года Штаты объявили Испании войну. Хищники передрались из-за добычи. Одной из спорных колоний были Филиппины¹, народ которых несколько столетий томился под гнетом испанских колонизаторов.

Не раз филиппинский народ поднимался на борьбу за свое освобождение. К исходу XIX века испанская армия уже не могла сдерживать могучую волну народного гнева. Но среди богатых филиппинцев были люди, которые боялись и не хотели народовластия. И вот во главе народного мятежа решил встать крупный землевладелец Эмилио Агинальдо. Но вовсе не для того, чтобы бороться против испанских захватчиков, а чтобы не отдать власть народу и захватить ее самому. Для этого нужно было прежде всего уничтожить настоящего, честного вождя народа. Но филиппинцы прятали его. Чтобы

¹ Названы по имени испанского короля Филиппа.

узнать, кто он и где он, коварный Агинальдо нанял множество шпионов. «Найдите тех, кто готовит восстание против испанцев,— сказал он им,— и вы получите хорошую награду». И вот однажды к Агинальдо явился один из его доносчиков.

— Сеньор,— таинственно прошептал он,— я узнал, что тайное общество называется Катипунан. Уже несколько тысяч человек готовятся к восстанию. Они говорят, что двери их общества открыты для всех филиппинцев — богатых и бедных. Каждый, кто вступает в это общество, дает клятву бороться за свободу Филиппин и признает, что все люди равны — независимо от цвета их кожи или от их богатства. Во главе общества — Андрес Бонифацио, бедняк из бедняков. Он все время ездит по островам, записывает в свое общество крестьян и городскую бедноту. Везде только и говорят о восстании, о том, что надо отобрать у испанцев землю, дать людям свободу.

— Этот Бонифацио — опасный человек,— проговорил Агинальдо.— Следи за ним. Свобода — это хорошо. Но допустить, чтобы на Филиппинах командовали убогие, никак нельзя. Разве мало нас, богатых и знатных филиппинцев, которые знают, как управлять страной? Мы и с испанцами сможем столкнуться. Пусть народ восстанет против них. Только вести восстание должен не безродный Бонифацио, а наш человек. Пока иди, притаись до времени, будь поближе к нему, сообщай мне о всех его делах.

Немного времени прошло после тайной встречи Агинальдо со своим шпионом. Наступил август 1896 года, и филиппинский народ поднялся на восстание против испанцев. Во главе восставших — народный вождь Андрес Бонифацио. Он произносит пламенные речи на городских площадях. Написанные им листовки требуют не только независимости Филиппин, но и отмены всякого угнетения.

Однако в самый разгар восстания по стране разносится страшная весть: Бонифацио предательски убит. Заняв место Бонифацио, Агинальдо призвал народ сложить оружие, а сам со своими сообщниками сбежал в Гонконг. Так предатель внес в ряды восставших смятение.

Испанские захватчики стали хватать восставших, бросать их в переполненные тюрьмы, морить их там голодом и пытаться.

А Агинальдо за свою измену получил от испанского губернатора для себя и своих подручных четыреста тысяч долларов.

Но в это время к берегам испанских владений уже приближались военные корабли Соединенных Штатов Америки.

В глубокой тайне снаряжались они в Гонконге. Секретный приказ, полученный адмиралом Дьюи от американского правительства, гласил: «Быть наготове. При первом же сообщении об объявлении войны Испании немедленно следовать к Филиппинам и уничтожить там испанский флот».

Адмирал Дьюи точно выполнил этот приказ. Пользуясь большим перевесом сил, он без труда уничтожил испанский флот в Манильской бухте.

Но как быть с филиппинским народом?

И американцы прибегают к помощи того же Агинальдо.

Этот человек, еще недавно продавший свой народ испанцам, прибывает в Манилу на американском крейсере и по приказу адмирала Дьюи сколачивает филиппинские отряды, которым предстоит сражаться с испанскими войсками на стороне американцев.

Адмирал Дьюи вспоминал впоследствии: «Филиппинцы сражались замечательно. Они гнали испанцев и тем самым спасали жизни американских солдат. Еще до того, как на Филиппины подросла американская армия, Агинальдо делал все, что я от него требовал. Он был исключительно послушен мне. Я давал ему указания почти ежедневно».

Агинальдо повсюду расклеивал воззвания: «Американцы — наши освободители. Северная Америка — колыбель свободы — несет освобождение нашему народу».

Филиппинцы беспощадно гнали испанцев, и те поняли, что им не удержаться на островах. Тогда они предложили американцам купить Филиппины за 20 миллионов долларов. Те, конечно, согласились.

Но надо было еще отвоевать острова у их населения. Теперь вся мощь американской армии была брошена против филиппинских освободительных отрядов, которые еще недавно помогали американцам бить испанские войска.

Агинальдо, объявивший себя президентом Филиппин, целый год

пытался сторговаться с американцами. Вместо того чтобы вести филиппинскую армию, солдаты которой самоотверженно сражались за независимость своей родины, в битву против нового врага, Агинальдо сдавал американцам один остров за другим, а весной 1901 года и сам сдался им в плен, а всех филиппинцев призвал прекратить сопротивление.

«Я признаю власть Соединенных Штатов Америки над Филиппинами», — писал в своем обращении к филиппинскому народу предавший его Агинальдо.

Тогдашний президент США Мак Кинли говорил адмиралу Дьюи: «Наш долг — держать эти острова вечно. Они ценны для нас во всех отношениях. Расстанемся ли мы когда-нибудь с островами? Никогда, никогда!»

Но век американского хозяйничания на Филиппинах оказался короче испанского.

Пришло время свободы и на Филиппины.

«Триста пятьдесят лет жизни в испанском монастыре и пятьдесят лет — в Голливуде¹» — так с горьким юмором говорят филиппинцы о колониальном прошлом своей страны. В 1946 году США были вынуждены признать независимость Филиппин. Но они опутали молодое государство сетью неравноправных военных и экономических соглашений. Оставили за собой военные базы на филиппинской земле.

Несмотря на американское присутствие, Филиппины все больше утверждают свою самостоятельность. В 1973 году впервые в филиппинских портах появились грузенные советскими товарами корабли под алыми флагами СССР. Молодая республика постепенно избавляется от тяжелого наследия колониальных времен. Крестьянам в постоянное владение — правда, при условии выкупа — стали отдавать землю, которую они раньше были вынуждены арендовать у помещиков. По новому закону помещики, сгоняющие крестьян с выделенных им участков, подлежат аресту. Намечена большая программа создания собственной национальной промышленности, ликвидации нищеты и безработицы. Но до сих пор на филиппинских островах подвизается тысяча четырехста американских компаний, которые превращают в золото труд работающих на их предприятиях филиппинских трудящихся.

Борьба еще не закончена и на Филиппинах.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

На протяжении пяти веков колонизация шла сравнительно равномерно.

Но в конце прошлого века колониальные державы словно обезу-

¹ Город, являющийся киноцентром США. Здесь: в переносном смысле Соединенные Штаты Америки.

мели от жадности. Они стали хватать каждый клочок земли, где только возможно. Англия и Франция увеличили свои владения на половину того, что у них было.

Глядя на них, ввели свои войска в «туземные» страны и Германия, Япония, Соединенные Штаты Америки. Маленькая Бельгия захватила в Африке земли, во много раз превышающие ее собственную территорию. У этих государств до той поры вовсе не было колоний, и они, словно спохватившись, изо всех сил стали наверстывать упущенное. Что же заставило колонизаторов пошевелиться? Почему именно в это время понадобились им новые земли?

А вот почему.

Именно к концу XIX века в каждой из этих стран капиталисты объединились в так называемые монополии, то есть союзы, которые по существу взяли в руки всю власть в государстве, чтобы командовать и распоряжаться и в промышленности, и в банках, и в политике — внутренней и внешней.

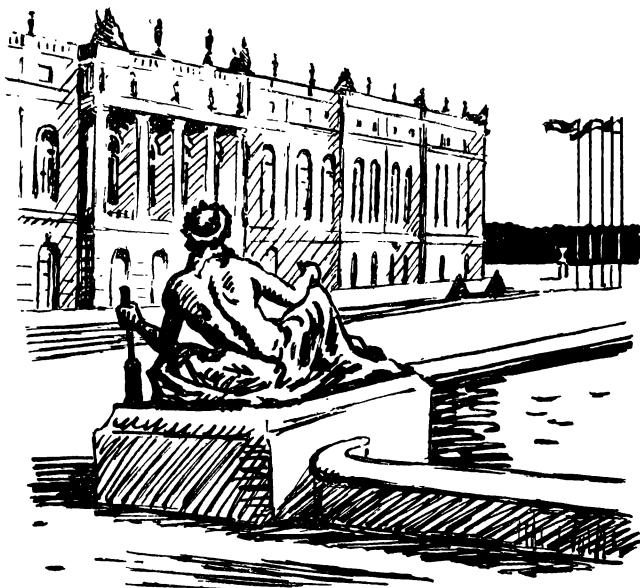
Монополии проворачивали огромные производственные дела, строили новые заводы и фабрики. Им понадобилось много больше, чем отдельным предпринимателям, и сырья: нефти, железной руды, меди, каучука, хлопка. А где все это взять? Легче всего — награть в колониях. А где продавать готовую продукцию — ткани, машины? Тоже в колониях.

Вот как удобно!

Кроме того, в колониях не надо было соблюдать законов, там не было профсоюзов, и не надо было с ними считаться. И там можно было разместить военные базы, а из местного населения набирать солдат для ведения несправедливых войн в других колониях. Скольких африканцев, индийцев колонизаторы заставляли в нескончаемых войнах проливать кровь вдали от родины, ради чуждых им интересов! Наконец, захватывая колонии, правители европейских стран надеялись спастись от революции.

Руководивший завоеванием новых земель для Англии Сесиль Родс, по имени которого была названа крупная английская колония в Африке Родезия, говорил как-то своему другу: «Я был вчера в лондонском Ист-Энде¹. Когда я слушал там дикие речи, которые были сплошным криком: «Хлеба, хлеба!» — я, идя домой и размышляя о виденном, убедился более, чем прежде, в важности империализма... Моя заветная идея есть решение социального вопроса, именно: чтобы спасти сорок миллионов жителей Соединенного Королевства от убийственной гражданской войны, мы, колониальные политики, должны завладеть новыми землями для помещения избытка населения, для приобретения новых областей сбыта товаров, производимых на фабриках и в рудниках. Империя, я всегда говорил это, есть вопрос желудка. Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами».

¹ Ист-Энд — рабочий квартал.

К началу нашего XX века впервые в истории вся земля оказалась поделенной между капиталистическими хищниками. В 1914 году колониальные империи шести великих держав охватывали миллионы и миллионы людей:

Англия —	440	миллионов	
Россия —	169		—«—
США —	107		—«—
Франция —	95		—«—
Германия —	77		—«—
Япония —	72		—«—

Правители Германии сочли себя обиженными, обделенными добычей. Они опоздали к разделу мира, им достались лишь кусочки Африки: Камерун, Того, Юго-Западная Африка (Намибия), Танганьика, Руанда-Урунди, острова в Тихом океане. Этого германским империалистам было слишком мало. Они с завистью смотрели на владения Англии, занимавшие обширные территории во всех частях Земли, и строили планы захвата английских колоний. Для этого Германия спешно обзавелась сильным военно-морским флотом, приступила к строительству Багдадской железной дороги, которая должна была соединить Германию через восточно-европейские страны и Турцию с берегом Индийского океана. Дорогу эту называли «дорогой трех бз»: Берлин — Белград — Багдад.

Войны из-за колоний велись издавна. Но раньше между собой дрались две какие-нибудь державы, военные действия ограничивались отдельными территориями, и хотя кровь солдат и мирных жителей лилась как вода, но каждый раз в каком-нибудь одном месте. А в 1914 году впервые ради передела колоний вспыхнула мировая война. Главные боевые действия развернулись в Европе. Но сражения шли и в Африке, и в Азии, и на всех морях и океанах.

С германской колонией на востоке Африки граничили английские владения на севере и на юге и огромная бельгийская колония Конго — на западе.

Как только в Африку пришла весть о начале войны в Европе, на территорию германской колонии, которая называлась тогда Германской Восточной Африкой, вторглись бельгийские и английские отряды. Под натиском объединенной англо-бельгийской армии германские войска отступали, но не сдавались.

Война в Восточной Африке, как и во всех других местах, где германские колонии соприкасались с владениями их врагов, шла до тех пор, пока не утихли бои в Европе. Судьба колоний зависела от исхода войны между метрополиями.

Пауль фон Леттов-Ворбек был образцовым офицером германской армии. Он не хотел и слышать о том, что борьба в Восточной Африке стала безнадежной для кайзера и что для спасения тысяч жизней следует прекратить сопротивление. Уже вся северная часть Танганьики, а также Руанда-Урунди были заняты англо-бельгийскими силами. Германские части были рассеяны по бескрайним просторам Восточной Африки. Но фон Леттов вновь и вновь отдавал приказы изолированным германским отрядам нападать на английские и бельгийские части. Даже когда личный радист офицера сообщил ему, что из Европы пришли вести о подписании соглашения о перемирии и о капитуляции германской армии, он запретил распространять эту новость среди солдат и еще несколько дней продолжал бессмысленное кровопролитие.

В Европе хищники-победители радостно потирали руки. Германские колонии во всех частях света уже никуда не могли от них уйти. Но как разделить между собой такую богатую добычу? Несколько месяцев в Версальском дворце¹ с пеной у рта спорили между собой победители: каждый хотел урвать себе побольше вчерашних германских колоний.

«Германия ничего не сделала для того, чтобы принести цивилизацию в свои владения на Тихом океане,— с жаром говорил на одном из заседаний премьер-министр Англии.— Они населены дикими племенами. Многие из них до сих пор питаются человеческим мясом. Не может быть и речи о том, чтобы этим диким народам была дана самостоятельность. То, что во время войны завоевала Австралия,

¹ Версаль — городок неподалеку от Парижа, бывшая резиденция французских королей.

должно принадлежать ей. Австралия — английский доминион. Но пусть сам представитель Австралии придет сюда и изложит свои требования».

Премьер-министр Франции, который был председателем Версальской конференции, считал себя большим шутником. Он сказал: «Приведите сюда ваших каннибалов сегодня после обеда». Так премьер-министры английских доминионов были допущены на конференцию и стали полноправными участниками дележа германских колоний. Южно-Африканский Союз получил Германскую Юго-Западную Африку. До сих пор правители Южно-Африканской Республики (так называется сейчас этот бывший английский доминион) нещадно эксплуатируют народы Намибии, бывшей Германской Юго-Западной Африки, отданной им по Версальскому мирному договору.

Австралии досталась бывшая Германская Новая Гвинея и некоторые тихоокеанские острова, другой английский доминион — Новая Зеландия — овладел островами Самоа.

Бывшая германская колония в Африке Руанда-Урунди стала бельгийской. Наиболее же крупные земли разделили между собой Англия и Франция.

Германская Восточная Африка стала английской колонией Танганьикой, а бывшие германские колонии Того и Камерун были поделены между Францией и Англией, причем Франция получила большую часть каждой из этих колоний. А в Версальском мирном договоре появились такие строки: «Германия отказывается в пользу главных союзных и объединившихся держав от всех своих прав и оснований на свои заморские владения». И ради этих строк четыре года сражения опустошали Европу и другие земли, лилась кровь, гибли люди от лишений и голода, десять миллионов человек было убито и двадцать миллионов искалечено!

Победители разделили между собой и земли, отхваченные у Турции.

Сирию взяла себе Франция, Палестину, Трансиорданию и Ирак — Англия. Англия же установила свою власть и над Египтом.

Господа в белых манишках, как черна при этом была их совесть! Разве они, считавшие себя джентльменами, хоть на мгновение задумались над тем, что не мешало бы спросить у колониальных народов, хотят они или не хотят находиться под пятой европейских держав? Ничего подобного! Им даже в голову не приходило такое. Они делили людей, как скот, а их земли — как свои собственные вещи.

Но великая перетасовка колоний после версальских разговоров и договоров не кончилась.

В 1935 году фашистская Италия напала на Абиссинию (нынешнюю Эфиопию), а потом и на Албанию и превратила эти страны в свои колонии. Япония захватила обширные территории у Китая.

К новому переделу мира готовилась гитлеровская Германия. В союзе с Японией и Италией она развязала вторую мировую войну, рассчитывая перетасовать колонии по-новому, то есть в свою пользу.

Но вторая мировая война привела к крушению фашизма.

Не переделу колоний, а развалу колониальных империй, освобождению сотен миллионов поработанных людей — вот чему способствовала эта война.

МИСТЕР МИНИСТР

«Я стал первым министром правительства его величества не для того, чтобы председательствовать при ликвидации Британской империи», — сказал Уинстон Черчилль осенью 1942 года, в самый разгар второй мировой войны.

Он понимал, что победа Советского Союза над фашизмом неизбежно вызовет революционный подъем во всем мире, воодушевит народы колоний на борьбу за свое освобождение.

Первым делом новый премьер-министр послал секретный приказ в Индию: арестовать Махатму Ганди, Джавахарлала Неру и сотни других патриотов. Посадить в тюрьму — без суда! Да это ведь все равно, что напасть на человека и ограбить его. Только отобрать у него не деньги, не вещи, а то, что гораздо дороже, — дни, месяцы, годы жизни.

Таким образом, действия английского премьер-министра по существу ничем не отличались, скажем, от разбойных набегов адмирала-пирата Хокинса. И не случайно. Одним из предков Черчилля был Фрэнсис Дрейк, начавший свою карьеру молодым офицером именно в эскадре Хокинса.

Достойный предок достойного потомка грабил и чужие земли, и чужие корабли. И не подумайте, что за все это попал он на виселицу.

Совсем наоборот! Своей добычей Дрейк, как и его учитель Хокинс, щедро делился с королевой Елизаветой I, и та произвела его в рыцари и адмиралы.

С юных лет мечтал Уинстон Черчилль стать похожим на своего предка. Он смолоду ненавидел «всяких там небелых», которые в любое время могут, как он выражался, «устроить представление», то есть поднять бунт или восстание. Молился на своего предка разбойника Дрейка и на завоевателя и главного грабителя индийского народа Роберта Клайва.

Мечты юного колонизатора сбылись.

Когда ему было двадцать два года, в Индии восстало племя патанов. И молодой лейтенант Уинстон оказался там, в гуще сражения с полубезоружными людьми. С величайшим наслаждением и остервенением всаживал он целые обоймы патронов в мирных жителей.

Два года спустя ему снова повезло. Став к этому времени уланом, он участвует в побоище, устроенном английской армией в Судане. Он скачет на белом коне, размахивая маузером и стреляя не в солдат,

а в восставших дервишей, то есть бродячих монахов. Он счастлив, получив команду добить раненых.

В следующем году Черчилль — в Африке. Здесь он — один из карателей, подавляющих свободолюбивых буров.

Какая великолепная биография! Кем же еще назначить такого молодца и «знатока колоний», как не министром колоний!

И в самом деле — в тридцать два года сэр Уинстон Черчилль становится заместителем министра, а в тридцать четыре — мистером министром.

Уж кто-кто, а он-то «покажет» «всяким там небелым», он их отучит «устраивать представления»!

Вся энергия этого человека, весь его изощренный ум пущены теперь на истязание колониальных народов. Тем паче, что все эти экзекуции можно было проводить совершенно безнаказанно.

Но вот в России власть взяли большевики.

Казалось бы, какое дело Англии до того, что происходит в далекой России? Но мистер министр был слишком умен и дальновиден, чтобы не понимать, к чему ведет победа русской революции, как отзовется она в колониях, как воодушевит народы, борющиеся с колонизаторами.

Черчилль возглавил интервенцию четырнадцати государств против молодой Советской Республики. Но интервенция провалилась.

И тут мистер министр не смог сдержать своего гнева. «Достопочтенный сэр Черчилль в ругне совсем переперчил, орет, как будто чирьи вскочили на Черчилле» — так писал Владимир Маяковский.

«Величайшим ненавистником Советской России» назвал Черчилля Ленин.

Британская империя! О, это очень много! Сами Британские острова такими маленькими казались в сравнении с ней. Еще бы! Ведь в составе империи была и «жемчужина английской короны» Индия, и единственный европейский вход в Средиземное море — Гибралтарский пролив, и в самом этом море остров Мальта, который тоже был «заставой» для всех кораблей. А Суэцкий канал! Он тоже принадлежал Англии. При выходе из Красного моря в Индийский океан стояла английская крепость Аден. А в океане — над бесчисленным множеством островов тоже реял английский флаг, который называют в Англии «Юнион Джек», потому что на нем прямой крест Англии наложен на наклонный крест Шотландии.

К востоку от Индии — сильнейшая крепость Сингапур, колония Гонконг, английские «ключи» к проходам из Индийского океана в Тихий.

Так, английские крепости и морские базы на многих водных путях опоясывали весь мир.

«В Британской империи никогда не заходит солнце», — хвастливо говорили в туманном Лондоне. И это было действительно так. Когда в Лондоне наступал вечер и солнце скрывалось за горизонтом, в английском доминионе Канаде и в английских колониях в Карибском море, в Британской Гвиане солнце было в зените, в Новой Зеландии и Австралии было утро, а Индия только собиралась встречать восход солнца.

Четверть земной суши и четверть населения мира — вот какова была в то время Британская империя.

И потерять все это так не хотелось мистеру министру!

Он опасался, что, несмотря на победу в первой мировой войне и приобретение новых земель, дни империи уже сочтены.

Но, как всегда, Черчилль не ждал, как повернутся события, а шел напролом, вел себя как настоящий авантюрист.

Вызвав к себе известного английского шпиона полковника Лоуренса, о тайных подвигах которого рассказывали едва ли не легенды, мистер министр отправился вместе с ним в Александрию.

Прибытие Черчилля в Александрию напоминало военную операцию: пристань была запружена большой толпой египтян, требовавших свободы, и с большим трудом охране удалось проложить ему дорогу через эту толпу и посадить его в вагон личного поезда египетского султана. Но едва поезд отошел от перрона, как в него полетели камни. В поезде не осталось ни одного целого стекла. Все силы полиции были мобилизованы на охрану мистера министра.

Но Черчилль не испугался и не терял времени. Он прямо в вагоне

разрабатывал новый план усмирения «всяких там небелых». Потребовал, чтобы министерству колоний была передана вся английская военная авиация. Именно на нее возлагал он задачу поддержания власти Англии во всех частях разбросанной по миру империи. Ему казалось недостаточным, что народ в колониях расстреливают из винтовок, пулеметов и артиллерийских орудий. Он приказал стрелять по непокорным «туземцам» с самолетов, сбрасывать на мирные деревни авиационные бомбы. Ему не было дела до того, что при этом жертвами становились женщины, старики, дети. Главное — эффективность, безопасность для английских солдат и офицеров и... экономия! Оказалось, что подавлять бунтовщиков бомбами с воздуха намного дешевле, чем посылать в опасные места сухопутные отряды. Использование военно-воздушных сил против народов колоний позволило сократить расходы на содержание войск на Ближнем Востоке с сорока миллионов фунтов стерлингов в год до пяти.

Как назвать это «рационализаторское предложение» мистера министра? Пожалуй, научным разбоем.

Сердце Черчилля и его коллег прыгало от радости: им казалось, что они добились своего.

Но как ни изощрялся сэр Уинстон, как ни пытался «склеить разбитую вазу», то есть восстановить давшую трещины империю, ничего из этого не вышло. Потому что история сильнее любой, даже самой сильной личности.

И на склоне лет, когда было ему уже за восемьдесят, своими глазами увидел Черчилль, как рушилось дело всей его жизни — окончательно и бесповоротно распадалась некогда могучая Британская империя. Он был еще премьер-министром Англии, когда вслед за добившейся независимости Индией поднялись на вооруженную борьбу за свободу народы и других английских колоний в Африке, Азии и Латинской Америке. Он посылал еще войска для участия в колониальной войне в Малайе, на Кипре, отдавал приказы об арестах борцов за свободу в Британской Гвиане, плел военные интриги против народа Кении, лез из кожи вон, чтобы сохранить хоть обломки Британской империи.

Но все было напрасно.

Его смерть совпала с концом Британской империи, с завоеванием независимости почти всеми народами, которые Англия так долго держала под своею пятой.

ЗОЛОТО ИЗ СЛЕЗ

Торговля рабами, похищение африканцев, ввоз их в Америку, где их заставляли работать на отобранных у местных жителей землях, создавая там богатейшие плантации, позволили владельцам колоний получать высокие прибыли.

За океаном европейские колонизаторы встречали новые для них

растения, дивились многим вещам, которыми пользовались люди в далеких странах. Лишь после захвата колоний в Америке европейцы впервые ощутили вкус сахара. Из Америки в Европу были привезены первые клубни картофеля, первые зерна кукурузы. Все больше и больше становилось в Европе так называемых колониальных товаров.

Можно ли представить сегодняшнюю жизнь без резины и резиновых изделий? От автомобильных, авиационных и велосипедных шин и покрышек до резиновых сапог и непромокаемых плащей, от детского воздушного шарика до важных деталей сложных машин — всюду и везде резиновые изделия. Представьте себе, что резина внезапно исчезла — тут же развалится все современное хозяйство. Но откуда же пришла резина в Европу? Из колоний.

История каучука — это типичный пример того, как из-за алчности колонизаторов природные богатства колоний стали проклятием для их народов.

Миссионеры-проповедники, купцы-авантюристы, чопорные колониальные чиновники как эстафету передавали из рук в руки награбленную в завоеванных землях добычу, которая стала основой богатства и могущества крупнейших резиновых и химических монополий мира.

* * *

У португальского священника падре Анзелмуса родственников не было. Единственным человеком, которого любил падре, как родного сына, был мальчик из индейского племени, которое почти целиком вымерло в джунглях Амазонки от страшной болезни. Падре спас мальчика от смерти и никогда не расставался с ним.

В селении, куда однажды пришел падре Анзелмус, чтобы обратить местных жителей в христианскую веру, эпидемия выкосила почти всех, в том числе и родителей мальчика. Анзелмус так и не узнал его имени. Он нарек своего воспитанника Мануэлем. Мальчику было тогда года три, не больше.

По всем дорогам, от Ориноко до Риу Негру, прошел Мануэль вместе с падре Анзелмусом. Собственно говоря, он и вырос-то в дороге.

Тринадцать лет ходили они вместе — старик священник и юный индеец.

Когда-то давно, еще в молодости, стал падре Анзелмус миссионером. Тогда его вера в бога была еще твердой и непреклонной. Но с годами он все чаще задавал всевышнему недоуменные вопросы: почему, почему, почему?

Почему деревни, жители которых принимали после его проповедей христианство, гибли порой от ураганов и наводнений точно так же, как и язычники, а небо не могло или не хотело защитить свою паству? Почему мужчины, женщины и дети далекого амазонского племени, которые пришли на крещение в монастырь святого Габриэ-

ля, умерли от эпидемии оспы и умерли не где-нибудь, а в самом монастыре, а оставшиеся в деревне некрещенные язычники уцелели?

Почему господь бог позволил сгореть деревянной церкви, которая с таким трудом была построена в далеких джунглях, чтобы молиться ему же, христианскому богу? Почему не желает он сотворить какое-нибудь пустяковое чудо, чтобы удержать в лоне святой церкви тысячи и тысячи индейцев, которые нередко возвращаются к языческим богам своих предков?

Ответами на эти вопросы старого священника были новые эпидемии оспы, холеры, дизентерии, от которых снова страдали новообращенные христиане, или очередные нападения на католические миссии воинственных индейских племен, а то и самих португальцев, которые грабили монастыри и уводили на свои плантации только что крещенных индейцев.

Обо всем этом думал падре Анзелмус и сейчас, едва держась на ногах от голода и усталости — точно так же, как Мануэль и четверо индейцев-проводников. Местность, по которой пришлось им шагать в тот день, оказалась пустынной и дикой, и не было на ней ни съедобных растений, ни дичи...

Мануэль шел впереди.

— Река! — неожиданно закричал он.

Падре Анзелмус воспрянул духом. В помутневших глазах его заиграли блики надежды, на лице появилось бледное подобие улыбки.

Река!.. Да это ведь значит, что самая трудная часть пути пройдена! Еще несколько переходов вниз по течению, а там — большой город Пара, построенный португальцами¹.

Священник достал из черного мешочка распятие и Библию, прочитал благодарственную молитву, опустился на камень у самой воды и приказал двум индейцам идти вверх по берегу на поиски деревни, где можно было бы достать лодку.

Хранить распятие и Библию, единственное богатство странствующего миссионера, в этом мешочке, сделанном из застывших слез плачущего дерева, было очень удобно. Мешочек надежно защищал Библию и от тропических ливней, и от палящих лучей экваториального солнца.

Город Пара поразил Мануэля, который до этого никогда не покидал свои родные джунгли. Высоченный храм с широкой мраморной лестницей, в лавках и лавчонках — множество диковинных товаров, о назначении которых мальчик не имел никакого понятия, пестрая толпа европейцев, африканских негров, индейцев, шум и толчея — все это было так необычно для индейского юноши, что он боялся отойти от своего покровителя.

На ногах Мануэля красовались самодельные туфли, которые он сам вылепил из того же материала, что и мешочек для отца Фердинандо.

Епископ Антонио де Ферейра, влиятельный иезуит, остался недоволен докладом миссионера.

Падре Анзелмус не смел возражать. Он знал, что имеет в виду его преосвященство: ту самую страну Эльдорадо, которую обязаны искать все миссионеры. Страну, что будто бы расположена на западе, за непроходимыми болотами и джунглями Амазонки, там, где живет племя, называющее себя чибча. Предводитель этого племени якобы ходит весь в золоте. Когда входит он в воду священного озера, его подданные бросают на дно золотые кольца и браслеты, драгоценные камни. «Эльдорадо» по-испански — «золоченый». Это они, испанцы, называли так страну чибча. А раз они назвали, стало быть, тоже знают об этой стране. Но разве португальцы могут допустить, чтобы сокровищами Эльдорадо завладели испанцы! А оставлять золото в руках язычников-индейцев — грех².

¹ Современное название этого города — Белен.

² Старинное предание, в правдивость которого верили когда-то европейцы, гнало испанских и португальских завоевателей в полные опасности леса Амазонки, в труднопроходимые горы, в чужие земли, где многие из них нашли свою смерть от отравленных стрел индейцев и от неизвестных тогда тропических болезней. Долгое время считалось, что священным озером племени чибча было озеро Гуатавита, в пятидесяти километрах от столицы Колумбии Боготы. Недавно часть этого озера осушили. На дне его были найдены несметные сокровища, до которых так и не добрались испанские и португальские авантюристы, — более пяти тысяч изделий из золота, платины и серебра с разными драгоценными камнями. Все это хранится сейчас в знаменитом боготском «Музее золота».

Напрасно падре Анзелмус рассказывал епископу о тысячах индейцев, обращенных им в христианскую веру. На епископа это не произвело никакого впечатления. Не обратил он внимания и на сообщение о замечательных свойствах смолы плачущего дерева, из которого индейцы выделывают разные забавные вещи, а юный послушник Мануэль научился делать и полезные вещи — туфли, водонепроницаемые мешочки.

Мануэль терпеливо ждал Анзелмуса в приемной де Ферейры. Рядом с ним на широкой деревянной скамье сидел рыжеволосый шотландец, купец Тэрнбулл, с такой белой кожей, какой Мануэль не видел еще никогда.

— Что это у тебя на ногах? — спросил Тэрнбулл юношу.

— Я сделал эти туфли из слез каучу. «Каучу» на нашем языке значит «плачущее дерево».

— А ты знаешь, где растет это плачущее дерево? — оживился шотландец.

— Да, господин. Лес — мой дом. И плачущих деревьев там столько, что слез их хватит на туфли для всех жителей города. Только добраться до этих деревьев нелегко. Они прячутся в самой глубине леса.

— Сюда зачем пожаловал?

— Падре Анзелмус обещал просить святого отца епископа принять меня в семинарию. Я хочу быть священником и возвращать богу заблудшие души, как это делает падре Анзелмус.

Тут падре Анзелмус вышел от епископа де Ферейры, и рыжеволосый Тэрнбулл вошел в кабинет.

— Ваше преосвященство! — прошептал он так, чтобы не было слышно за дверью. — В наших руках огромное богатство! Стоит вам только приказать, и корабли повезут в Европу замечательную смолу, из которой там будут делать непромокаемую обувь. Я видел туфли юнца, который только что сидел в вашей приемной. Они растягиваются, и их можно надеть на любую ногу. Ручаюсь, что скоро при дворе его величества не будут носить ничего, кроме туфель из каучу. Любая модница захочет, чтобы ее ножки казались поменьше. А офицеры избавятся от тяжелых походных сапог. Миллионы потекут в нашу казну. Что там Эльдорадо, которого, наверно, нет и в помине! Возьмем то, что само плывет в наши руки!

Неизвестно, что ответил епископ предприимчивому шотландцу, но только на следующий день из монастыря, где остановился падре Анзелмус, Мануэль исчез. Исчез без следа.

Долго искал своего приемного сына старый священник, расспрашивал о нем всех, кого встречал. То ли Мануэль был похищен, то ли сам ушел, соблазнившись какими-то обещаниями каких-то людей. Но только больше никогда не видел падре Анзелмус своего Мануэля.

Правда, до города Пара доходили из далеких джунглей смутные слухи, что то тут, то там появляется рыжеволосый шотландец Тэрнбулл, и было непонятно и странно, как же этот чужестранец не

заблудится в безбрежных лесах Амазонки, как удастся ему уцелеть среди тысяч опасностей, подстерегающих там человека.

Шли годы. И в город Пара стали привозить из джунглей шары, слепленные из застывшей смолы каучукового дерева, которое европейские ботаники называли гевеей. Из Пара каучук на кораблях отправляли в Европу.

Рыжий Тэрнбулл оказался прав: слезы плачущих деревьев и в самом деле обернулись золотом. И никто уже не вспоминал юного индейца Мануэля, который был первым «охотником за каучуком».

Места, где росла гевея, были разведаны, а число деревьев — подсчитано.

* * *

Золото из слез, золото из слез!..

И тут оказалось, что для того, чтобы получить золото, мало одних только слез каучу — не обойтись еще и без слез человеческих.

Добыча каучука — это изматывающий, изнурительный труд. Но в делях Амазонки нашлись тысячи и тысячи несчастных бедняков, которые не золота ради, а за кусок хлеба готовы были стать серингейро — добытчиками каучука.

* * *

Мы расскажем об одном из серингейро по имени Бранко.

День его начинался очень рано, задолго до восхода солнца. Гевея давала сок только на заре. Бранко знал на своем участке любое дерево. Но лианы быстро оплетали все, что могли, и каждый раз приходилось заново прорубать тропки к деревьям: джунгли словно пожирали труд Бранко.

Тяжелым мачете — кривым ножом, похожим на широкую саблю, — уничтожал он проклятые лианы. Под ногами чавкало болото, то и дело натывался серингейро на корчаги и пни.

Добравшись в конце концов до очередной гевеи, Бранко взбирался по стволу как можно выше, надрубал своим мачете кору дерева и под образовавшейся щелью прикреплял глиняную чашечку. Туда и стекали слезы каучу.

От последнего дерева возвращался к первому: теперь надо было слить накопившийся за два-три часа сок из чашечек в жестяной бидон. Некоторые чашечки заполнялись примерно до половины, и тогда Бранко радовался: это много. Но обычно в чашечке было не больше чайной ложечки. А иногда были они и совсем пустые. И тогда Бранко охватывало отчаяние. Он готов был заплакать и собственными слезами заполнить ненасытные чашечки.

Пот струился по лицу, руки дрожали от усталости. Над головой висела туча moskitov, отмахиваться от которых не имело никакого смысла. Надо было остерегаться ядовитых змей, которыми кишели эти

места, избегать ядовитых колючек, скорпионов, пиявок и крокодилов, выползающих время от времени из черной воды. Нечем было дышать.

Пожалуй, нет на земле более жуткого места, чем джунгли Амазонки, где невыносимая жара и духота, гнилые испарения и бесчисленные опасности быстро превращали молодого и здорового человека в больного старика. И не было, пожалуй, пищи хуже той, которую жадные хозяева давали серингейро: гнилая мука и червивая крупа, вот и все. А платить за это в джунглях приходилось вдесятеро дороже, чем в Пара: продукты везли из города несколько дней.

Хижина Бранко напоминала гнездо большой птицы. Навес из сухих листьев, куча тряпья на земле, рваный гамак, подвешенный между двумя деревьями, — больше ничего. Если не считать, конечно, уже готового каучука, шары которого подвешены к жерди под самым навесом. На каждом шаре — клеймо с именем Бранко. Даже если и потеряется такой шар, упадет в реку, например, то он будет возвращен владельцу, поставившему на нем клеймо: честность у жителей джунглей — на первом месте. Бывали случаи, когда каучуковые шары крали из-под навеса серингейро, пока он собирал в лесу сок гевеи. Но это считалось самым подлым преступлением, хуже, чем убийство.

Бранко стал серингейро, придя из небольшого селения, что неподалеку от города Пара. После смерти отца дом забрали за долги, мать пошла в услужение к чужим людям, а сестра не могла надеяться выйти замуж без хотя бы небольшого приданого.

— Вот подождите, я заработаю денег, вернусь, и мы снова зажи-

вем счастливо,— сказал Бранко матери и сестре и отправился на поиски счастья.

Но что может заработать серингейро своим адским трудом?

Прошел целый год, а денег у него все не было, хотя работал он не щадя своих сил. Наоборот, все больше рос его долг хозяину. Когда Бранко нанялся собирать сок гевеи и поселился на этом участке, хозяин дал ему провизии на целый месяц — муки, крупы, кофе, сахару: «Принесешь каучук — расплатишься». Но когда через месяц он принес свои первые шары каучука и хозяин бросил их на весы, оказалось, что причитавшихся ему денег было недостаточно, чтобы заплатить долг. А тут еще пришлось брать продукты на следующий месяц, и опять в долг. И так получалось со временем, что Бранко все больше и больше залезал в долги. А пока не будет выплачен долг, нельзя бросить работу. Да и зачем без денег возвращаться домой!

«Что с матерью, жива ли она, как там сестра?» — спрашивал себя Бранко каждый день, когда еле живой от усталости возвращался в хижину с тяжелым бидоном за плечами.

Тяжкий труд, тяжкие думы... И так — каждый день. В конце концов Бранко заболел. Врача он не видел ни разу в жизни. Лекарства, которые ему втридорога продавал хозяин, не помогали. А работать приходилось даже будучи больным: если сок гевеи вовремя не переработать в каучук, он испортится и даже бидон нельзя будет освободить от застывшей смолы.

И Бранко обмакивал деревянную лопатку в собранный днем сок и затем вращал ее над пламенем костра. Когда первая пленка затвердела, он снова опускал лопатку в сок, потом опять вертел ее над огнем — и так до тех пор, пока весь сок из бидона не перейдет на лопатку. До поздней ночи подбрасывал серингейро ветки в костер и возился со своей лопаткой, хотя глаза слипались и все тело ныло, а натруженные руки болели. На сон оставалось совсем мало времени: рано-рано, еще до зари, надо снова рубить лианы, пробиваясь от дерева к дереву...

Бранко не знал, что его хозяин каждый месяц подсчитывает барыши, отправляя огромные партии каучуковых шаров в город Пара богатому купцу, который богатеет все больше и больше, продавая драгоценный каучук в разных странах Европы.

Тогда, сто лет назад, Бразилия была единственной страной в мире, где добывали каучук. Спрос на него рос повсюду. Бразильское правительство ревностно оберегало свою монополию на продажу каучука и строжайше запретило вывоз семян гевеи. Уже не раз французы и англичане пытались тайком увезти из Бразилии семена этого чудесного дерева, но контрабандистов хватало бразильские таможенники. А тех, кому удавалось похитить немного семян, постигала «ботаническая» неудача: семена каучу не приживались в других местах. То ли они не выдерживали долгого пути через океан, высыхали и теряли способность к произрастанию, то ли плохо чувствовали себя в новых условиях и на новой почве.

В Америке и Европе все новые и новые вещи делали из каучука — застывшего сока гевеи.

Английский химик Макинтош пропитал каучуком ткань и получил водонепроницаемую материю, из которой стали шить плащи, до сих пор называемые по имени изобретателя.

В Соединенных Штатах Америки другой ученый по имени Гудир в 1844 году запатентовал способ изготовления резины из каучука.

В 1888 году английский изобретатель Джон Данлоп получил патент на изготовление из резины пневматических шин для колес, без которых ныне не обходится ни один автомобиль, велосипед, самолет.

Все больше и больше каучука требовалось разным странам. Продажа каучука дала бразильским купцам и плантаторам золота, пожалуй, и в самом деле больше, чем могли бы они найти его в сказочной стране Эльдорадо.

* * *

Молодого англичанина Даниэля Чалмерза не покидало ощущение полного счастья. Вот уже целый год работал он садовником в королевском ботаническом саду Кью, который по праву считался лучшим в мире. Здесь же когда-то работали и отец, и дед Даниэля. И теперь Даниэлю доверена была самая ценная оранжерея, та, где росли нежные орхидеи.

Быть может, при назначении учли его «потомственность». И Даниэль гордился своим местом. На него можно было положиться, хотя выращивание орхидей — дело сложное и кропотливое. Ведь надо все время поддерживать такой же «климат», как на родине растений, в далекой Амазонии,— не меньше 36° тепла, и такую влажность, чтобы на лице постоянно были капельки пота.

Даниэль Чалмерз не спал ночами, но оранжерею содержал в полнейшем порядке. Впрочем, иначе и быть не могло: орхидеи предназначались для самой королевы Виктории.

Но летом 1876 года произошло то, чего Даниэль и представить себе не мог.

В тот самый момент, когда он тщательно осматривал каждый цветок, дверь оранжереи широко распахнулась и Даниэль увидел на пороге не кого-нибудь, а главного управляющего. За весь год этот вельможа не заглянул сюда ни разу. Почему же сегодняя появился он в такую рань да еще без свиты?

— Немедленно освободите оранжерею! — приказал управляющий.

Даниэль Чалмерз все еще не мог оправиться от оцепенения. А приказания управляющего он даже не понял.

— Освободить? — пробормотал он. — Как освободить? От кого?

Мелькнула мысль, что его хотят уволить. Но за что? Почему?

— Пошевеливайтесь, Чалмерз! — уже сердито воскликнул управляющий, видя такую нерасторопность. — Выкапывайте орхидеи и выносите их отсюда!

Привыкший безропотно повиноваться, Даниэль посмел на этот раз возразить:

— Но они ведь погибнут, сэръ! Что же тогда?!

— Бог с ними! — улыбнулся управляющий. — Посадим новые. А оранжерея нужна для гевей. Сейчас сюда привезут семена. Им нужна самая лучшая земля. Так не теряйте же времени, Чалмерз! За сегодняшней день необходимо высадить семьдесят тысяч семян. И чтобы ни одно не пропало!

Семена гевей прибыли вечером. К этому времени Даниэль, который уже пришел в себя, подготовил лучшую землю, смешанную с торфом, прелыми листьями и чистым песком. Пока вносили плетеные корзины из бамбука, Чалмерз разговорился с человеком, доставившим ценный груз из Бразилии. Этот парень выглядел так, будто мог перехитрить самого черта. Звали его Генри Уикхэм, он вывез семена, рискуя жизнью.

— Еще совсем молодым попал я в Южную Америку, — рассказывал Уикхэм Даниэлю. — Нет такого места в Венесуэле или на берегах Амазонки в Бразилии, которое не исходил бы я вдоль и поперек. Был и серингейро — своими руками собирал сок гевей. Однажды пришлось мне целую ночь стоять по грудь в воде во время наводнения и держать над водой каучуковые шары: они были накоплены за несколько месяцев. А сколько раз сражался я своим мачете и с разбойниками, и с дикими зверями! Сколько раз подыхал от голода и тропической лихорадки! Порою был я так слаб, что не мог отогнать проклятых мошек, которые, как пиявки, сосали мою кровь. Однажды я лежал больной и думал, что каучуковые деревья надо сажать на плантациях, чтобы не приходилось собирать их сок: в джунглях, где люди теряют больше крови, чем добывают этого проклятого сока. Но не в Бразилии, конечно, сажать, а где-нибудь в наших колониях, ну, в Индии, например. С этого дня мысль о том, чтобы вывезти семена гевей, не выходила из моей головы. Я знал: кому удастся это, получит большую награду. Знал, что уже многие пытались выкрасть эти семена, но никому еще не удалось получить из краденых семян хотя бы один росток гевей. И все-таки решил рискнуть. И когда в верховьях Амазонки появился английский корабль, а его капитан согласился мне помочь при условии, что в судовых документах не будет значиться, какой груз у него на борту, я понял: пробил мой час. Капитан был прав: ведь если бы эти бразильские ищейки нашли на его корабле семена гевей, его вздернули бы на рее. Я обещал ему в этом случае взять вину на себя. Тогда он дал мне взаймы денег, и я нанял целую деревню индейцев. Тайком собирали они для меня семена, плели корзины, упаковывали семена, прикрывая их каучуковыми шарами, чтобы обмануть таможенников. В городе Пара, где бразильские власти осматривали наш корабль, мы были на волоске от гибели. Мне удалось вовремя всучить одному чиновнику большую взятку, и в судовых документах появился нужный штамп. Надеюсь, за время пути через океан семена не погибли. Так я спас гевею, себя и капитана. Теперь все зависит от вас, Даниэль. В ваших руках будущее

Британской империи. Каждый росток, который вы сможете получить из этих семян и переправить в Индию, обернется горами золота. Британия получит свой собственный каучук.

Через три месяца в оранжерее молодого Даниэля Чалмерза было уже около двух тысяч ростков. Проросло одно из каждых тридцати пяти семян гевеи. Это была большая удача.

Чалмерз был первым европейцем, одолевшим прихотливость тропического растения. Он-то и был послан с ростками гевеи на Цейлон, чтобы заложить там первую плантацию каучуконосов. Плывая на пароходе, он и дни и ночи проводил у ящиков с рассадой, следил, чтобы не упала температура воздуха и не понизилась влажность, чтобы никто не повредил нежные ростки.

Только восемь ростков погибло за время пути.

На Цейлоне стал Чалмерз управляющим первой плантацией гевеи в английских владениях, но жить ему осталось меньше года — он умер от тропической болезни.

К началу XX века под каучуковые плантации были отданы лучшие земли не только на Цейлоне, но и в английских владениях в Малайе, в голландских владениях в Индонезии, земли, на которых раньше выращивали рис и другие продовольственные культуры. В 1913 году восточные плантации гевеи дали столько же каучука, сколько бразильские джунгли, а в 1914 году — уже в два раза больше.

* * *

На резиновые мячи, сапоги и непромокаемые плащи шло каучука не так уж много. Но стали делать из него и автомобильные шины, и шины для самолетов, и всевозможные электротехнические изделия.

В 1900 году мировое производство каучука составило около 50 тысяч тонн, из которых 30 тысяч дала Бразилия. В 1937 году в мире было получено уже более миллиона тонн каучука, в том числе — полмиллиона в английской колонии Малайе, почти столько же — в голландской колонии Индонезии. Бразильский каучук стал уже не нужен.

Когда английская армия выбивала голландцев из Малайи, кто мог предполагать, что этим самым она обеспечивала будущим поколениям английских капиталистов несметные прибыли от неизвестного в те времена каучука? Так получилось, что эта колония стала приносить своим хозяевам самые богатые плоды через много-много лет после того, как была она завоевана.

Многострадальная Малайя несколько раз переходила из одних граблящих рук в другие. Еще в начале XVI века она захвачена была Португалией. В 1641 году португальцев прогнали голландцы. Еще через сто пятьдесят лет, в 1795 году, Малайя перешла к новым хозяевам — англичанам. В 1818 году ее вернула себе Голландия, но на короткий срок. Уже в 1824 году англичане снова утвердились в Малайе, и на этот раз надолго. Только в 1941 году Малайю вместе

с другими английскими колониями к востоку от Индии захватила Японию. После разгрома Японии Англия попыталась вернуть себе Малайю. Но тут малайский народ поднялся на борьбу за свое освобождение, и в 1957 году было создано молодое самостоятельное государство, которое с 1963 года стало называться Федерация Малайзия.

До сих пор Федерация Малайзия остается главным мировым поставщиком натурального каучука, на ее долю приходится больше 40% его мирового производства. Малайзия сегодня сплошная каучуковая плантация. Из 3,2 миллиона гектаров обрабатываемой земли под каучуком — 2 миллиона, а под рисом — основной продовольственной культурой страны — всего 720 тысяч гектаров.

Можно подумать, что за свой каучук Малайзия может получать столько, что все ее население не будет знать бедности. Ведь именно на малайском каучуке за короткий срок сколотили гигантские состояния крупнейшие английские фирмы резиновой промышленности. И теперь Малайзия — самостоятельная страна! Кто может помешать ей самой пользоваться своими богатствами?

Но не так легко покончить с колониальной эксплуатацией, даже завоевав независимость. 60% каучуковых плантаций по-прежнему принадлежат английским компаниям, как и 40% добываемого в этой стране олова, второго национального богатства Малайзии. Своей промышленности в Малайзии почти нет. Весь каучук продается в Америку, Западную Европу, Японию. Покупатели-капиталисты навязывают такие низкие цены на малайский каучук, что за год страна получает за него намного меньше, чем ей нужно, чтобы расплатиться за продовольствие и промышленные товары, покупаемые за границей. Ведь в последнее время в США, Европе и Японии построены большие заводы по производству синтетического каучука. Полновластно распоряжаются в каучуковых империях, охватывающих весь капиталистический мир, несколько американских, английских, западногерманских, французских и японских монополий, фирменный знак которых, как дьявольское клеймо, стоит почти на всех резиновых изделиях капиталистического мира. Добившись освобождения, народы Малайзии сделали лишь первый шаг на пути к действительной свободе. Теперь они хотят сами пользоваться богатствами своей страны, среди которых первое место занимает каучук.

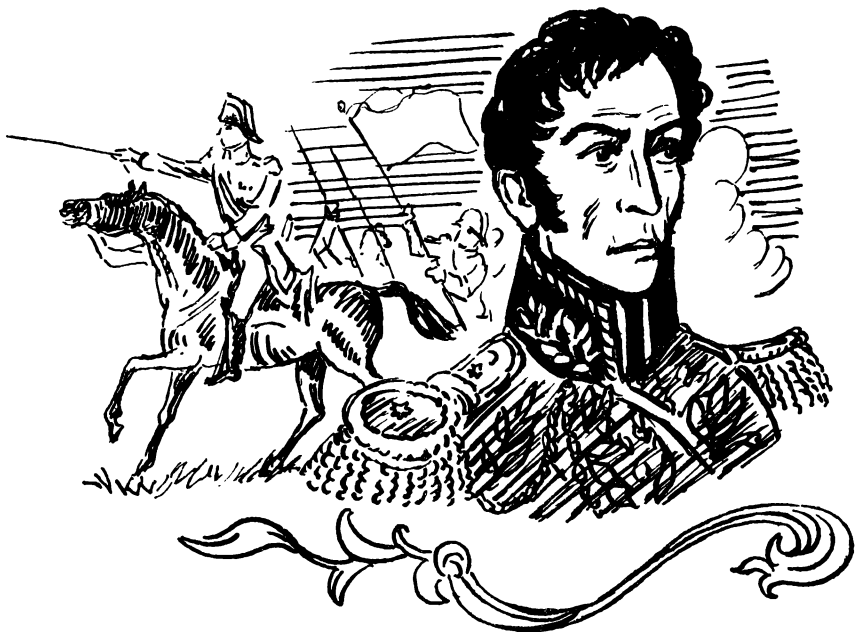
Слишком много было пролито слез, чтобы теперь ни за что отдавать каучуковое золото жадным чужестранцам.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

**СВОБОДА
ИЛИ
СМЕРТЬ!**

История борьбы колониальных народов за свое освобождение выдвинула замечательных героев и вождей. В этой части книги рассказывается лишь о некоторых из них — это раб с французской плантации на острове Гаити Туссен-Лувертюр, которого прозвали Черным Спартаком, Симон Боливар, возглавивший борьбу за освобождение Латинской Америки, вожди индийского народного восстания 1857—1859 годов, марокканский военачальник Абд аль-Керим, «Великая Душа» Индии Махатма Ганди, бесстрашный конголезец Патрис Лумумба, первый президент Народной Анголы поэт Агостиньо Нето.

Эти люди прославились в разные времена, на разных континентах. Некоторые из них — наши современники. Но всех их объединяет жгучая ненависть к поработителям и беззаветная любовь к своему народу.

ЧЕРНЫЙ СПАРТАК

Остров Гаити, расположенный недалеко от Кубы, называется так с 1804 года. До этого было у него два названия: восточная часть, которую в конце XVIII века захватили испанцы,— Санто-Доминго и западная, на которую вторглись французские войска,— Сан-Доминго¹. Санто-Доминго было вдвое больше, чем Сан-Доминго, но Сан-Доминго считалось самой богатой из всех заморских колоний Европы. Три тысячи плантаций обрабатывали там угнанные из Африки невольники. Сахар и кофе, хлопок и табак, какао и индиго — все это вывозили во Францию хозяева, и в их кованых железом сундуках накапливалось золото, добытое потом и кровью обездоленных рабов. Вернее, хозяева даже не появлялись на острове. Они пировали и красовались в Париже, при дворе короля. А полумиллионом рабов помыкали управляющие, славившиеся своей жестокостью и заставлявшие работать на износ. Что это значит? А то, что выжимали из рабов все соки, прямо-таки загоняли в гроб. Зачем же? Ведь, казалось бы, хозяевам выгодно, чтобы раб работал как можно дольше. Оказывается, нет: рабы были так дешевы, что легче было купить нового, чем возиться с обессиленным старым. А что касается

¹ На русский язык «Сан» и «Санто» переводятся одним и тем же словом — «святой».

человечности и жалости, то, как мы уже знаем, у колонизаторов ее не было никогда.

Помимо всего прочего, рабов колонизаторы не признавали людьми. На самом же деле африканцы, увезенные в Америку, были людьми в гораздо большей степени, чем они сами.

На острове Гаити до сих пор можно услышать легенду о негре Макандале, который был бесконечно храбрым и сумел поднять своих собратьев на борьбу. Расчет Макандала был прост: белым угнетателям в пищу надо подмешивать яд. Чем больше их отравится, тем меньше их останется, тем легче будет выгнать их вон. Но этот «простой» расчет оказался неверным. Отравлено было всего несколько белых, когда Макандал был предан и казнен.

Но на смену павшим борцам всегда приходят новые.

Так произошло и в Сан-Доминго.

На плантации Бредо, принадлежавшей графу де Ное, объявился смысленный пастушонок — сын рабыни Туссен. Управляющий задумал выучить его грамоте и сделать надсмотрщиком. Сперва его «произвели» в фореиторы — так называется при упряжке цугом¹ кучер, скачущий впереди. Если бы управляющий знал, что придет время, когда пастушонок будет скакать не впереди барского фэтона, а впереди огромного повстанческого войска!..

Но он не знал этого и не думал об этом. И юный фореитор стал жить в доме самого управляющего. Он не изнывал от непосильной работы на плантации, как другие подростки. И у него даже оставалось время на чтение книг. Блестяще овладев французским, он запоем читал все подряд. Где-то прочел предсказание: придет Черный Спартак, придет и освободит рабов от унижительного рабства! И фраза эта запала ему в душу.

Когда Туссену исполнилось двадцать пять, он был назначен надсмотрщиком. Но, конечно, он не стал бить тех, за кем должен был присматривать и следить. Он читал им книги, звал их к восстанию. Учил: надо ждать своего часа...

Ему было уже пятьдесят лет, когда казнили французского короля Людовика XVI: во Франции началась революция. Парижане разрушили мрачную тюрьму Бастилию и сказали: «Мир хижинам, война дворцам!» Мир хижинам? Значит, и хижинам негритянским!

Белые в Сан-Доминго не пожелали признать революцию.

И тогда негры Сан-Доминго восстали.

Они вооружились. Пусть мушкетов было мало. Зато много было топоров, пик и вил. Но самым острым оружием восставших была их ненависть, их жажда мести проклятым поработителям.

В 1794 году французский Конвент принял закон об уничтожении рабства в Сан-Доминго. Однако это была свобода только еще на бумаге...

В пятьдесят два года Туссен возглавил революционную армию и был назначен генерал-губернатором Сан-Доминго. Ему довелось

¹ Упряжь, в которой лошади размещаются одна за другой.

сразиться со всеми и всякими врагами, в том числе с испанскими и английскими колонизаторами, которые были бы рады прихватить то, что не смогли удержать их французские соперники.

И он одерживал блистательные победы.

Но этого ему было мало: надо было пробить главную брешь — открыть рабам путь к освобождению. «Лувертюр» — по-французски «отверстие», «брешь». Так и прозвали Туссена, и прозвище это звучало почетно.

Став правителем Сан-Доминго, Туссен-Лувертюр четыре года укреплял армию, мудро правил страной. Под его руководством распашаны были новые земли, построены хорошие дороги, впервые открыты школы, где белые и черные дети учились вместе.

Черный Спартак гордился своими успехами. Он писал в своих мемуарах: «В колонии Сан-Доминго, которой я руководил, царило спокойствие... Остров достиг такого процветания, какого никогда еще не было. Все это, осмелюсь утверждать, явилось делом моих рук».

В самом центре колониального мира появилось независимое негритянское государство. Народ избрал своим первым президентом Туссена-Лувертюра.

«Первому среди белых от первого среди черных» — так начал Туссен-Лувертюр свое письмо Наполеону Бонапарту.

Но Наполеон не пожелал признать Туссена-Лувертюра и сделать его своим соратником. Нет, он намеревался не только окончательно подавить революцию во Франции и стать абсолютным монархом, но и восстановить рабство в Сан-Доминго. И поэтому он не ответил на письмо генерала-негра. Не ответил и еще на два его письма. А своим приближенным сказал, презрительно усмехаясь: «Этот Туссен — мятежник и раб, и его следует наказать».

Туссен-Лувертюр насторожился, и правильно сделал. Он стал еще больше укреплять армию. А когда Испания «уступила» Санто-Доминго Франции, он немедленно захватил и испанскую часть острова, чтобы французские войска не стояли у него под боком.

Теперь он пожалел о том, что несколько раньше отправил во Францию своих сыновей Альберта и Исаака. Этот «жест дружбы» в новой обстановке угрожал жизни его сыновей.

А коварный император Наполеон Бонапарт вызвал двух юношей на военный совет и заявил своим генералам: «Это сыновья Туссена. Они помогут нам найти общий язык с их отцом». Колонизаторы — это колонизаторы. У них нет и никогда не было стыда, совести и чести...

Сорок французских военных кораблей — целая эскадра, двадцать пять тысяч солдат, появились у берегов Сан-Доминго.

Но Наполеон задумал покорить негров не только силой, а и лестью и ложью.

Он обратился к ним с прокламацией:

«Жители Сан-Доминго! Каково бы ни было ваше происхождение и цвет лица, вы все французы, все равны перед богом и Республикой.

Франция, подобно Сан-Доминго, была жертвой мятежа. Ее терзала внутренняя и внешняя война. Но теперь все переменялось: все народы в дружбе с французами и поклялись им хранить мир и любовь. Равным образом все французы поклялись быть друзьями и братьями. Встретьте же и вы французов как своих братьев. Правительство посылает вам капитан-генерала Леклерка и большое войско, чтобы защитить вас от врагов ваших и врагов Республики. Если вам скажут: «Это войско явилось отнять у вас свободу», — отвечайте: «Республика не потерпит, чтобы ее у нас отняли».

Все это был обман, наглый обман от первого и до последнего слова.

Туссен-Лувертюр понимал, что пробил решающий час борьбы за свободу. Он предвидел, что Наполеон не оставит в покое свое богатейшее владение, которое уверенно шло к независимости. И генерал революции отдал своим войскам строжайший приказ: не допускать высадки на берег никаких воинских частей, откуда бы они ни прибыли. Выполняя этот приказ, командующий береговой охраной генерал Кристоф отказался допустить армаду Леклерка в порт Ле Кап и принял бой с французской эскадрой. Город Ле Кап был разрушен до основания.

Туссен-Лувертюр со своим штабом находился в это время на пути к другому порту на северном побережье острова — городу Порт-де-Пе. Когда отряд Туссена-Лувертюра пробирался по лесной дороге, его нагнал взволнованный всадник на взмыленной лошади. Туссен-Лувертюр узнал в нем одного из адъютантов генерала Кристофа. Отдав честь, адъютант молча протянул генерал-губернатору запечатанный пакет. Прочитав донесение, Туссен-Лувертюр приказал своим адъютантам следовать за собой, повернул коня и быстрым галопом поскакал по кратчайшей дороге в сторону Ле Капа.

Еще одна группа всадников встретилась ему на полпути. Впереди скакал вызванный им ранее из столицы генерал Дессалин. «Ваше превосходительство, когда я покидал столицу, с вершины холма я увидел шесть больших кораблей, приближавшихся под всеми парусами к нашим берегам. Я не знаю, под каким флагом идут эти корабли и какая у них цель. Но гарнизон столицы готов ко всяким неожиданностям».

Ни генерал Дессалин, ни сам Туссен-Лувертюр не знали тогда, что эти корабли посланы Леклерком для внезапной атаки и захвата столицы Сан-Доминго. Не знали они и того, что гарнизон столицы сдался прибывшему из Франции отряду без боя. Считавшие себя французскими солдатами и офицерами негры и белые Сан-Доминго не стали сражаться с войсками, присланными правительством Франции.

Туссен-Лувертюр со своими спутниками приближался тем временем к Ле Капу. Вот они уже на вершине холма. Но где же великолепный город, утопающий в зелени садов?.. Одни только черные клубы дыма, сквозь которые местами прорывается злое пламя пожаров, окутывают весь залив. На рейде выстроены военные корабли, их пушки ведут непрерывный обстрел берега. Несколько кораблей

подошли к самому берегу там, где уже кончалась бухта и где обычно кораблей никогда не было. С них уже спущены шлюпки, и в подзорную трубу видно: шлюпки набиты солдатами. Во всех направлениях по дорогам и тропинкам, ведущим из города в окрестные леса, тянутся толпы горожан.

Туссен-Лувертюр помчался к форту Бель-Эр, который защищал подступы к Ле Капу. К своему удивлению, он обнаружил форт пустым. Солдаты и офицеры бежали, все пушки форта были разбиты. Казалось, единственным уцелевшим местом было большое здание госпиталя, построенное монахами-иезуитами в стороне от города. Туссен-Лувертюр поспешил туда, надеясь найти кого-нибудь, кто сможет рассказать подробности о случившемся. У стен госпиталя он нашел генерала Кристофа. «У меня не хватило сил, чтобы устоять. Но город не достался Леклерку. Он получит руины и пепел».

Туссен-Лувертюр приказал Кристофу собрать уцелевших солдат и офицеров и отвести их к затерянному в горах небольшому поселку Бонне, где давно уже были приготовлены склады оружия, боеприпасов и продовольствия на случай внезапного нападения врага. Сам же генерал-губернатор решил добиться возможности вступить в прямые переговоры с Леклерком и склонить его к какому-нибудь соглашению для прекращения огня. Он направил своего коня в сторону отряда, который высаживался из шлюпок на берег, и оказался под

яростным ружейным и пушечным обстрелом. В одно мгновение очутился он на земле, и ногу его подмял под себя наповал сраженный конь. У адъютанта, поспешившего к нему на помощь, пулей сорвало с головы шляпу. Пришлось укрыться в лесу. Там Туссена-Лувертюра разыскал офицер, весь окровавленный, в лохмотьях, но крепко державший в своих руках заряженное ружье.

— Мой генерал, — прерывающимся голосом доложил офицер, — мне одному удалось спастись из форта Либерте. Мы сопротивлялись как могли. Но врагов было слишком много, их ядра разбили стены форта. Когда французские солдаты ворвались в форт, они никого не щадили, не брали в плен. Они убивали тех, кто еще мог держаться на ногах, докалывали штыками лежавших на земле раненых, хотя те тоже были одеты в форму французской армии.

— Какое преступление! — воскликнул Туссен-Лувертюр. — Устроить избиение беззащитных солдат только за то, что они храбро выполняли приказ своих командиров, бесстрашно сражались во славу французского флага, защищали принципы Республики! Как подло нынешнее правительство Франции нарушает свои собственные обещания! Клянусь, что буду сражаться до последней капли крови, чтобы отомстить за смерть этих храбрых солдат, чтобы защитить нашу свободу, чтобы восстановить мир и спокойствие!

И вот Туссен-Лувертюр садится на камень и пишет приказы. И его адъютанты скачут на юг и на восток, к командирам войск, распыленных по всей территории Сан-Доминго. А к нему прибывают депеши о продвижении отрядов генерала Леклерка в глубь страны, о новых десантах, высаженных с французских кораблей в разных частях Сан-Доминго. Он узнает, что Леклерк привез с собой из Франции его сыновей и держит их как заложников. Наконец, получает письмо от самого Леклерка. Леклерк уговаривает его отказаться от власти, сложить оружие, подчиниться приказу Наполеона. «Леклерк нас обманывает, — возмущается Туссен-Лувертюр. — Наполеон обещает нам мир, а Леклерк ведет против нас войну. Мы должны защищаться, когда на нас нападают».

Но генералы Туссена-Лувертюра один за другим переходят на сторону Леклерка. Леклерк от имени Наполеона объявляет Туссена-Лувертюра государственным изменником и страшными карами грозит всем тем, кто ему помогает. Преданные Туссену-Лувертюру отряды ведут неравные бои с наступающими частями Леклерка. Туссен-Лувертюр уходит все дальше в горы. Леклерк клянется, что он дарует Туссену-Лувертюру жизнь и свободу, и ради прекращения безнадежного кровопролития Черный Спартак принимает эти условия. Только месяц Леклерк соблюдал свою клятву.

Но уже месяц спустя Туссен-Лувертюр, который, как обещал Леклерку, мирно занимается восстановлением своего личного хозяйства, получает письмо от генерала Брюне с настойчивым приглашением срочно посетить его для важных деловых переговоров. «Вы найдете у меня чистосердечие благородного человека, который не желает

ничего так страстно, как видеть процветание колонии и ваше личное благополучие... Я повторяю, генерал, что вы никогда не найдете более искреннего своего друга, чем я», — писал ему этот колонизатор, которому Леклерк поручил хитростью заманить Туссена-Лувертюра в ловушку. И едва Туссен-Лувертьюр входит в дом генерала Брюне, на него набрасываются дюжие солдаты. Они связывают его по рукам и ногам и тайно доставляют на борт корабля «Эрос», который тут же снимается с якоря. В это же время в дом Туссена-Лувертюра тоже врываются французские солдаты, заковывают в цепи его жену и детей и увозят в неизвестном направлении. Дом сжигают.

Напрасно заключенный во французском замке Туссен-Лувертьюр просит о личном свидании с Наполеоном, о том, чтобы его мог кто-нибудь выслушать, о том, чтобы, наконец, его судили открытым судом. «Конечно, со мной обращаются как с опасным преступником из-за цвета моей кожи. Но ведь цвет моей кожи не мешал мне честно служить родине со всем рвением и искренностью, на которые только способен человек!» — горько восклицает бывший генерал Французской Республики.

Но никто так и не выслушал его. О месте заключения Черного Спартака не должен был знать ни один человек. И жить ему оставалось совсем недолго.

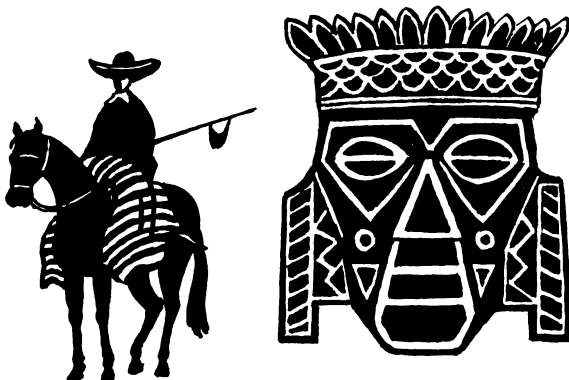
При тусклом свете свечного огарка лихорадочно пишет он в мрачной темнице свои мемуары, изливает благородную душу человека, обманутого в лучших надеждах. Заживо гнить в сыром каменном мешке средневекового французского замка ему, привыкшему к жарким лучам тропического солнца! Без конца думать о беспомощном отце, оставшемся в возрасте ста пяти лет без всякой защиты и поддержки, о горячо любимой жене и о детях, судьба которых ему неизвестна, о поверженной родине и всех тех, кто безгранично верил ему и шел за ним, не жалея жизни и кому теперь вновь грозит рабство!..

Весной 1803 года после девятимесячного заточения Черный Спартак умер от холода и голода.

Вероломная расправа французских колонизаторов над Туссеном-Лувертьюром открыла глаза народу Сан-Доминго. Известие о том, что в соседней колонии на острове Гваделупа французские власти восстановили рабство, подняло всех негров, вкусивших плоды свободы за десять лет правления Туссена-Лувертюра, на решительную борьбу за полную независимость страны. Целый год народная армия под командованием генерала Дессалина громила отряды Леклерка, пока Наполеон не был вынужден отозвать свой экспедиционный корпус из Сан-Доминго. На месте французской и испанской колоний в 1804 году возникло независимое государство Гаити.

Кровь Черного Спартака была пролита не зря.

Светлый образ Туссена-Лувертюра и сегодня вдохновляет патриотов Гаити, которые в глубоком подполье ведут борьбу против фашистской диктатуры династии Дювалье.

БОЛИВАР ОСВОБОДИТЕЛЬ

Помните?

Надев широкий боливар,
Онегин едет на бульвар...

Боливар — это широкополая мужская шляпа, которую носили в XIX веке. Боливар — ударение на последнем слоге. Но есть и «боливар» — венесуэльская монета, равная ста сентимо. В наши дни имеют хождение серебряные монеты — один боливар и два. Кроме того, Боливар — это город в Венесуэле, и точно так же называется департамент в Колумбии.

Что же общего между онегинской шляпой, монетами, географическими названиями? А то, что все эти «боливары» и «боливары» увековечивают память одного и того же человека — Симона Боливера.

В столицах почти всех республик Латинской Америки воздвигнуты памятники Боливару. Даже государство Боливия носит его имя. Именем человека названа целая страна! Часто ли так бывает?..

Имя Боливера знаменито и все же менее известно, чем, скажем, имя Наполеона. А между тем заслуживает оно известности во сто крат больше, чем имя французского завоевателя. И именно потому, что был Боливар не завоевателем, а освободителем. И титул Освободителя был присвоен ему по праву.

Боливар Освободитель!..

Жил он в прошлом веке, полтора столетия назад, но его невозможно не полюбить как живого человека.

Выражение лица Боливера Освободителя на сохранившихся портретах привлекает отвагой, разумом, стремлением к правде. Лучистые,

внимательные, чуть настороженные глаза. Крепко сжатые губы.

Один из противников Освободителя говорил: «Его влияние и власть над людьми таковы, что даже я сам, когда обращался к нему с чувством мщения, оказывался разоруженным одним его взглядом и уходил от него очарованный. Никто не может бороться с Боливаром лицом к лицу, и несчастен тот, кто пытается сделать это. Мгновение спустя он вынужден будет признать себя побежденным».

Похвала врага. В ней не приходится сомневаться.

Симон Хосе Антонио де ла Сантисима Тринидад Боливар родился в 1783 году в столице Венесуэлы Каракасе. Он был креолом — потомком испанцев, давно поселившихся в Венесуэле. Отец Симона был миллионером и оставил своей семье наследство, которое оценивалось в десять миллионов долларов.

Таким образом, Симон Боливар уже в юности стал богачом. Когда ему исполнилось шестнадцать лет, родственники-попечители отправили его в столицу колониальной империи Испании — Мадрид. Блистательный светский юноша с почетом принят был при дворе короля и даже был допущен к игре в мяч с наследным принцем. Совершил путешествие во Францию, жил в Париже. Затем — в столице Австрии Вене, потом — в Италии. Так прошло восемь лет.

Что же, все эти годы Симон развлекался? Нет. Он завершил образование. И — что имело для него не меньшее значение — познакомился в Европе с передовыми людьми своего времени: с учеными Гумбольдтом и Гей-Люссаком. Они оказали на молодого креола огромное влияние. Так же, как его любимый учитель и земляк Родригес, который еще на родине привил Боливару уважение к революционерам и с которым теперь снова встретился он в Вене.

* * *

Вернувшись на родину, Боливар словно новыми глазами глянул на все, что там происходило. Уезжал он мальчиком и многого не замечал. Но, став взрослым, Симон стал думать не только о себе, а и о жизни своего народа. И он увидел истину. Увидел и ужаснулся.

Двести лет хозяйничали в Латинской Америке испанцы, и это дало королю Испании и его приближенным несметные богатства. Целые корабли золота привозили домой испанские купцы и генералы. Они торговали рабами.

Из своих колоний испанские поработители вывозили товары, каких раньше не знала Европа: сахар и кофе, какао и табак, перец, индиго, корицу. Все это сами они покупали за бесценок, а продавали втридорога. Ведь никто не мог купить такие товары прямо в Латинской Америке: король тщательно оберегал свои колонии от постороннего вмешательства. Колониям строжайше запрещалось торговать

с кем бы то ни было и даже между собой. Кроме того, они не имели права производить товары, которые по самым высоким ценам продавали им колонизаторы. Испанские вельможи свысока относились к жителям колоний, всячески унижали их. Беглых рабов, которые не могли выдержать тяжелой жизни у хозяев, клеймили раскаленным железом. В страшной бедности жили бывшие хозяева американской земли — индейцы. Но в самом тяжелом положении находились рабы-негры. И все должны были платить королю и церкви налоги решительно за все: за окна и за двери, за ворота и за празднование дня рождения, за танцы и за крестины, за похороны, свадьбы и исповеди.

Не удивительно, что в колониях клокотал народный гнев. То тут, то там вспыхивали костры восстаний. Испанские солдаты гасили их кровью рабов. Но жажда мести поработителям не утихала. Кто-то рассказывал, что во Франции народ разрушил королевскую тюрьму Бастилию, а самого короля обезглавил. Узнали люди и о том, что в Северной Америке английские колонии свергли власть своих хозяев, победили армию английских колонизаторов и создали новое, свободное от них государство — Соединенные Штаты Америки.

Народы испанских владений в Латинской Америке были готовы к битве за свое освобождение. Народу был нужен вождь, способный привести его к победе над извечным врагом.

Боливар понимал все это. Кто может стать таким вождем? Об этом думал он много дней и много ночей. И в конце концов убедился: никто. Никто, кроме него самого.

И вождем пламенных революционеров-патриотов, поклявшихся изгнать испанских колонизаторов из Латинской Америки, стал сын испанского богача.

Блистательный молодой человек, которому, как говорится, не хватало лишь птичьего молока, креол с графскими манерами, не знавший цены деньгам и живший на широкую ногу, любивший изысканную аристократическую кухню и нарядные одежды, почему-то в один прекрасный день оставил все это и добровольно обрек себя на жертвы и мучения боевой походной жизни, на голод и холод, на постоянные тревоги и, наконец, на ежедневный и ежечасный риск быть убитым в бою или повешенным колонизаторами. Когда он умер, окружающие недоумевали: от всех его богатств не осталось даже свежей рубашки. Иными словами, он пожертвовал всем, что имел.

Зачем? Для чего?

Рано потеряв мать, Симон был вскормлен молоком рабыни негрянки Иполиты. Он полюбил ее, как родную, и на всю жизнь остался ей благодарен. В отличие от других детей из богатых семейств, он внимательно присматривался к тому, как живут бедняки и рабы. Еще в школьные годы убедительно доказал ему учитель Родригес, что все люди равны — независимо от цвета кожи.

Под накрахмаленными манишками и пышными галстуками светского молодого человека билось сердце верного сына народа. Лесть, обман и ложь, интриги и притворство — вот что видел он в высшем

обществе. А честь и совесть, открытые души — в простом народе. И больше собственной жизни полюбил он честных тружеников, которые своими добрыми и щедрыми руками создают все нужное и ценное на земле.

Только ради простого народа, поработанного колонизаторами, и вышел на неравную борьбу этот Человек-пламя, Человек-легенда. Богатырь, который со связанными руками переплывал полноводную и широкую реку Ориноко.

И вскоре весь мир заговорил о подлинно революционной смелости и полководческом таланте Боливара, о его умении зажигать тысячи сердец огнем правды и справедливости.

* * *

Он никогда не поклонялся чему-либо слепо и бессознательно.

Когда он был в Риме, его как сына богача и аристократа допустили к папе римскому. В те времена считалось счастьем поцеловать туфлю на папской ноге. Но как же были удивлены вельможи и церковники, узнав, что венесуэлец отказался от этого «счастья».

А во время пребывания Боливара в Париже происходила коронация Наполеона, провозгласившего себя императором Франции. И Боливар, тот самый Боливар, который до этого прямо-таки преклонялся перед Бонапартом, с этого дня стал считать его «двуличным тираном».

Там же, в Европе, дал он клятву посвятить себя изгнанию испанцев из Латинской Америки: «Я готов отдать этому делу всю свою жизнь. Клянусь моей честью и жизнью, что рука моя не устанет разить врагов и душа моя не обретет покоя до тех пор, пока я не разорву цепи, которыми Испания опутала мою родину».

С горсткой патриотов начал он войну за свободу и независимость своей страны. Не сразу и не вдруг удавалось ему побеждать.

И все-таки в августе 1813 года он освободил столицу Венесуэлы, свой родной город Каракас. Это был триумф Освободителя. От городской ворот по ковру из живых цветов везли его к центру в триумфальной колеснице двенадцать девушек. На главной площади девушки возложили на голову Боливара венок. Мелодичный колокольный звон сопровождал эту торжественную процедуру.

Потом — поражение. Затем — опять победа. И так — всю жизнь... В одной из биографий Освободителя сказано: «Боливар, как добрая толедская шпага, которая гнется, но не ломается, с поразительной настойчивостью продолжал борьбу».

Только люди завистливые или неумные думают, что победа приходит сама по себе. Что одному «не везет», а вот другому — «везет». На самом же деле серьезный успех на поле боя непременно имеет и обратную сторону. И чаще всего — это нечеловеческие усилия, безмерные тяготы и лишения, величайшее самопожертвование, непреклонное упорство и страстная целеустремленность, беззаветная

храбрость, твердая воля, не позволяющая врагу ошеломить тебя, обескуражить, обратить в бегство — даже если он, враг, сильнее. Обычно все эти золотые качества появляются у того, кто ведет войну справедливую, иными словами — войну за свободу и независимость.

Именно таков был Симон Боливар.

Весной 1819 года созвал он своих генералов на военный совет. Генералы свободы не восседали в мягких креслах — они стояли друг против друга, потому что совет проходил в индейской хижине, где не было не только кресел, но даже и стульев и стола. Это не помешало им, однако, принять поистине героическое решение о переходе через Анды, за которыми располагались испанские войска.

Солдаты армии Боливара ходили босиком. У них не было теплого обмундирования, а оно было необходимо для перехода: в горах холодно. А когда наконец удалось раздобыть кое-какую одежонку, оказалось, что весенние ливни размыли землю, реки разлились, и всюду — крокодилы, электрические угри и жадная рыбешка карибе, которая стаями нападает и на людей и на лошадей. Москиты безжалостно жалили воинов. Пока патриоты добрались до Анд, погибли почти все их лошади. Кончился провиант. А ведь тяжкая переправа только еще предстояла!

«Горные вершины спят во мгле ночной». Как поэтично и торжественно звучат эти слова! Но совсем по-иному восприняли горные громады и крики голодные, усталые, плохо обмундированные люди Боливара. Отважные сердца степных жителей дрогнули при виде высоченных и угрюмых вершин. Но они не смели признаться в этом друг другу, потому что шли сражаться за родину. И продолжали свой путь.

Анды... Сколько народных сказок сложено об этих горах! Но Освободителю и его солдатам было не до сказок. Чем выше поднимались они по крутым горным отрогам, тем больше мерзли в своей жалкой одежде. Время от времени обрушивались на них камни, срывавшиеся сверху. Люди карабкались по уступам, а поверженные диким ветром деревья преграждали им путь. Дожди, донимавшие их у подножий скал, казались теперь теплыми и нежными в сравнении с безжалостным снегом. Началась повальная дизентерия и горная болезнь, от которой человек становится слепым и глухим, а то и сходит с ума.

Боливар, как мог, ободрял своих людей.

И наконец Анды были преодолены. Но какой ценою! Из 3400 солдат погибло 1500.

Среди болот Пантано-де-Варгас грянул первый бой. Патриоты дрались отчаянно, из последних сил. «Свобода или смерть!» — этот девиз обрел для них теперь особый смысл: позади зловеще чернели Анды и отступить было некуда.

Был момент, когда испанские завоеватели начали теснить патриотов.

И тогда Освободитель приказал одному из своих командиров:

— Полковник, спасите родину!

Офицер бросился в самое пекло боя, увлекая за собою солдат. Он был убит, но солдаты Боливару смяли врага.

Справедливая война — она привлекает на свою сторону людей всего мира. За независимость Латинской Америки в боевых рядах армии Освободителя сражались плечом к плечу братья не по крови, а по духу, сыны Англии и Франции, Италии и России.

Битва была выиграна Боливаром.

* * *

Однажды ночью Боливару не спалось. Он вышел на берег океана. А когда вернулся к гамаку, увидел в нем труп своего друга Аместоя. Аместой был убит ударом кинжала.

Кто же нанял убийцу? Кто посягнул на жизнь Освободителя? Испанские захватчики. Из века в век действуют колонизаторы именно так, когда не могут победить в открытом бою. Кровавое правило иезуитов «Цель оправдывает средства» давным-давно взято ими на вооружение. И преступлениям их нет конца...

Жизнь Боливару была в опасности. Но Освободитель остался верен клятве и продолжал борьбу.

Свои владения в Латинской Америке испанские захватчики разделили на отдельные колонии: Венесуэлу, Новую Гранаду, Панаму, Мексику, Перу, Чили, Эквадор, Гвиану. Сильная испанская армия постоянно находилась в Латинской Америке. Ее генералы старались держать в своих руках наиболее важные города, дороги, горные перевалы, судоходные реки. Когда народ Новой Гранады избавился от власти колонизаторов, на него обрушились их войска из других колоний. А когда отбили от врага часть своей земли патриоты Венесуэлы, испанцы бросили свои объединенные отряды против них. Боливар понимал: ни одна колония не может добиться освобождения, если в соседних будут господствовать враги. И жители разных колоний приходили на помощь друг другу в борьбе против общего врага. И он вел за собой новогранадские отряды, которые дрались за свободу Венесуэлы, а во главе венесуэльских войск боролся за свободу Новой Гранады.

Испанский король Фердинанд VII готовил новую армию для усмирения освободителей. Больше ста кораблей с двадцатью тысячами пехотинцев, тремя тысячами всадников и артиллерией были готовы к отплытию в Америку.

Но тут случилось неожиданное. В испанском порту Кадисе восстали солдаты, не желавшие воевать за колонии. Ведь только королю и его приближенным и еще купцам грабеж колоний приносил большие богатства, а испанский народ находился под гнетом. Солдатское восстание поддержал народ, и Фердинанду VII пришлось пойти на уступки, восстановить отмененную им конституцию, предложить восставшим колониям мир. Так борьба свободлюбивых народов колоний подтолкнула борцов за свободу и в самой Испании.

Впервые за десять лет в Латинской Америке прекратились сражения. Но испанские войска еще топтали ее землю.

Войска Боливары начали наступление и победили в нескольких сражениях. Впервые после семилетнего отсутствия Боливар со своей армией снова вступил в родной Каракас.

Несколько позже Освободитель занял порт Гуаякиль на севере Перу. Туда же прибыл корабль аргентинского патриота генерала Сан-Мартина. Два верховных руководителя освободительной борьбы наконец встретились. До сих пор так никто и не знает, о чем они долго говорили с глазу на глаз. Но на следующий день Сан-Мартин приказал отправить свои вещи на корабль, простился с Боливаром и отправился в столицу Перу Лиму. Оттуда он навсегда уехал во Францию. Латиноамериканцы сохранили память о нем как о бескорыстном борце за свободу народов, который предпочел благородно уйти со сцены и уступить место Боливару, нежели вступить с ним в конфликт и ослабить силы освобождения перед лицом грозного врага.

Перед Боливаром встали новые задачи, еще более сложные, чем раньше.

Боливар тщательно готовился к решительной битве с испанцами.

Он собирал деньги, конфисковал для нужд армии даже золотую утварь из католических церквей, заставлял всех делать оружие. Когда не хватало ружей, он давал солдатам копья. Где только мог, искал и находил новых смельчаков. Наконец самая сильная армия из всех, которыми когда-либо приходилось командовать Боливару, выступила в поход.

И, как раньше Анды, с большим трудом преодолел Освободитель казавшиеся неприступными Кордильеры.

И вот войска его встретились с главными силами испанцев на огромном поле Аякучо, что значит в переводе с индейского языка «угол мертвых».

Это было в декабре 1824 года.

Колумбийцы по приказу Боливара нанесли страшный удар левому флангу испанской армии, состоявшей из девяти тысяч пехотинцев и кавалеристов.

Перуанцы встретили слабое сопротивление, и оно было вскоре преодолено, и испанцы обратились в бегство.

Теперь Боливар начал преследовать колонизаторов. Его кавалеристы рассеяли испанскую конницу и завершили разгром испанской пехоты.

Шесть испанских генералов были убиты. Вице-король попал в плен.

Испанская армия капитулировала.

С испанским владычеством было покончено навсегда.

ДОКТРИНА¹ МОНРО

Прочертив на карте мира свою знаменитую вертикаль, папа римский еще в 1494 году отдал всю Латинскую Америку, за исключением Бразилии, испанцам. Триста лет прошло, прежде чем под водительством Боливара большая часть латиноамериканских колоний завоевала свободу.

Но, как говорится, была бы шея, а хомут найдется. И свои права на только что освободившиеся страны заявили Соединенные Штаты.

В 1823 году американский президент Монро вместо вертикали папы римского навязал народам Латинской Америки новую линию, которая хотя и не была обозначена на карте, но оказалась весьма ощутимой.

Мистер Монро заявил:

— Штаты не допустят, чтобы какое бы то ни было европейское государство вторгалось в Америку, в Южную, в Северную — все равно, чтобы оно захватывало там какие-либо колонии.

«Америка для американцев!» — эти три слова вошли в историю под названием доктрины Монро.

¹ Доктрина — здесь: принцип.

Говоря проще, это означало: только Штаты имеют право командовать большими и малыми странами всей Америки.

И на протяжении многих десятилетий, пуская в ход и оружие, и капитал, и интриги, Штаты проводили в жизнь эту доктрину и таким образом превратили в свои полукolonии почти все латиноамериканские страны.

Между прочим, под предлогом доктрины Монро американское правительство в свое время за смехотворную сумму купило у русского царя Аляску. Конечно, виноват был и царь, проявивший удивительную тупость и недалекость: ведь на Аляске американцы нашли ценнейшие полезные ископаемые.

* * *

На месте бывших испанских и португальских колоний расположены в наши дни два десятка республик — больших и малых. Нелегкая судьба ожидала их после освобождения от испанского ига. Еще долго безраздельно властвовали там богатые плантаторы, а труженики оставались бесправными. Голод и нищета были уделом потомков индейцев и негров, мулатов и метисов, безвестных героев битвы при Аякучо. В освободившиеся от испанского владычества страны Латинской Америки пришли новые хозяева — богачи из Штатов. За бесценок они прибирали к рукам неисчислимые богатства.

Богатейшие в мире чилийские месторождения меди оказались владениями двух монополий США. Богатства недр Перу также стали собственностью североамериканской компании. Боливийское олово досталось американскому, английскому, французскому и швейцарскому капиталу. Иностранцам принадлежали сахарные плантации на Кубе, банановые и ананасные — во многих странах Центральной Америки, табачные и каучуковые — в нескольких латиноамериканских республиках.

Борьба за свободу продолжалась и после победы при Аякучо. Надо было избавиться от хищников еще более ненасытных, чем испанские захватчики.

Только сейчас эта борьба начинает приносить плоды. В наше время полной и окончательной победы в борьбе за свободу добился народ революционной Кубы. В Латинской Америке появилось первое социалистическое государство. По пути свободы пошел и народ Чили, но военной хунте, поддержанной американским капиталом, удалось свергнуть народную власть. Компании США снова захватили заводы и фабрики, шахты и рудники.

В наше время борьба за полную независимость от иностранного капитала продолжается. Представители восьми латиноамериканских стран подписали совместное заявление, которое назвали «Декларацией Аякучо», — о том, что народы Латинской Америки полны решимости добиться завершения дела национального освобождения.

«Декларация Аякучо» подписана через полтора года после бит-

вы на поле Аячучо. Боливара и его героев давно нет в живых. Но дух Освободителя жив в сердцах миллионов людей.

Об этом хорошо сказал в своих стихах знаменитый чилийский поэт Пабло Неруда, назвавший Боливара отцом народов Латинской Америки:

В нашем доме всему, отец, твое присуще имя!
Тростник в нем сладость черпает свою,
и олово боливара сверкает Боливаром,
и на вулкан Боливара садится птица пестрая боливар.
...Твое наследье — реки, и равнины, и колокольни;
насущенный хлеб, тот хлеб, что мы едим,— твое наследье!
О полководец и солдат! Повсюду,
где чей-то рот тоскует по свободе,
где чье-то ухо ловит весть о ней,
где красный воин взламывает фронт коричневого зверя,
где на лавре людской свободы зеленеют почки,
где знамя новое спешит украсить
себя узором благородной крови Авроры нашей,—
всюду видим мы твое лицо, Боливар-полководец!
Там всюду вновь и вновь среди пороха и дыма
твой возникает пламенный клинок¹.

¹ Перевод Ф. Кельина.

БОЛЬШОЕ ВОССТАНИЕ

Чапати

Было уж совсем темно, но Генри Лоренс, английский комиссар индийского княжества Ауд, все еще раскачивался в своем гамаке. В двух-трех шагах от гамака горела свеча, отпугивавшая синеватым дымом назойливых москитов, которые едва слышно звенели в воздухе и этим как бы подчеркивали великолепную тишину южной ночи.

Лоренс отдыхал, и то, что ускользало от его внимания днем, сейчас с полной ясностью возникало в его сознании. Вспомнилось, как сипаи — индийские солдаты, служившие в подчинении у английских офицеров, очень уж странно переглядывались, когда он появился в казарме. Враждебными показались учтивые лица индийских купцов, которые отказались принимать у англичан долговые расписки и вежливо, но настойчиво потребовали, чтобы им платили за товары просто-напросто золотом. А члены семьи бывшего аудского короля? Ведь даже и они, пожалуй, менее почтительно, чем обычно, приветствовали его сегодня в дворцовом парке...

Но тут Лоренс вздрогнул: рядом с ним зашевелились кусты. Комиссар резко обернулся и увидел в тусклом свете свечи какого-то оборванца.

— Что вам угодно?..

Однако оборванец сразу же успокоил Лоренса, назвав пароль. Комиссар убедился, что перед ним — не кто иной, как посланец раджи, подкупленного англичанами. Того самого раджи, который получил от них земли, отобранные у других индийских феодалов, и за это доносил белым хозяевам обо всем происходящем, то есть,

иными словами, был их осведомителем и шпионил за собственным народом.

Вот и сейчас неспроста прислал он гонца.

Оправившись от испуга, Лоренс протянул руку за письмом.

— Нет, — развел руками оборванец. — Мой господин не дал мне ничего: ведь если бы у меня нашли письмо, меня убили бы на месте.

— Новости? — отрывисто бросил Лоренс.

— Чапати, — в тон ему, одним словом ответил гонец.

Лоренс покачал головой. Так он и знал, он предчувствовал что-то недоброе. Чапати!.. Обыкновенная пресная лепешка, которую едят во всей Индии. Но в том-то и дело, что чапати — не только хлеб, но еще и сигнал. Чуть что — и из одной деревни в другую мчится сломя голову быстроногий смуглый мальчишка, чтобы вручить соседнему старосте чапати. Не успеет он прибежать, как чапати летит уже в следующую деревню.

— О чем чапати? — спросил комиссар гонца.

— Это еще неизвестно, но надо быть готовыми ко всему. Мой господин велел передать, что надо проверить полки сипаев. А сейчас мне надо уходить.

— Постой. Как же тебе удалось проникнуть сюда? Ведь кругом часовые.

— Бедный дервиш похож на темноту. Он всюду и нигде.

И оборванец исчез так же неожиданно, как появился.

Лоренс ударил молоточком по круглому гонгу, стоявшему на століке рядом с гамаком. Мгновенно зашуршали по гравію шаги дежурного офицера.

— Вы видели кого-нибудь?

— Нет, сэр.

...Два полка сипаев были обезоружены еще до рассвета. И когда утром взбунтовался третий полк, стоявший в столице княжества Ауд — Лакхнау, никто его не поддержал.

Спокойствие Лоренса

Но в других районах Индии предотвратить восстание было уже невозможно. Сипаи взяли Дели. Те англичане, которые не успели сбежать из города, были перебиты. К солдатам присоединилась городская беднота. Восстание стало всенародным.

Теперь неважно обернулось дело и для Лоренса. Восставшие осадили Лакхнау и разбили отряд сэра комиссара. У него осталось всего шестьсот верных солдат, укрывшихся в крепости. Казалось бы, конец близок. Но Лоренс не сдавался: опять-таки рассчитывал на измену. Знал: индийские князья, не найдя общего языка со своим народом, часто предают его. И чтобы усмирить крестьян и ремесленников, с которыми не могут справиться сами, обращаются за помощью к колонизаторам.

Поэтому, когда помощник комиссара доложил ему об опасности, угрожающей гарнизону, Лоренс снисходительно улыбнулся, спокойно закурил сигару и сказал:

— Нам надо продержаться совсем недолго. Нас мало, да. Но это не страшно. У Роберта Клайва тоже было всего восемьсот солдат. А ведь смог он одолеть целую армию — пятьдесят тысяч пехотинцев и восемнадцать тысяч всадников! Главное — найти союзников в стане врагов. Роберту Клайву помог один из вражеских командиров, Мир Джафар, которому за это был обещан трон большого княжества.

— И что же, Мир Джафар получил трон?

— Да. А Роберт Клайв, приехав в Индию без гроша в кармане, стал сказочно богат: сделавшись правителем княжества, Мир Джафар заплатил ему уйму денег — никто не знает, сколько именно, но, надо думать, немало! А еще двести тысяч фунтов стерлингов Клайв получил от зятя Мира Джафара.

— Но простите, сэр, при чем тут зять?

— Дело в том, что Клайв предал предателя. Три года спустя после битвы при Плесси он передал бенгальский трон зятю Мира Джафара. Эти туземные правители! Готовы перегрызть друг другу горло. Надо только пользоваться их алчностью. Гораздо труднее справиться с простолюдинами.

— Да, сипаи, которым мы хорошо платим, восстали против нас.

— Их настроили против нас подстрекатели. Из Англии прибыли новые ружья, гораздо лучше старых. Однако чтобы такое ружье зарядить, надо откусить зубами конец патрона. А патроны, как известно, в смазке — иначе заржавеют, пока их везут по океанам вокруг Африки. И вот подстрекатели говорят солдатам-индусам, что патроны смазаны коровьим жиром!

— И индусы отказываются их откусывать? — догадался помощник.

— Конечно. Ведь прикоснуться губами к коровьему жиру или мясу для индуса — страшный грех. А солдатам-мусульманам, которым их религия запрещает есть свинину, лгали, что смазка на патронах — это жир свиной. И вот все сипаи — и индусы и мусульмане — побросали ружья.

— А нельзя этих подстрекателей выловить?

— Одного из них, некоего Мангала Панди, наши расстреляли на месте. Но, как вы уже знаете, мы немного запоздали с подобными мерами... И все-таки надо следовать Роберту Клайву, его мудрость выручит нас, выручит непременно. Вы увидите сами.

Тантия Топи

К сожалению, комиссар Лоренс оказался прав.

Тантия Топи никогда не видел его. Но сейчас, сидя, скрестив ноги, на прелой соломе, заменявшей в одиночной камере постель, и пытаясь восстановить в памяти едва ли не каждый день восстания, он думал

именно о том, что прежде всего предательство и измена были причиной поражения.

В Индии живут разные народы, и все, как один, ненавидят пришельцев, которые явились, чтобы поработать, наживаться, грабить. Ненавидят. Это бесспорно. Иначе вряд ли можно было бы объяснить, почему люди, не жалея себя, рискуя не только своей собственной жизнью, но даже и жизнью своих детей, много дней и ночей, упорно и непреклонно готовили восстание. В полках сипаев были созданы тайные комитеты. Из города в город шли проповедники священной войны.

И вот восстание началось. Многие города были очищены от наглых захватчиков. Власть перешла в руки народа. В Аллахабаде был избран правителем школьный учитель Маулави Али, человек кристальной чистоты, мудрый и справедливый. Такие же правители появились и в других местах.

Вся центральная Индия оказалась в руках восставших. В том числе города Дели, Лакхнау, Канпур.

Но потом все пошло прахом. Английские отряды появлялись внезапно, заставая сипаев врасплох.

Один только он, Тантия Топи, не поддавался. Почти два года его отряд сражался, ускользая от врага с ловкостью ягуара и с яростью тигра нанося чужеземцам смертельные раны. Но вот и он, Тантия, сидит теперь в темнице. Завтра, 18 апреля 1859 года, еще до восхода солнца, на рассвете он будет повешен карателями.

И виною всему — измена. Ман Сингх.

Тот самый Ман Сингх, который совсем еще недавно клялся ему в верности и которого, казалось, просто невозможно заподозрить — он ведь так смело дрался с англичанами в предгорьях Гималаев, ведя свой маленький отряд потайными тропами.

Нет удара страшнее, чем удар в спину. От него не спрячешься никуда.

Если бы не Ман Сингх, Тантия Топи наверняка ушел бы от преследовавшего его врага в соседний Непал.

За два года жестоких сражений Тантия Топи совершил немало ошибок. Не ошибается только тот, кто ничего не делает. Например, надо было взорвать мост через Ганг, чтобы английский генерал Кэмпбелл не смог переправить через реку свою пехоту и артиллерию и захватить Канпур. Надо было не отсиживаться в крепостях, а, не жалея себя, громить врага. Надо было не позволять англичанам бить сипайские отряды поодиночке. Надо было и еще кое-что делать не так, как делал Тантия. Но самой роковой, смертельной ошибкой оказалось доверие Ман Сингху. Впрочем, Ман Сингх был не одинок. Как только восстание дало крен, предали свой народ и сдались на милость английской королеве Виктории, пообещавшей им прощение, многие князья и раджи. Для них точно так же, как для Ман Сингха, своя шкура оказалась дороже родины.

Разве можно было полагаться на таких людей?

Ведь без взаимной выручки в бою нет победы.

Что было бы, например, с красавицей Лакшми Бай, если бы он, Тантия Топи, не поспешил к ней на помощь, когда внезапно напал на ее отряд английский генерал Роуз? Она погибла бы. Лакшми Бай, о которой сам Роуз говорил: «Лучший и храбрейший из повстанческих вождей». Правда, позже она все равно погибла, эта бесстрашная двадцатилетняя девушка, гордость Индии. Но ее не удалось схватить и связать, как его, Тантию. Она погибла в открытом бою. А он... Он умрет на виселице. И все из-за проклятого Ман Сингха.

Так думал Тантия Топи в ночь перед казнью.

Но народный вождь был достаточно храбр, чтобы не показать палачам своего волнения. Он был спокоен перед казнью. Его взгляд был устремлен на вершины гор. О чем были его думы в эти горькие последние минуты? Быть может, о том, что Индия и ее народ так же непокорны, как эти высокие снежные горы?

Тантия был убит еще до восхода солнца.

ЭМИР РЕСПУБЛИКИ РИФ

Рифы. Так называется малый народ, живущий в североафриканской стране Марокко.

В свинцовый рудник загнали когда-то рифов захватившие их землю испанские колонизаторы. Но, гордые и воинственные, привыкшие больше к сабле, чем к кирке, а главное — к свободе, а не к рабству, еще в 1908 году восстали рифы, не убоившись ни плетей из верблюжьей кожи, ни пуль. С кинжалами в руках бросились они на своих поработителей. Изгнали наместника султана, продавшегося чужеземцам. Разгромили кирками рудник, а заодно и железнодорожную ветку, по которой добытый их потом и кровью свинец переправлялся в порт Мелилья, к Средиземному морю.

Для подавления восставших вызваны были испанские войска. Но справиться с рифами оказалось не так-то просто. С молниеносной быстротой создали они боевые отряды и дали пришельцам достойный отпор. Карательная экспедиция явно затягивалась. К концу 1909 года между Мелильей и горными убежищами рифов воевала уже целая испанская армия — пятьдесят тысяч солдат и офицеров. И только в 1910 году испанцам удалось одержать верх: у рифов не хватило сил, чтобы прогнать испанцев из одной части своей страны и французов — из другой; кроме того, рифские отряды сражались не вместе, а разрозненно, потому что не было у них вождя, который объединил бы племена.

И снова набросился спрут-колонизатор на свою жертву. И опять застонала марокканская земля.

Но вот пришел год 1921-й. К этому времени докатилось до Африки эхо Октябрьской революции в России, вдохновила добрая весть и притихших до поры до времени рифов. И внезапно на испанские

войска, что стояли в приморской части Марокко, из-за горного хребта Гуругу, которого испанцы так и не смогли преодолеть, обрушились рифы.

На этот раз были это уже не отдельные отряды, а хорошо организованное войско. Вел его талантливый военачальник Абд аль-Керим.

Был он тогда совсем еще молод, но отлично знал хищные повадки колонизаторов. В Мелилье окончил испанскую школу и был принят на службу в колониальную администрацию. Однако не хотел аль-Керим служить врагам своей родины. Он начал издавать газету, в которой призывал к борьбе. И обеспокоенные этим пришельцы заточили его в тюрьму.

Но разве удержат каменные стены молодого орла! Четыре года в крепости — целая вечность. Рискуя жизнью, бежал он из крепости в горы.

И вот нанес первый удар — разгромил испанскую армию. Захваченного им трофейного оружия хватило бы для вооружения огромного войска, а за пленных испанцев получили рифы выкуп — четыре миллиона песет.

В глубине гор провозгласили они свободное и независимое государство — Республику Риф. Эмиром новой республики стал Абд аль-Керим.

Независимое государство на территории колонии! Для колонизаторов это известие было подобно раскату грома. И не только для испанцев, но и для французов, которые терзали вторую половину Марокко.

В Марокко развернулась настоящая война, самая большая после

АБД АЛЬ-КЕРИМ

первой мировой. Против рифов брошены были все современные виды оружия, включая танки и авиацию. Несмотря на это, они наголову разбили еще одну испанскую армию. Тогда Испания заключила союз с Францией. И на Республику Риф напали французские войска. Теперь Абд аль-Кериму пришлось вести войну на два фронта.

Больше года Абд аль-Керим успешно отбивался от объединенных сил колонизаторов. Но силы были слишком неравны. Единственным оружием рифов было лишь то, которое они отбивали у врагов на поле брани.

И все же главный удар по Абд аль-Кериму был нанесен не испанцами и французами, а предателями из числа вождей многочисленных племен, разбросанных по территории Марокко, которые были недовольны его возвышением и считали, что образование Республики Риф ослабляет их власть над своими племенами. Пока Абд аль-Керим одерживал блестящие победы и под его командованием была сильная армия, эти вожди не решались выступить против него. Но едва под давлением объединенных франко-испанских сил Абд аль-Керим отступил, изменники поспешили вступить в тайный сговор с врагами собственного народа. В конце концов и под властью Франции или Испании вожди племен и феодалы могли нещадно грабить народ. И им гораздо труднее было это делать в Республике Риф, принявшей новые законы. В своей войне против колонизаторов Абд

аль-Керим больше опирался на народ, чем на всяких кайдов и шейхов¹. И вожди племен — один за другим — стали переходить на сторону испанцев и французов, заставляя свои отряды сражаться против Абд аль-Керима.

Однажды в мае 1926 года врагам удалось загнать Абд аль-Керима в горное ущелье. Уже не раз родные горы спасали его от преследователей. И на этот раз он со своими друзьями мог бы пробраться по ему одному известным тропкам через скалы и узкие расщелины в пустынные районы, недоступные для европейцев. Но изменники, еще незадолго до этого дня клявшиеся Абд аль-Кериму в верности, продали его голову.

Абд аль-Керим был окружен и схвачен. Колонизаторы, чтобы продемонстрировать последний раз свою военную мощь, сбросили с самолетов два десятка бомб на селение, где находился плененный аль-Керим. Он с презрением и едкой насмешкой сказал французским офицерам: «Я поражен, что самолет на этот раз убил мужчин. Обычно они убивают женщин. Ваша цивилизация — цивилизация огня. У вас большие бомбы, следовательно, вы цивилизованы. У меня только ружейные патроны, следовательно, я варвар».

Колонизаторы отправили Абд аль-Керима в вечную ссылку на остров Реюньон в Индийском океане. Там под охраной французских жандармов пробыл он двадцать один год!

За это время много воды утекло. Республика Риф перестала существовать сразу же после пленения аль-Керима. И Марокко снова попало под власть колонизаторов. Когда в 1936 году в Испании пришло к власти народно-республиканское правительство, именно Марокко было использовано фашистами-мятежниками как основная военная база.

Но вот окончилась вторая мировая война, окончилась полным разгромом фашизма. Во Франции появилось новое правительство. И только тогда участь теперь уже состарившегося аль-Керима была смягчена.

На французском пароходе он должен был переехать во Францию, чтобы спокойно дожить оставшиеся годы. Но и на этот раз, когда его возраст приближался к семидесяти годам, Абд аль-Керим не мог смириться с неволей. Когда пароход, на котором его везли, шел по Суэцкому каналу, он бежал в Порт-Саид и до конца дней своих боролся против колониального господства империалистических держав в Африке.

В первые годы после второй мировой войны империалисты еще надеялись сохранить свои африканские колонии. Правители Англии и США уже составили планы дележа бывших итальянских владений в Африке — Ливии, Эритреи и Итальянского Сомали. Но решающее слово осталось за народами этих стран. Абд аль-Керим был одним из

¹ К а и д ы и ш е й х и — вожди племен у арабов.

первых, кто открыто выступил против коварных планов империалистов.

Республика Риф существовала только шесть лет — с 1921 по 1926 год. Но она навсегда осталась в памяти свободолюбивого народа Марокко.

До сих пор рассказывают там, как целовали марокканцы стремяна плененного Абд аль-Керима. И побежденный, оставался он для них знаменем борьбы и грядущей победы.

ВЕЛИКАЯ ДУША

Выстрелы раздавались один за другим. Еще мгновение назад убийца склонился перед Махатмой Ганди, притворяясь, что по древнему индийскому обычаю хочет смахнуть пыль со стоптанных сандалий старца, который казался миллионам индийцев святым пророком. Теперь неизвестный стрелял в упор. Промаха быть не могло. Две пули поразили сердце, третья попала в живот. Белоснежный дхоти¹ стал алым от крови.

За несколько дней до этого Индия отметила первую годовщину своей независимости, завоеванной после двух с половиной столетий

¹ Д х о т и — легкая мужская одежда.

колониального рабства. И вот огромная толпа людей пришла, как обычно, в час заката к дому легендарного борца за свободу, чтобы вместе с ним проститься с солнцем, и в ужасе оцепенела.

Маленький и щуплый, вконец исхудавший после недельной голодовки, объявленной в знак протеста против братоубийственной индусско-мусульманской резни, семидесятивосьмилетний «отец нации» упал, едва успев издать предсмертный стон. Кровь Махатмы хлынула на землю. Ману и Авой, юные внуки Ганди, стоявшие рядом, побледнели и растерялись. Телохранители бросились на убийцу, но поздно: Ганди был мертв.

Никто не называл Ганди его настоящим именем — Мохандас Карамчанд. Народ прозвал его Махатма, что значит на языке хинди Великая Душа. Он был убит 30 января 1948 года в 17 часов 17 минут, при закате солнца, но на заре свободы, завоеванной народами Индии. На жизнь Ганди было совершенно не одно покушение. Только за десять дней до рокового дня какой-то мусульманин бросил в него бомбу, взрыв которой, однако, по воле случая никому не причинил вреда. Не раз жизнь Ганди висела на волоске и раньше, когда его сажали в тюрьмы английские власти, хозяйничавшие в Индии.

Чем был опасен Ганди англичанам-колонизаторам? Почему его ненавидели религиозные фанатики в самой Индии — и мусульмане и индуисты? Почему его горячо любил индийский народ, объединивший более шестисот различных национальностей, говорящих на разных языках? Как стал он Махатмой?

Мы расскажем все по порядку.

* * *

Маленький Мохандас Ганди мало отличался от своих сверстников. С семи лет он ходил в школу, ему не без труда далась таблица умножения, однако учиться ему очень нравилось. В детстве Ганди был робким мальчиком, он не любил шалостей, как другие ученики, зато рано подружился с книгой, и любовь к чтению осталась у него на всю жизнь.

В школе учились дети богатых родителей. В те времена в Индии даже начальное образование получали лишь очень немногие. Мохандас тоже мог учиться только потому, что его отец Каба Ганди занимал высокое положение — некоторое время он был премьер-министром в небольшом княжестве. Но отец Мохандаса не льстил капризному радже и английским чиновникам колониальной службы, а оставался правдивым, мужественным и великодушным человеком. Кругом царили обман и подкуп, но Каба был неподкупен и справедлив, и он пользовался всеобщим уважением. Мохандас горячо любил отца, всегда старался быть на него похожим. Примером для Мохандаса на всю жизнь была и его мать, женщина, всегда и неизменно верная своему слову.

В своих воспоминаниях о детстве Ганди рассказывал, как его мать

однажды дала обет не есть, пока не увидит солнца. «В такие дни мы, дети, не спускали глаз с неба, чтобы поскорее сообщить матери о появлении солнца. Всем известно, что в сезон дождей солнце очень часто совсем не показывается. Помню, как, бывало, мы мчались сломя голову, чтобы сообщить матери о его внезапном появлении. Она прибегала, чтобы взглянуть на небо, но солнце уже успевало скрыться, и мать снова лишалась возможности поесть. «Ничего,— бодро говорила она,— бог не пожелал, чтобы я сегодня ела». И возвращалась к делам».

Такая же непоколебимая верность своим принципам, которые он не нарушил бы даже под страхом смерти, отличала Мохандаса на протяжении всей его долгой жизни. Никогда — ни в детстве, ни в юности, ни в зрелые годы, ни в старости, ни разу, никому, ни при каких обстоятельствах не сказал он ни слова, ни полслова неправды, ни разу не солгал.

Когда Мохандасу Ганди шел двенадцатый год, он окончил начальную школу и стал учиться в средней. Шел первый год его учения в новой школе. Однажды во время экзамена в класс, где учился Ганди, пришел инспектор. Он решил сам проверить знания учеников. Инспектор диктовал трудные слова, а учитель ходил между рядами и, волнуясь, заглядывал в тетради учеников. Как хотелось ему, чтобы ученики блеснули перед инспектором своими знаниями! Вдруг он увидел, что Мохандас Ганди сделал ошибку в слове «котел». Что делать? У соседа по парте слово это написано было правильно. Учитель подошел поближе к Мохандасу и легонько толкнул его ногой, стараясь незаметно от инспектора ему подсказать. «Спиши слово «котел» у соседа», — шепнул учитель. Но Мохандас не мог позволить себе пойти на обман. При проверке оказалось, что все ученики написали диктант правильно: ведь им помогал сам учитель. И только у одного Мохандаса была ошибка.

После экзамена учитель пытался доказать своему ученику, что тот сделал глупость, не воспользовавшись подсказкой. Но упрямый ученик твердо стоял на своем. Так за всю жизнь он не смог постичь «искусство» обмана человека человеком.

«Я знаю, как нам избавиться от английского господства, — сказал как-то Мохандасу один из его школьных друзей. — Вся наша беда в том, что мы не едим мяса. Из-за этого мы — слабый народ. Англичане питаются мясом, потому и командуют нами. Начни есть мясо, и сам увидишь, каким станешь сильным».

Мохандас задумался. Он боялся ночью выходить из дома, страшился темноты. Его постоянно мучали кошмары. В темноте ему казалось, что с одной стороны к нему подкрадываются привидения, с другой стороны — воры, а с третьей — змеи. Ему было стыдно, он был недоволен собой, считая себя трусом. Но спал он всегда при свете. А больше всего его мучала собственная физическая слабость. Он не мог терпеть, когда сильный издевался над слабым. Между тем все, что он видел вокруг себя, было как раз торжеством грубой силы.

И воплощением ее были поработившие его родину английские колонизаторы.

Доводы друга произвели на Мохандаса большое впечатление. Ему стало казаться, что мясо сделает его сильным и смелым, а если все индусы, которым религия запрещает есть мясо, откажутся от этого запрета, то все вместе они смогут одолеть англичан. «Надо провести реформу еды, — решил Мохандас. — Только таким путем народ сможет обрести силу и завоевать свободу».

Однако «реформа» оказалась труднее, чем предполагал беспокойный мальчик. Ведь он был воспитан в традициях вишнуизма¹, запрещавшего мясную пищу. Мохандас был очень предан родителям и понимал, что они будут глубоко потрясены, если узнают, что их сын ел мясо. Но мечта о свободе для своего народа была сильнее всего.

И вот решительный день настал. Мохандас и его друг нашли укромный уголок на берегу реки, развернули принесенные свертки. В одном был хлеб, в другом — немного жареной козлятины. Сгорая от стыда из-за того, что он тайком, как вор, нарушает законы своей семьи, своей касты, но одержимый страстным желанием стать сильным, сделать сильным весь свой народ и освободить родную страну, Мохандас впервые в жизни взял в рот кусок мяса.

¹ Вишнуизм — индуистское религиозно-философское учение (по имени бога Вишну).

Козлятина попалась жесткая, как подошва. Мохандас не мог прожевать ее. И вынужден был на этот раз отказаться от своего намерения.

Ночью одолевали его кошмары. Едва он засыпал, как начинало казаться, что в желудке блеет живая коза. Он вскакивал с постели, мучимый угрызениями совести. И снова мысль о том, что он исполняет свой долг перед народом, привела его в чувство.

И все с большим упорством Мохандас ел мясо.

Но вот уже целый год продолжалась его личная «реформа», а результатов еще не было. К тому же мясные блюда стоили дорого, а денег у молодого Мохандаса не было. В конце концов он понял, что даже если сможет личным примером показать народу полезность мясных блюд, никакой реформы все равно не получится, потому что у народа нет денег на мясо. А значит, надо искать совсем иные пути освобождения. Тем паче, что для него поедание мяса было связано с обманом, который всегда был ему противен и гадок.

Он сказал себе: «Хотя есть мясо, конечно, нужно и провести в нашей стране реформу питания необходимо, все же лгать еще хуже, чем не есть мяса». И он принял твердое решение не прикасаться больше к мясу до тех пор, пока не станет оно доступным для всего народа.

О своем решении Мохандас сообщил другу и с тех пор до самой своей смерти ни разу не нарушил своего обета. Даже тогда, когда много лет спустя, после изнурительной болезни он ослабел и врач советовал ему пить мясной бульон, Ганди ответил: «Умру, но слова не нарушу».

* * *

1921 год. Мохандас стал уже Махатмой — Великой Душой — и признанным лидером Индийского национального конгресса — партии, в то время возглавлявшей народную борьбу за освобождение. Английские колонизаторы вынуждены идти на уступки. У Ганди — новая идея. Он призывает к бойкоту английских товаров. «Покупайте только то, что сделано в Индии, — призывает Ганди. — Каждый метр английской ткани, проданной в Индии, приносит прибыль заморским фабрикантам. Если бы Индия пресекла это выкачивание средств, она добилась бы независимости, а ее народ избавился бы от нищеты». Но чем же заменить ткани, ввозимые из Англии? И Ганди объяснял: «Индия сумеет производить необходимые ей ткани, если немного поработают наши дети. Идет война за свободу. Так превратим же на время этой войны все школы и колледжи в фабрики, которые дадут ткани народу. Пусть школьники научатся прясть вручную. Ни одна мать, ни один отец, достойные имени родителей, не откажутся носить одежду из ткани, изготовленной их детьми».

Это говорил Ганди, и, как всегда, слово его оказалось делом, и он первым подал пример, заявив, что отныне будет одеваться только в ткани, которые сделает сам.

Нелегко было раздобыть ручные ткацкие станки, еще труднее было найти людей, которые могли бы посвятить Ганди и его сподвижников в тайны уже забытого народного ремесла. Для ручных ткацких станков надо было изготовить пряжу, а ручные прядки и веретена к ним можно было найти разве что в музеях. Даже когда в организованной Ганди трудовой общине появилась прядка, ни сам Ганди, ни другие члены общины не знали, как к ней подступиться. А прядка нашлась где-то в дальнем княжестве, где она сохранилась лишь потому, что когда-то ее забросили на чердак как бесполезный хлам и забыли о ней. Узнав о планах Ганди, местные жители этого княжества с готовностью взялись за прядение, которым занимались когда-то их бабушки, и вскоре в общину Ганди стала поступать пряжа в таком количестве, что там не знали, куда ее девать. Прядка весело зажужжала и в комнате Ганди. Он был болен в это время, но говорил, что прядка немало способствовала восстановлению его здоровья.

И вот уже сшиты первые дхоти из грубой ткани, изготовленной собственными руками Ганди и его друзей. С тех пор Махатма не носил никакой другой одежды, и такой же домотканый дхоти пронзили пули его убийцы. В ней же и был он кремирован во время традиционного обряда похорон в Дели, на берегу реки Джамна, где прощались с Великой Душой тысячи и тысячи граждан молодой независимой Индии...

А в наши дни ткани ручного производства, сделанные золотыми руками индийских искусников, восхищают иностранцев, посещающих Индию. Несмотря на их более высокую стоимость, они быстро раскупаются, их производство играет немалую роль в национальном хозяйстве страны.

Конечно, возрождение ручной прядки и ручного ткацкого станка, которыми Ганди надеялся заменить современную промышленность, не могло стать основой экономики Индии. Этой стране, как и всем другим освободившимся странам, нужны были еще и фабрики и заводы, электростанции и современные дороги. И в Индии есть сейчас все это. И есть сотни текстильных фабрик, которые выпускают прекрасные ткани не только для индийского населения, но и на продажу во многие другие страны мира. Теперь и в наших магазинах появляются костюмы, брюки, рубашки и платья, сшитые из индийских тканей. А в торговле Индии с Англией больше индийских тканей идет в Англию, чем английских — в Индию. Но до сих пор единственным источником жизни для многих людей в Индии служит ручной труд при помощи унаследованных от далекого прошлого старинных инструментов.

* * *

Великая Душа никогда не сидел сложа руки. «Ганди — олицетворенная энергия и деятельность, он не теряет времени попусту; он не только действует сам, но и заставляет действовать других», —

писал о нем его друг Джавахарлал Неру, первый премьер-министр независимой Индии. Все те, кто боролись за освобождение Индии, признавали Ганди своим вождем.

Ганди ненавидел насилие. Но жил он одной мечтой — освободить родину от поработителей. Ясно, что без насилия прогнать англичан из их самой богатой колонии, которую недаром называли «жемчужной британской короны», было невозможно. Вот почему индийский народ никогда не стал бы свободным, если бы оставался покорным и не боролся за свое освобождение.

Всю свою жизнь разговаривал Ганди со своим народом. Он неутомимо ездил по Индии, в больших городах и маленьких деревнях призывал народ объединиться для избавления от британского господства. Чтобы поднять свою страну на восстание против английских правителей, но на восстание мирное, невооруженное. Невооруженное восстание, поднятое Ганди, продолжалось не одно десятилетие. По призыву Великой Души все больше людей отказывалось подчиняться английским властям. Ничто не могло сломить неповиновение народа колонизаторам — ни тюрьмы, ни неслыханная жестокость английских войск.

В ответ на объявленный по всей стране «хартал» — День всеобщей забастовки — генерал Дайер приказал открыть ружейный огонь по загнанной в закрытое помещение безоружной толпе. Так в городе Амритсаре было убито около четырехсот человек и втрое больше раненых людей было оставлено без всякой медицинской помощи. За это генерал-убийца был «премирован» двадцатью тысячами фунтов стерлингов.

Ганди и еще тридцать тысяч борцов за независимость Индии были брошены в тюрьму.

Но народ не испугался. Когда в Индию прибыл наследник английского престола принц Уэльский, он увидел: всеобщая забастовка не только не прекратилась, но вспыхнула с новой силой.

«Не платить налогов англичанам, — бесстрашно призывал Ганди, — все время нарушать английские законы, не покупать английские товары, вести себя так, как если бы в Индии не было англичан с их законами, правилами и солдатами, самим определять свои действия».

Едва выйдя на волю, он объявил бойкот английскому налогу и английской монополии на соль. И опять-таки первым показал личный пример. Вместе со своими последователями Ганди отправился пешком на берег моря, чтобы собственными руками добывать соль для народа. Три недели он демонстративно нарушал «соляной закон». «Пусть каждая деревня достает или производит соль контрабандой, пусть женщины поставят пикеты у винных магазинов, курилен опiums и магазинов с иностранными товарами. Пусть и стар и мал в каждом доме усиленно работает, прядет и производит каждый день побольше пряжи. Иностранные ткани — сжигайте!»

Голос Ганди звучал набатом.

Снова по приказу английских генералов стреляли солдаты в индийский народ. Но справиться с ним становилось все труднее. Так, город Пешавар находился в руках восставших больше недели — до тех пор, пока британские войска, усиленные авиацией, не взяли его штурмом.

Ганди был вновь арестован. В ответ на его арест по всей Индии прокатилась волна стачек и забастовок. А в промышленном городе Шолапуре рабочие-текстильщики захватили власть в свои руки и удерживали ее также целую неделю, распустив полицию и назначив свою собственную администрацию. В тюрьмы было брошено уже девяносто тысяч участников движения за независимость. Однако волна народного возмущения вынудила английского вице-короля Индии Ирвина выпустить из тюрьмы Ганди и всех других руководителей Конгресса.

Еще не раз и не два английские власти сажали Махатму Ганди в тюрьму, пока наконец 15 августа 1947 года над воротами Красного форта в Дели не взвился национальный флаг свободной Индии, заменив собой английский флаг, давным-давно водруженный там завоевателями.

* * *

Ганди считал себя учеником великого русского писателя Льва Николаевича Толстого. Он писал Толстому письма, спрашивал его совета. После смерти Льва Николаевича Ганди основал небольшой

союз людей, которые решили строить свою жизнь «по Толстому». В это время Ганди жил в Южной Африке, где обосновалось довольно много индийских эмигрантов, которых тамошние власти держали на положении людей второго сорта и подвергали унижениям.

Члены союза Ганди поселились недалеко от Йоганнесбурга. Они назвали свой поселок Фермой Толстого и жили одной большой семьей, коммуной, и главой этой семьи считался Ганди.

На Ферме Толстого не было слуг. Все работы выполняли и взрослые и дети. Ганди высоко ценил физический труд. Он с одинаковым уважением относился к труду дворника и писателя, сапожника и ученого.

Уже став признанным народным вождем и получив почетное звание Махатмы, он нередко брал в руки метлу и сметал с улиц нечистоты, чтобы предотвратить распространение болезней.

Труд с утра до вечера был главным занятием жителей Фермы Толстого. Работали сообща, и никто не осмеливался лениться, видя перед собой пример такого неутомимого и добросовестного работника, каким был Ганди.

Ганди много внимания уделял детям. Школы близко не было, и он решил создать собственную школу. Здесь стал он первым учителем. Это была необычная школа. В ней учили не только читать, писать и считать, но и ремеслу — сапожному, плотничьему. Ганди воспитывал детей людьми правдивыми, верными своему долгу. Он хотел, чтобы его ученики могли сами отличать хорошее от плохого, чтобы они могли противостоять лжи, которую сам он ненавидел больше всего на свете.

Великая Душа собрал вокруг себя людей разных национальностей: Индия — страна, в которой их более шестисот. Захватившие Индию англичане натравливали людей разных национальностей и верований друг на друга. Ведь главный принцип колонизаторов всегда один и тот же: «Разделяй и властвуй». Для свержения власти завоевателей надо было покончить с национальной враждой, объединить все народы и людей, поклоняющихся разным богам, в дружеский союз, способный победить общего врага. Ферма Толстого была первым опытом такого объединения. Индусы, мусульмане и христиане работали вместе. Вместе праздновали памятные дни каждой нации. Глубоко и сердечно уважали друг друга. Самым большим уважением пользовался Ганди, их учитель. То, что он требовал от учеников, он непременно делал сам, утверждая: «Учитель своим образом жизни может воздействовать на дух учеников, даже если живет за несколько миль от них. Будь я лжецом, все мои попытки научить мальчиков говорить правду потерпели бы крах. Трусливый учитель никогда не сделает своих учеников храбрыми». Воспитывать собравшихся на Ферме Толстого детей было для Ганди делом нелегким. Он ведь не был профессиональным учителем.

Уже в старости вспоминал он такой случай, запомнившийся ему на всю жизнь: «Один из юношей был крайне несдержан, непослушен,

лжив и задирист. Однажды он разошелся сверх всякой меры. Я был весьма раздражен. Я никогда не наказывал учеников, но на этот раз сильно рассердился. Я пытался как-то урезонить его. Но он не слушался и даже пытался мне перечить. В конце концов, схватив попавшуюся мне под руку линейку, я ударил его по руке. Я весь дрожал, когда бил его. Он заметил это. Для всех детей такое мое поведение было совершенно необычным. Юноша заплакал и стал просить прощения. Но плакал он не от боли. Он понял, как я страдаю от того, что пришлось прибегнуть к насилию. После этого случая мальчик никогда больше не смел послушаться меня».

Многие из учеников Ганди с Фермы Толстого стали впоследствии верными борцами за освобождение народов, поработанных колонизаторами.

* * *

Много поколений сменилось в Индии, прежде чем народы огромной страны добились своего освобождения. И произошло это вскоре после победы Советского Союза над фашизмом в Великой Отечественной войне. После 9 мая 1945 года мир стал иным. Теперь ничто уже не могло сдерживать стремление поработанных народов к свободе.

Последним вице-королем Индии был назначен лорд Маунтбеттен. Но ему так и не пришлось управлять «жемчужиной британской короны» от имени английского короля. Он прибыл в Индию в марте 1947 года вовсе не для того, чтобы помогать заморским подданным Англии оправиться от величайших бедствий войны.

Этот лорд с великолепными манерами, внешне державшийся утонченным джентльменом и расточавший дипломатические улыбки, на самом деле был таким же бессовестным грабителем и мошенником, как все другие колонизаторы.

Во время войны с фашистской Германией и милитаристской Японией индийские солдаты, не жалея крови и жизни, дрались за интересы Великобритании, отбивая от ее врагов захваченные ими колонии в Азии и Африке.

И что же, достойный благородный джентльмен сэр Маунтбеттен испытывал чувство благодарности к этим воинам? Уважение к стране, которая посылала их в бой? Ничего подобного!

Он прибыл вовсе не для того, чтобы возлагать венки, раздавать награды и кланяться героям. Он явился в Индию, чтобы воспрепятствовать освобождению народа этой страны.

Явился крадучись, боясь показаться народу. Никаких пышных и торжественных церемоний встречи, как это бывало в прошлом, на этот раз никто не устраивал.

Лорд и его свита были посланы в Индию правителями Англии как пожарная команда — тушить бушевавшее над страной пламя народной борьбы. В лоснящемся новеньком портфеле Маунтбеттена лежал план преобразования непокорной колонии.

— Нам нельзя терять времени,— говорил вице-король своим помощникам.

— Индия — это корабль с порохом в трюме, охваченный пожаром среди океана,— сказал начальник штаба.— Главное — это погасить пожар, прежде чем огонь доберется до пороха.

— Нам надо иметь не меньше пятисот тысяч солдат, чтобы справиться с этими туземцами,— озадаченно произнес один из помощников.— Но где их взять?

— Индийская армия,— добавил второй,— против нас. Вспомните, что произошло здесь в прошлом году. Восстали матросы, и к ним присоединились матросы военных училищ. С мачт почти всех кораблей были спущены английские флаги и вместо них подняты индийские. Нелегко было подавить этих смутьянов.

— Пришло время изложить вам мой план,— хитро усмехнувшись, изрек вице-король.— Индия хочет свободы. Что ж, мы дадим ей свободу, но такую, что сама она будет просить нас ее защитить. Для этого прежде всего надо отделить Индию от Цейлона и Бирмы. Так нам легче будет держать под своим контролем все эти земли. Затем пусть вместо единой Индии будут два государства — одно с индусской религией, а другое — с мусульманской. Что стоит натравить индусов на мусульман! Пусть они режут друг друга, а мы снова явимся к ним, теперь уже как спасители. Индию, то есть то, что останется от нее, мы тоже разделим на множество враждующих между собой кусков — больших и малых княжеств. Шестьсот раджей и махараджей, князей и князьков будут полновластными хозяевами в своих вотчинах, будут бросаться друг на друга, как собаки, и, конечно же, постоянно сопротивляться всем начинаниям центрального правительства. В каждом княжестве — свои обычаи и законы, своя армия. «Разделяй и властвуй!» Еще древние римляне хорошо понимали это. Раздробленная Индия не будет полностью оставлена нами. Она станет доминионом и останется частью Британской империи, которая будет называться теперь не империей, а Британским Содружеством Наций. Командные посты в армиях Индии и Пакистана будут по-прежнему занимать английские офицеры и генералы.

— Но согласятся ли руководители Индии на такой план? — воскликнули помощники вице-короля.— Это невероятно!

— Конечно, нам придется пойти на кое-какие уступки. Мы уже выпустили из тюрьмы некоторых национальных деятелей, в том числе Неру, хотя это один из самых опасных для нас людей. Нам пришлось отправлять его в тюрьму девять раз, но он не поддавался. Теперь мы продержали его в тюрьме три года, но ситуация такова, что именно с ним нам придется иметь дело. Стало ясно, что он будет первым премьер-министром Индии, если мой план будет принят...

Прошло пять месяцев после этого «задушевного» разговора. Вечером 14 августа 1947 года английский флаг, который в течение двух столетий развевался над башней у главных ворот Красного форта в Дели, был спущен. На рассвете 15 августа Джавахарлал Неру

торжественно поднял вместо него оранжево-бело-зеленый флаг Индии. Три миллиона человек — людское море, до краев заполнившее пространство между высокими стенами Красного форта и жилыми кварталами Старого Дели, было охвачено долгожданной, но преждевременной радостью.

Лорд Маунтбеттен сложил с себя полномочия вице-короля и произносил по этому поводу высокопарные слова. Но в Англию вернуться не спешил. Он превратился в генерал-губернатора, представлявшего английского короля, который остался главой Индийского государства, несмотря на то что оно стало называться доминионом, то есть формально самостоятельным членом Британского Содружества Наций.

Страшное наследство оставили английские колонизаторы. Хозяйственная разруха, всеобщее разорение, политическая раздробленность страны ставили первое правительство Индии в особенно тяжелое положение. А тут еще Маунтбеттен через месяц после провозглашения независимости Индии и Пакистана спровоцировал конфликт между этими молодыми государствами, которые совсем недавно были частями одной и той же английской колонии... Большие территории, население которых было смешанным, и где индусы и мусульмане жили бок о бок, на одних улицах и в одних домах, стали спорными. Вчерашние соседи и друзья стали лютыми недругами. Было сделано все, чтобы новоявленные враги никак не смогли договориться.

Самыми спорными территориями было княжество Кашмир на

западе Индии и населенный бенгальцами Восточный Пакистан. Хитрый и коварный Маунтбеттен плел сложную интригу, чтобы княжество Кашмир, в котором жило много индусов, отошло к Пакистану. Он усиленно разжигал вражду между мусульманами и индусами. Этот провокатор хотел довести дело до широкой братоубийственной войны, чтобы английские войска могли вернуться в Индию. Казалось, ничто и никто не в силах спасти индийский народ.

Однако в сентябре 1947 года в Кашмир приехал Ганди. Он сумел сорвать планы Маунтбеттена. Кашмирский князь согласился подписать мирный договор. Тогда Маунтбеттен натравил на Кашмир вооруженные отряды нескольких племен, и война между Индией и Пакистаном началась.

И — как это ни странно! — главнокомандующим обеих враждующих и воюющих армий был один и тот же человек — английский генерал Окинлек, как бы олицетворявший натравливание колонизаторами одной стороны на другую.

Колонизаторы потирали руки: в Пакистане мусульмане стали убивать индусов, а в Индии индусы — мусульман.

Ганди, который на протяжении всей своей жизни старался добиться дружбы народов, был готов отдать свою жизнь, лишь бы прекратить индусско-мусульманскую резню. Он встал на пути лавины, стараясь своим хрупким старческим телом удержать миллионы и миллионы людей, сорвавшихся в панике со своих родных мест, чтобы спастись от глупой случайной смерти.

12 января 1948 года Махатма Ганди объявил голодовку. Он заявил, что не будет ни есть, ни пить, пока не прекратится братоубийственная война в Пакистане и Индии. Весь мир с заганенным дыханием следил за здоровьем Великой Души. Никто не сомневался в том, что в свои семьдесят восемь лет Ганди не выдержит голодовки и умрет в первые же дни. Однако столь велико было обаяние личности Ганди в обеих частях разделенной Индии, что страсти стали постепенно утихать, и через неделю представители обеих враждующих сторон в присутствии Ганди подписали соглашение о перемирии. Ганди победил и на этот раз.

Министр иностранных дел Пакистана с радостью воскликнул: «Ганди добился победы. Наступило время дружбы и мира между двумя странами. На субконтиненте обеспечено спокойствие!»

Это никак не устраивало ни правителей Англии, ни их сообщников в самой Индии. Ганди стоял на пути осуществления их планов.

И он был убит.

«ГОД АФРИКИ»

1 октября 1960 года. Огромный ипподром в столице Нигерии городе Лагосе заполнен народом. Тысячи и тысячи людей съехались со всех концов этой большой африканской страны. Каждому хочется

увидеть своими глазами, как будут навечно спускать ненавистный английский флаг, который так надоел нескольким поколениям нигерийцев за целое столетие, пока Нигерия была колонией Англии.

Вечер. Церемония смены флагов начинается. Мощные прожекторы освещают английский флаг. Красно-белые кресты — прямой и косой на синем фоне, сверкают в серебряных лучах. Раздаются звуки английского гимна, и под слова «Боже, храни королеву!» английский флаг медленно ползет по мачте вниз. Гаснут прожекторы, и над многотысячной толпой воцаряется непроглядная тропическая темнота. И — тишина. Кажется, люди затаили дыхание. И тут возникают новые звуки — африканская мелодия в исполнении оркестра. Впервые слышат нигерийцы свой собственный гимн. Снова вспыхнули прожекторы и осветили флаг независимой Нигерии — зеленые полосы по краям, белая посередине. Восторженные крики народа заглушили музыку.

Как и к другим развивающимся странам, свобода пришла к Нигерии не сама. Долго старались англичане удержать свою власть над этой богатой колонией. Не обходилось без применения силы. В июне 1947 года переполнилась чаша терпения у рабочих-нигерийцев в маленьком городе Буруту. Английская Объединенная африканская компания приносила большие прибыли своим владельцам, а рабочим платила жалкие гроши. «Мы ничего не добьемся, если будем сидеть сложа руки, — говорили между собой рабочие, — пришло время действовать».

Утром никто из них не вышел на работу. К управляющим компании пришла делегация бастующих и потребовала повысить заработную плату.

Управляющие срочно связались по телеграфу с главной конторой компании в Лондоне. Они понимали, что незначительное повышение платы успокоит рабочих, а на прибылях компании отразится мало.

Лондон ответил резко и однозначно: «Никаких уступок! Воспользуйтесь забастовкой, чтобы проучить туземцев. Действуйте решительно. Правительство дало указание колониальной полиции силой оружия навести порядок».

И управляющие тут же уволили всех рабочих и служащих, которые посмели участвовать в забастовке.

Узнав об этом, рабочие и служащие собрались перед закрытой дверью конторы. Они хотели, чтобы директор выслушал их, но были встречены пулями. Полицейские стреляли в безоружных людей.

Залпы в Буруту должны были показать твердость колониальной власти, надолго утихомирить рабочих, которые были главной силой, стремившейся к независимости своей родины.

А два года спустя полиция стреляла в бастовавших шахтеров в Энугу. Было убито восемнадцать и ранено тридцать рабочих.

Лиха беда начало... Теперь полиция открывала огонь по любой толпе нигерийцев.

Между тем в Лагосе, в своем роскошном дворце, плел интриги английский губернатор.

По его приглашению во дворец один за другим приезжали султаны и эмиры всех нигерийских княжеств. В свое время английские завоеватели выдавали этим крупным и мелким феодалам особые грамоты, в которых за ними закреплялась власть над разными территориями. Каждому из них обещал губернатор поддержку на случай непокорности строптивых подданных, защиту от соседних султанов и эмиров, которые всегда были не прочь увеличить свой надел и вообще поживиться за счет других.

«Если англичане уйдут из Нигерии,— говорили эти ставленники колонизаторов,— нам самим не удержать народ в повиновении».

«Чем глубже Нигерия будет разделена между враждующими княжествами, тем труднее будет договориться туземцам о единстве действий против нас»,— доносил губернатор в Лондон. И предложил план деления Нигерии на три самостоятельных автономных района — Северный, Западный и Восточный, каждый со своим собственным правительством.

Эмиры и султаны Северной Нигерии сразу заявили, что не желают для своей страны никакой независимости. Казалось, план англичан удался. В Нигерии около двухсот пятидесяти разных племен. У каждого племени — свои вожди, свои обычаи, свой язык. Натравить народность ибо на йорубов, а самим выступать в роли арбитров — такая политика англичан действительно оттягивала провозглашение независимости Нигерии. Так продолжалось до 1960 года, когда англичанам наконец пришлось признать самостоятельность Нигерии. Они сделали все, чтобы эта самостоятельность была лишь формальной и показной. Ведь разделение Нигерии на три автономные провинции осталось. Между этими провинциями усиливалось разожженное губернатором соперничество. За английскими компаниями остались все их плантации, рудники, фабрики.

Несколько лет независимая Нигерия мало отличалась от колонии.

Но народ не успокаивался. Он хотел не формальной, а настоящей независимости. И в 1966 году навязанное ему англичанами правительство было свергнуто. Бесконтрольному хозяйничанию англичан в Нигерии пришел конец. Это не на шутку встревожило колонизаторов. Снова было пущено в ход испытанное средство — интриги и натравливание одних племен на другие. Окончательно расколоть Нигерию на части — в этом состоял новый коварный план империалистов по отношению к стране, которая уже не была их колонией. И в Нигерии началась страшная резня.

Народность ибо — одна из наиболее крупных в Нигерии. Люди этой народности встречаются во всех провинциях — и в Северной и в Западной, хотя больше всего их — в Восточной.

Неожиданно людей этой народности стали убивать и в Северной и в Западной провинциях. Началась паника. Ибо стали покидать свои дома, спасаясь бегством. Старики, женщины и дети толпами убегали

из деревень и городов в леса, тайком пробирались в Восточную провинцию, где в отместку за убийства своих одноплеменников ибо стали убивать людей тех народностей, которые преобладали в Северной и Западной провинциях.

Целых два миллиона человек в панике бежало в Восточную провинцию! Можно представить себе, как это нарушило нормальную жизнь всей страны.

А в это время правитель Восточной провинции, сам из народности ибо, при тайной поддержке англичан заявил: «Восточная провинция выходит из состава Нигерии и будет отныне самостоятельным государством Биафра».

Разгорелась кровопролитная гражданская война. Она продолжалась два с половиной года и унесла миллион жизней.

Так пришлось расплачиваться народу Нигерии за свою независимость.

И только с 1970 года началось действительное развитие независимой Нигерии. Богатства страны стали служить народу. Но добратья до этих богатств без современной техники, без знающих и умелых специалистов было нелегко. Нигерийцы пригласили советских инженеров. С их помощью Нигерия вышла на одно из первых мест в мире по добыче нефти.

До сих пор кажется, что в нигерийской деревне остановилось время. Глинобитные хижины без электричества, самая примитивная мотыга для обработки полей — все так же, как сотни лет назад, как в колониальные времена.

Но уже приняты новые планы, уже заключено соглашение с Советским Союзом о строительстве в Нигерии крупного металлургического комплекса, оснащенного самым современным оборудованием.

Не колониальные фабрики, плантации и рудники, а новая промышленность, принадлежащая государству, — вот что все больше определяет теперь лицо самостоятельной Нигерии.

Нигерия — одно из семнадцати молодых государств, которые в 1960 году появились в Африке на месте бывших колоний. Вот остальные шестнадцать: Берег Слоновой Кости, Верхняя Вольта, Габон, Дагомея (с 1975 года — Народная Республика Бенин), Республика Конго (бывшая бельгийская колония, с 1971 года — Республика Заир), Камерун, Народная Республика Конго (бывшая французская колония), Мавритания, Малагасийская Республика (с 1975 года — Демократическая Республика Мадагаскар), Мали, Нигер, Сенегал, Сомали, Того, Центрально-Африканская Республика (с 1976 года — Центрально-Африканская империя), Чад.

Вот каким знаменательным стал для Африки год 1960-й!

Поэтому и вошел он в историю как «Год Африки».

Больше всего среди перечисленных государств было колоний Франции, которые эта держава не смогла удержать потому, что все свои силы бросила на войну против Алжира, поднявшегося на освободительную борьбу. Около миллиона алжирцев погибло в этой войне. Но и Алжир, который был самой старой французской колонией в Африке, стал в 1962 году независимым государством.

Незадолго до этого французским колонизаторам пришлось убраться и из Индокитая. Там они тоже потерпели военное поражение. И там тоже лилась кровь народа, боровшегося за свое освобождение.

Вся новейшая история Азии, Африки и Латинской Америки — свидетельство того, что невозможно завоевать свободу без жертв.

В первые же годы после разгрома фашизма во второй мировой войне стали свободными народы наиболее крупных и богатых природными ресурсами европейских колоний в Азии. И империалисты бросили все свои силы в Африку, чтобы любой ценой удержаться хоть там.

В своей жестокости они превзошли завоевателей прошлого.

Когда в 1947 году народ французской колонии Мадагаскар заявил о своем стремлении к независимости, каратели убили там около ста тысяч человек.

Через несколько лет такую же зверскую расправу устроили английские каратели в своей колонии Кении, потопив в крови готовившееся восстание патриотов.

В 1950 году вся Африка была еще разделена на колонии европейских держав. Только крошечная республика Либерия на западном

берегу считалась независимым государством, да в Эфиопию после изгнания захватившей страну итальянской армии возвратился ее император.

Но вот в конце 1951 года добилась независимости Ливия — бывшая колония Италии. Этим было положено начало освобождения всей Африки. В 1956 году самостоятельными стали Марокко, Тунис, Судан. В 1957 году на месте английской колонии Золотой Берег образовалось молодое государство Гана. В следующем году на месте французской колонии, из которой европейцы когда-то вывозили негров-рабов, появилась свободная Гвинейская Республика.

Потом — «Год Африки». Но о нем мы уже говорили...

КРОВЬ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ

В вестибюле гостиницы «Россия» в Москве оживленно беседуют молодой врач из Африки и молодая учительница из Бирмы. Родина врача недавно освободилась от французских, а родина учительницы — от английских колонизаторов. Как же нашли эти люди общий язык? Какой именно язык стал для них языком взаимопонимания? Прислушаемся. Вот оно что! Оказывается, они говорят по-русски! Где же овладели эти люди нашим языком? В Москве, учась в Университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы, который создан в 1960 году по решению Советского правительства, чтобы готовить квалифицированных специалистов для молодых государств. Это был гуманный акт нашей страны, всегда готовой помочь любому народу, нуждающемуся в помощи.

А почему Университет дружбы был назван именем Лумумбы? Кто он, человек, памяти которого оказана такая высокая честь?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо вернуться в тот же 1960 год, вошедший в историю как «Год Африки». Среди семнадцати африканских государств, появившихся тогда на карте мира на месте бывших европейских колоний, была и самая крупная по территории страна континента — Конго. Сейчас она называется Республикой Заир, а во времена колонизаторов это было Бельгийское Конго — огромная земля, занимающая всю центральную часть материка.

30 июня 1960 года в присутствии бельгийского короля Бодуэна столица страны город Леопольдвиль¹ торжественно праздновал первый день независимости. В огромном здании, построенном когда-то пришельцами для своих чиновников и превращенном теперь во Дворец Нации, впервые собрался парламент только что родившегося независимого государства.

Первым говорит бельгийский король. По его словам, именно Бель-

¹ Так именовали город колонизаторы — в честь бельгийского короля Леопольда II, захватившего Конго в XIX веке. Теперь городу возвращено его старинное африканское название Киншаса.

гия привела дикие африканские племена, населявшие Конго, к современной цивилизации, а теперь благосклонно передает всю власть африканскому народу.

Но вот встает первый премьер-министр нового государства, человек с умным лицом, с бородкой, в очках. Патрис Лумумба. Его взволнованная речь напоминает о рабском труде конголезцев ради прибылей бельгийских колонизаторов, о казнях борцов за свободу, о тех высоких целях, которые поставил перед собой народ, добившийся наконец освобождения.

Оскорбленный король Бодуэн резко поднимается со своего красного кресла и демонстративно выходит из зала. Бельгийские офицеры требуют от молодого премьера извинений — «сейчас же и в надлежащей форме».

А зал долго аплодирует Лумумбе. Время колонизаторов безвозвратно ушло в прошлое...

Но не прошло и двух недель после того, как конголезский народ отпраздновал свою независимость, и над городами Конго снова появились бельгийские военные самолеты. Бельгийские парашютисты захватили столицу. И опять появились на улицах конголезских городов бельгийские патрули и прямо на мостовых — трупы африканцев, на стенах домов — пулевые отметины.

Главные богатства Конго — самые большие залежи меди — сконцентрированы в небольшой юго-восточной провинции Катанге. Там же сосредоточены наиболее крупные вложения капиталов бельгийских и других капиталистов.

В Катанге бельгийский парашютный десант высадился в первую очередь.

И вот изменивший своей родине политический противник Лумумбы Моиз Чомбе объявляет Катангу независимым государством, а себя провозглашает президентом. Этот предатель чеканит монеты второго на территории Конго «государства», поднимает его «национальный флаг», приказывает передавать по радио только что сочиненный гимн.

Патрис Лумумба ищет пути сохранения единого и независимого Конго.

По просьбе правительства Конго в страну спешно направляются войска Организации Объединенных Наций. В их составе воинские подразделения Индии, Эфиопии, Ганы, Гвинеи, Нигерии, Туниса, Либерии, Малайи, Швеции, Ирландии, Сьерра-Леоне. Одиннадцать тысяч солдат и офицеров в голубых касках с эмблемой ООН, бельгийские парашютисты, наемники, нанятые колонизаторами в разных странах, — все перемешалось в эти смутные дни в Конго.

Но Лумумба не терял головы. Он настойчиво требовал вывода враждебных его правительству войск, безусловного сохранения единства молодого государства, урегулирования спорных вопросов путем переговоров.

Но его враги уже держали власть в своих руках — мудрено ли это, если за спиной у тебя чужеземные штыки!

Патрис Лумумба арестован. Ставленники империалистов выслали из Леопольдвилья дипломатических представителей СССР и Чехословакии. В стране хозяйничают предатели, а Лумумба — под арестом. Он бессилён что-либо предпринять. Деятельная натура конголезского вождя не могла с этим смириться. Надо было действовать, бороться, спасти родину. И когда верные Лумумбе патриоты независимого Конго устраивают ему побег, он соглашается на это.

Сначала все идет хорошо. Машина с Лумумбой и его друзьями выбралась из столицы, всю ночь мчалась по направлению к Стэнливиллю, где у власти еще оставались патриоты. Но вот одна река, преодоление которой заняло много времени, затем — другая, третья. Мостов нет. Машину можно переправить только на пароме. Но очередная река — без парома!.. Пришлось бросить машину, плыть на лодке. А враги уже знают о побеге Лумумбы. Его ищут. Во все концы страны посланы приказы о поимке беглеца. В распоряжении врагов все, включая самолеты.

На пути последняя река. Опять нет парома. Лумумба и двое его спутников нашли какую-то пирогу, достигли противоположного берега. Вот-вот появятся остальные друзья, которые не поместились в утлой пироге. Но вместо них появляются... солдаты.

Они набросились на Лумумбу, связали его. Били прикладами, сапогами. Били на земле и в грузовике, били в кабине самолета и в тюрьме. Били, били, били...

Патрис Лумумба исчез, и никто в мире долго не знал, где он.

Тюремщики строго хранили тайну своего преступления. И только слухи — страшные, жуткие — проникали на волю.

Однажды (это было уже в январе 1961 года) тюремщики отправили Лумумбу самолетом из одной тюрьмы в другую. Летчик, который вел этот самолет, свидетельствовал: «Лумумбу избивали так, что я вполне убежден — сейчас он мертв. Они вырывали волосы у него на голове и заставляли его их есть».

Наконец Лумумбу доставили в Катангу, к его злейшим врагам. Во время полета восемь вооруженных верзил непрерывно избивали его. Они сломали ему ребра, разбили желудок.

Вот что рассказывал западногерманский лейтенант, служивший наемником у Чомбе: «Один из солдат охраны ударил Лумумбу головой о борт грузовика, на котором его везли, и затем выстрелил ему в затылок. Командовавший конвоем бельгийский капитан прикончил Лумумбу выстрелом из пистолета в голову. Перед убийством Лумумбу жестоко истязали. Из ушей и носа Лумумбы текла кровь. Он был без очков, его борода была отрезана».

17 января 1961 года. В этот день палачи убили Лумумбу, человека великого мужества и великой справедливости.

Глубокая скорбь охватила конголезский народ. Но еще с большей силой вспыхнула ненависть.

«За каплю крови Лумумбы, — говорили патриоты, — голова захватчика!»

Борьба разгорелась могучим костром.

...В самом центре Киншасы — столицы Республики Заир — возвышается величественный памятник Лумумбе. Это — выражение горячей любви соотечественников к человеку, который отдал свою жизнь за жизнь своего народа.

Главный город Катанги Элизабетвиль больше не носит имени бельгийской королевы: он переименован в Лубумбаши.

Но борьба в Заире не закончилась.

Два миллиона долларов вложили американские бизнесмены в заирские нефтяные промыслы, медные рудники, добычу золота, цинка, олова, никеля, других природных богатств. И когда весной 1977 года, а потом еще раз весной 1978 года народ провинции Шаба (бывшая Катанга) восстал против правительства, отдавшего страну на разграбление иностранным капиталистам, вновь на многострадальную землю Заира бросились чужеземные войска. Кровь патриотов опять полилась на землю, за свободу которой за пятнадцать лет до этого отдал жизнь Патрис Лумумба.

КОНЕЦ ПОСЛЕДНЕЙ ИМПЕРИИ

Дольше всех свою колониальную империю сохраняла Португалия, которая, как, может быть, помнит читатель, была когда-то первой европейской страной, начавшей захват колоний.

В 1973 году португальскими колониями были в Африке Португальская Гвинея, Ангола, Мозамбик, острова Сан-Томе и Принсипи, Острова Зеленого Мыса; в Азии — Португальский Тимор, Макао. К концу 1975 года у Португалии не осталось никаких колоний, кроме небольшого островка Макао у китайского побережья.

Первой заявила о своей самостоятельности Гвинея-Бисау. Ее народы находились под португальским гнетом почти пятьсот лет. Португальские колонизаторы безжалостно подавляли все попытки гвинейцев добиться свободы. Много лет в джунглях шла война между карателями и народной освободительной армией.

Известные изощренной жестокостью португальские фашисты не могли сломить сопротивление народа Гвинеи. Когда уже две трети всей территории колонии находилось под контролем патриотов, палачи задумали убить бесстрашного руководителя борьбы энергичного и деятельного Амилькара Кабрала. «Если Кабрал будет убит, — говорили фашисты, — негры разбегутся в разные стороны».

Шпионы колонизаторов, завербованные из числа предателей гвинейского народа, как полицейские собаки, вынюхивали местопребывание смелого патриота. 20 января 1973 года Кабрал был застрелен из автомата пробравшимся в его штаб предателем.

Но даже это не помогло фашистам.

Гвинея отстояла свою свободу.

Десять лет вели борьбу за независимость народы Мозамбика. Португальские душители свободы бросили против них семьдесят тысяч солдат, самолеты, танки, пушки. Но и тут потерпели поражение и вынуждены были бежать.

Поражение за поражением ждало карателей и в Анголе.

Эхо побед африканских народов над португальскими фашистами докатилось и до Европы. В 1974 году фашисты были свергнуты и в самой Португалии. Там победила народная революция. Освободительная борьба народов португальской империи и революция в самой Португалии соединились в единый поток. Новая демократическая Португалия сразу же признала право народов всех португальских колоний на независимость.

Так бесславно закончила свое позорное существование самая древняя и самая последняя колониальная империя.

ЗДЕСЬ БОЛЬШЕ НЕ ПОРТУГАЛИЯ!..

Юг Африки стал местом последнего и решительного столкновения свободы и рабства. Освобождение Мозамбика и Анголы серьезно обеспокоило южноафриканских тюремщиков, власть которых оказалась в реальной опасности.

И вот не успела еще наступить дата официального провозглашения независимости Анголы, как осенью 1975 года в ее внутренние дела началось вмешательство иностранных наемников.

Существует в Африке тайная организация «Синий гусь». Никто не знает, кто подлинный ее руководитель, где расположен ее штаб. Но зато хорошо известны кровавые дела этой организации. За большие деньги занимается «Синий гусь» искателями легкой наживы из всех стран Западной Европы и Северной Америки, преступников, скрывающихся от суда, недобитых вояк, потерпевших поражение во Вьетнаме и других местах, куда без успеха совались новые колонизаторы. Как кондотьеры¹ в средневековой Европе, они служат тем, кто больше платит.

Снова Ангола в дыму пожарищ. Снова война и снова кровь. Уже не португальские войска, а отряды наемников и фашистские банды, которые формируются в Южно-Африканской Республике и Родезии, да еще предатели ангольского народа жгут, грабят, убивают.

И вот уже границу Анголы переходят регулярные войска Южно-Африканской Республики и оккупируют часть ее территории.

Но Ангола не одинока в ее борьбе с новыми врагами. Она получает современное оружие из Советского Союза, ей оказывает братскую помощь социалистическая Куба. Южноафриканские войска изгнаны из Анголы. Наемники разбиты наголову. Народ наконец стал полным хозяином своей земли.

Промышленные и сельскохозяйственные предприятия, принадлежавшие раньше эксплуататорам, передаются в Анголе трудящимся. Под полным контролем государства находятся теперь крупные фабрики и заводы, рудники, банки. Плантации кофе, который Ангола

¹ Кондотьеры — наемные солдаты.

продает другим странам, национализированы или переданы крестьянским кооперативам. Соглашения, заключенные португальцами во время колониального господства с иностранными компаниями, пересматриваются в интересах ангольского народа. Правительство Народной Республики Анголы объявило в качестве своей цели создание социалистического общества.

Как своими собственными долго пользовались южноафриканские правители богатствами соседнего Мозамбика. На могучей реке Замбези была построена гидроэлектростанция для снабжения энергией главных промышленных районов Южно-Африканской Республики. Мозамбикская река отдавала свою силу южноафриканским капиталистам. Столица Мозамбика — прекрасный город Лоренсу-Маркиш с одним из лучших в Африке пляжей был местом отдыха и развлечений белых господ всей Южной Африки. Африканцам на этот пляж доступ был закрыт. На лучших землях Мозамбика колонизаторы построили свои фермы, где работали тысячи и тысячи черных батраков.

После провозглашения летом 1975 года свободного Мозамбика со всем этим было покончено.

Многие португальские колонисты бросили свои фермы и укрылись в Южно-Африканской Республике, надеясь со временем вернуться в Мозамбик при поддержке штыков карателей. Но народ Мозамбика делает все, чтобы колониализм не возродился никогда. Он по-хозяйски относится к брошенному бежавшими португальцами добру, старается разумно и справедливо использовать то, что растет на плантациях, — хлопок и орехи кешью, чай и сахар. Вчерашние безземельные крестьяне становятся хозяевами мозамбикской земли.

Много лет главным «украшением» центральной площади Лоренсу-Маркиша была конная статуя Антониу Албукерки, завершившего в 1895 году полное завоевание Мозамбика. На широкой мозаичной лестнице, ведущей от площади к мэрии, была выложена черным камнем хвастливая надпись: «Здесь Португалия».

Став свободным, мозамбикский народ переименовал столицу своего молодого государства, которая называется теперь Мапуту, и очистил ее от всех следов мрачного прошлого. Здесь больше не Португалия! Четыреста лет мозамбикский народ томился в колониальном рабстве. И вот на месте португальской колонии возрождается к новой жизни молодая Народная Республика Мозамбик, народ которой полон решимости покончить с тяжелым наследием прошлого и построить рабоче-крестьянское государство, свободное от эксплуатации.

ПЕРОМ И ШТЫКОМ

С молодых лет боролся за свободу своей родины первый президент Народной Республики Анголы Агостиньо Нето.

Созданная им партизанская армия отличалась не только храбростью, но и железной дисциплиной.

В Анголе нет пока единого народа, а есть отдельные племена, говорящие на разных языках. Но люди всех этих племен знают и любят человека, которого зовут Агостиньо Нето.

И любят его не только как боевого вождя и руководителя страны. Агостиньо Нето — талантливый поэт. И его стихи стоят в строю, как солдаты. Строки этих стихов — это не просто слова, они, как пули, разили колонизаторов и, как набатный колокол, звали к единству вчерашних рабов.

Вот одно из стихотворений Агостиньо Нето, написанных в дни боев:

К нашим знойным полям,
К золотым берегам океана
Мы должны вернуться.
К нашим землям исконным,
К землям, красным от кофе,
Землям, белым от хлопка
И зеленым от кукурузы,
Мы должны вернуться.
К россыпям наших алмазов,
К нашим золоту, меди и нефти
Мы должны вернуться.
К нашим рекам и синим озерам,
К нашим джунглям, горам и долинам...¹

Пробил час, и ангольские племена вернулись в свой дом.

¹ Перевод Е. Долматовского.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

**ЖИЗНЬ —
ЭТО БОРЬБА**

Народы освободились от чужеземного господства. Но, как мы уже знаем, они еще не избавились от эксплуатации. По-прежнему многие из их богатств принадлежат иностранным капиталистам — нефтяные месторождения, шахты и рудники, фабрики и заводы, плантации и леса. Немало новых фабрик и заводов строят американские, английские, французские и другие иностранные фирмы на землях Азии, Африки и Латинской Америки, миллионы людей на этих континентах работают не на себя, а на них.

Чтобы покончить с голодом и нищетой, отсталостью и неграмотностью, эпидемиями и зависимостью от иностранных эксплуататоров, мало стать самостоятельным государством, поднять над страной свой собственный новый флаг. Для этого надо полностью перестроить весь образ жизни, выкорчевать глубоко укоренившиеся последствия колониализма. Создать новое демократическое, справедливое общество, в котором власть принадлежит народу, обзавестись собственной промышленностью, современными машинами, отдать землю крестьянам.

Не случайно борьба за национальное освобождение перерастает сейчас в борьбу против всякой эксплуатации вообще.

Таким образом, после завоевания независимости борьба не прекращается, а продолжается. Она становится многогранной. Она ведется не только боевым оружием, но и лопатами, плугами. Обучить собственных инженеров, построить новый завод, принадлежащий государству, или прорыть канал — это теперь не меньший успех в борьбе, чем раньше был разгром партизанами отряда карателей в джунглях.

НОВОЕ, СТАРОЕ И ДРЕВНЕЕ

Люди Азии и Африки, Америки и дальних островов, затерянных среди бескрайних океанов и морей, веками жили по-своему; кое-где сохранился даже первобытный уклад.

Но европейские колонизаторы, вторгаясь в чужие пределы, не желали с этим считаться. Они и знать не хотели, что может существовать что-то не такое, как у них дома. Огнем и мечом насаждали в завоеванных землях свою религию, свои порядки, свои — часто дурные — привычки.

И в бывших колониях сохранившаяся еще с доколониальных времен старина удивительным образом сочетается с тем, что навязали народам пришельцы. А после освобождения появились новые веяния, рожденные жаждой свободы, счастья, прогресса.

Что же осталось от поработителей? Прежде всего — власть денег, которым в капиталистическом мире поклоняются, как богу, и которые развезли они по всему свету.

Один путешественник рассказывал своим друзьям удивительную историю.

Вот она.

«Однажды мне надо было перебраться через широкую реку. Я уже знал достаточно хорошо местный язык, чтобы объяснить это чернокожему человеку, который, стоя в своей пироге недалеко от берега, старался копьем пронзить плывущую в воде рыбу. Он сразу же согласился помочь мне. Чем я мог заплатить ему за эту услугу? Я достал из кармана кошелек и вручил ему серебряную монету. По выражению его лица я понял, что он очень рад моему подарку. Он тут же вытащил из висевшего на его поясе мешочка какой-то острый предмет и изготовленный из камня молоток и, к моему огромному удивлению, стал пробивать в монете дырку.

— Зачем ты делаешь это? — спросил я его.

— Это будет мое самое красивое украшение. Еще ни у кого в нашей деревне нет такого. Все будут мне завидовать.

— Это же деньги, — говорю я ему. — Спрячь их хорошенько и потом купи что-нибудь для себя.

Видно, он не понимал меня. Пробив наконец дырку, он повесил монету на шнурке себе на шею рядом с обезьяньими зубами и высушенной ореховой скорлупой.

— А что другое я могу сделать с этим блестящим кружочком? — спросил он меня. — Я не могу его съесть, не могу его выпить или выкурить, не могу выстрелить из него стрелкой, как из духовой трубки, или поймать им рыбу, не могу им грести, сидя в лодке, или лечить людей как лекарством. Он годится лишь для того, чтобы украшать меня.

«Значит, надо платить туземцам полезными вещами», — подумал я и с тех пор всегда возил с собой массу мелких предметов — рыболовные крючки, маленькие зеркальца, железные ножи».

Так было на тех землях Африки, где народ еще не попал под власть захватчиков. Колонизаторы быстро приучили население захваченных ими земель к деньгам. Первое, что они делали во всех завоеванных странах, — это заставляли местных жителей платить налоги, или, как говорили в те времена, подати. У тех, кто не мог отдать сборщику налогов монету, отбирали овец или домашние вещи. За неуплату налогов могли забрать самого неплательщика и продать в рабство его или его жену, его детей. Ощутив власть денег, люди стали их беречь. Побывавший в одной из африканских колоний европеец так описывал то, что он видел в деревне:

«Термин «выбивать подати» вполне приложим к здешней системе. Народ и не понимает другого способа. Приезд сборщика налогов есть нашествие врага. Услыхав о его приближении, феллах¹ прячет все, что можно, как можно дальше. Он готовится к блокаде, завершающейся взломом сундуков с домашним скарбом и истязанием палочными ударами недоимщиков, от выносливости которых зависит, удастся ли скрыть то, что они могли бы уплатить. Мне рассказывали случаи, когда истязуемый феллах утверждал, что у него нет ни гроша,

¹ Феллах (арабск.) — крестьянин.

а сам держал во рту все время, пока его били, двадцатифранковую монету, составляющую его недоимку, и выплюнул ее сборщику только под конец истязания, когда у него не хватило терпения вынести побои».

Свободу можно завоевать оружием. С нищетой, оставленной колонизаторами, справиться значительно труднее. И сейчас в бывших колониях нищета остается еще уделом многих и многих людей.

В Индии говорят: «Англичане оставили нам в наследство английский язык и нищету».

Тот, кто попадает хоть на один день в столицу этой страны — Дели, обязательно поднимается на высокие минареты самой большой в мире мусульманской мечети Джами Масджид, что возвышается на краю Старого Дели. У широких ступеней ее лестницы кипит повседневная жизнь городской бедноты. Но и на самих ступенях тоже живут люди. Вот кто-то спит, укрывшись с головой старым дерюжным мешком, только голые ступни ног высовываются из-под мешка. Рядом сидит босой старик, его мешок, аккуратно сложенный, лежит рядом. Такой мешок — единственное достояние человека, живущего на ступенях мечети. Это — и дом, и постель, и одежда на случай холодной погоды. Тут и глубокие старики, и молодые люди, и дети. Пока они живут на ступенях лестницы мечети, они могут чем-то питаться. Их никто не трогает: ведь поддержать бедняков считается богоугодным делом у людей любой религии. Но достойна ли такая жизнь человека, особенно свободного человека?

Уничтожить нищету — записано в планах многих молодых государств. Много сил прилагают для этого освободившиеся народы.

Но пока беднякам приходится всячески изощряться, чтобы добыть себе пропитание.

Небольшая площадь в центре Дели. Здесь, у полуразвалившихся башен старинной крепости, нет такой суеты, как на соседних улицах, застроенных маленькими лавочками, мастерскими ремесленников, дешевыми закусочными. Под деревом, скрестив под собой ноги, сидит важный седобородый человек в белой чалме. Он недвижим. Кажется, что он спит сидя. Ничто не отвлекает его внимания, целиком поглощенного внутренним самосозерцанием. Перед ним — корзина, накрытая ярким ковриком. Это — факир. Издавна считается, что факиры знают и держат в руках тайны волшебства.

Факир! Это человек, связанный с богом!

Но вот на площади останавливается автобус с туристами. Они приехали, чтобы осмотреть остатки крепости: ее стены и башни, хотя и подвергшиеся разрушительному воздействию времени, оружия и огня, все еще поражают зрителя своей мощью, живописной красотой архитектурных форм, свидетельствующих о высокой культуре народов, издавна живших здесь задолго до появления первых европейских колонизаторов.

Факир как бы просыпается. Он достает из-за пазухи какой-то музыкальный инструмент, похожий на флейту. Тростниковая трубочка с отверстиями и расширяющаяся деревянная воронка воспроизводят грустную восточную мелодию. Факир сдвигает коврик, закрывающий корзину, и из нее показываются головы двух змей. Они поднимаются, и вот уже стоят на свернутых кольцами хвостах. Неотрывно глядя своими немигающими глазками на факира и его флейту, змеи раскачиваются в такт музыке, их раздвоенные язычки стремительно вылетают то в одну, то в другую сторону. Стараясь не уронить достоинство, во все века отличавшее мудрецов и волшебников, факир незаметно наблюдает за туристами — не кинет ли кто-нибудь из них хотя бы мелкую монету в чашку, стоящую рядом с корзиной. Особенно большие надежды возлагает он на иностранцев, которые наставляют на него объективы фотоаппаратов. Факир поворачивается так, чтобы им было удобнее фотографировать его и загнипнотизированных его музыкой змей.

Но не слышно звяканья монет о дно чашки, автобус уезжает, и факир снова покрывает свою корзину со змеями ковриком, а сам погружается в полудрему. Что он принесет сегодня домой своим голодным внукам?

Факиры и современность, старое и новое — все перепутано в молодых развивающихся странах.

В столицах молодых государств открываются университеты и научно-исследовательские центры, а в далеких районах ученые неожиданно находят поселки племен, о которых раньше вообще ничего не было известно.

В труднодоступных скалах Кении обитают люди, резко отличающиеся от других кенийцев. Это — племя туген. Их всего около ста тридцати тысяч человек. Они сохранили обычаи своих предков и живут так, как жили сотни лет назад. Жилища людей этого племени совсем не похожи на то, что мы привыкли видеть в деревнях. Небольшие круглые хижины на сваях, всего не более полутора метров высоты — в них и стоять-то во весь рост нельзя. Эти хижины напоминают большие хлебы. Строят их так же, как плетут корзины. Только корзины эти большие, и ставятся они на сваи дном кверху. Плетеный каркас хижины покрывают красным термитником, крепким, как цемент.

В Кении — около ста разных племен, многие из них говорят на своих языках, живут обособленно друг от друга. Но все они, как и племена других стран Африки, Азии и Латинской Америки, живут в бедности, остаются неграмотными. Среди них есть и загадочное племя эмолле — всего около трехсот человек. Живя на берегу озера Рудольф, они питаются только рыбой. Рыбу они ловят не на крючок или сеть, а бьют копьями с плотов. Эмолле не похожи ни на одно другое племя Африки, и ни один ученый до сих пор не знает, откуда пришли они к озеру Рудольф, когда и где началась их история.

В конце 1969 года в далеких джунглях Амазонки было открыто еще одно племя индейцев, о существовании которого ученые раньше не знали. Это племя жило в условиях каменного века. Индейцы говорили на языке, не похожем ни на один из известных языков этих мест.

Самолет авиационной компании молодого африканского государства, бывшей английской колонии, опускается на бетонную полосу аэродрома Килиманджаро в глубине Танзании. Ультрасовременное здание аэропорта находится недалеко от подножия самой высокой горы Африки. Еще недавно до Килиманджаро мог добраться только отважный путешественник, преодолевший труднопроходимые африканские дебри, населенные воинственными племенами. Теперь в разные стороны от аэропорта расходятся асфальтовые дороги, по которым мчатся современные автомобили.

Вот неподалеку от дороги стоит небольшая группа африканцев. Мужчины — в красных накидках, женщины — в юбках такого же цвета. На шее у тех и других — ожерелья из красного и белого бисера. Это люди из племени масаев. Масаи живут на равнинах Танзании и Кении. Они до сих пор сохраняют свои старинные обычаи.

Масаи — большое племя. Хотя они живут обособленно, их быт и нравы хорошо известны. Масаи-воины, вооруженные копьями и защищенные кожаными щитами, охотятся на львов. Они ведут кочевой образ жизни, и их главное занятие — скотоводство.

Племена сохраняются почти во всех развивающихся странах — и в Азии, и в Африке, и в Латинской Америке. Особенно много разных племен в Африке.

«Таинственным народом» зовут в Африке племя борро. Обычаи людей этого племени до сих пор остаются загадкой для ученых. Ни

одна семья или род этого племени не остается на одном месте больше трех дней. Борро странствуют по обширным территориям между Камеруном и Мали. Они не обращают внимания на государственные границы, переходят из Чада в Камерун, из Камеруна в Нигер, гонят перед собой стада скота. Они живут сейчас так, как жили сотни лет назад.

У борро есть легенда о том, откуда пошло их племя.

В давние времена жили двое сирот — мальчик и девочка — на берегу большой реки. Каждую ночь разводили они костер. Однажды, когда стало темно и дети разожгли свой костер, из воды вышла корова, приблизилась к ним, а затем снова вернулась в реку. На следующую ночь сироты разожгли свой костер подальше от берега. Из воды ночью вышло целое стадо коров и приблизилось к костру погреться. Телята сосали молоко у своих матерей. Дети последовали примеру телят. Молоко им понравилось, и сироты решили приручить коров. Они каждый день разжигали костер все дальше и дальше от берега, все дальше заманивая коров. Однажды ночью стадо так и не вернулось в реку, коровы остались с сиротами навсегда. Когда сироты выросли, они поженились и у них родилось двое детей. Старшему достались коровы с короткими рогами, и он стал отцом племени фульбе. Младший взял себе коров с длинными рогами, коров зебу. Он-то и стал родоначальником борро, которые с тех времен всегда разводят зебу.

Но легенда легендой, а ученые не знают происхождения борро.

У берегов Индокитая, на одном из маленьких островов, живет племя меконгов. Меконгы ведут настолько замкнутый образ жизни, что этнографы до сих пор судят о них только понаслышке. Меконгы искусно маскируют свои лодки, на которых живут семьями, и постоянно меняют свое местопребывание. Известно, что они — отличные пловцы, способные нырять на большие глубины, и искуснейшие искатели жемчуга.

В 1972 году неизвестное племя было обнаружено на филиппинском острове Минданао. Люди этого племени называют себя тасадейманубос. Они были полностью изолированы от внешнего мира и «застыли» на уровне каменного века: все орудия труда, которыми они пользуются, — из камня. А в Новой Гвинее лишь недавно была открыта долина Ваги, в которой живет около двухсот тысяч папуасов, о существовании которых ничего не было известно.

На другом филиппинском острове Лусон найдено племя лоноготов — всего семь тысяч человек. Мужчина-лоногот, если он хочет стать отцом, должен сперва оборвать чью-либо жизнь и в доказательство принести вождю племени голову убитого.

Молодые государства стараются объединить все свое население, принадлежащее разным племенам, в один народ. Но племенные вожди часто сопротивляются этому: не хотят терять свои привилегии, свое богатство, цепляются за старинные традиции и предрассудки, чтобы продлить свою власть.

Великодушные — вот чему издавна учат детей в южноафриканском племени тангвена. Когда на землю этого племени пришли первые европейцы, им было оказано гостеприимство. Тангвена отдали им часть своего скота и пастбищ. Но добрые тангвена не знали, что пришельцы — худшие из европейцев, что это разбойники, которых называют колонизаторами.

В чужом и к тому же гостеприимном доме колонизаторы объявили себя... хозяевами!

И тогда тангвена сказали: «Это наш дом, и мы готовы умереть, но не оставить его никогда».

Они ушли в леса и горы. Но они не ушли с родной земли.

Глава первого правительства независимой Индии Джавахарлал Неру писал:

«Ганг... — не просто река: вокруг него — история нации, ее надежды и тревоги, ее победы и ее поражения. Это — символ многовековой индийской культуры и цивилизации».

На берегу Ганга много древних индийских городов, его зеркальные воды отражают сказочные силуэты старинных храмов. Воды Ганга считаются священными, в них омываются индусы, чтобы получить благословение Будды, в них высыпают пепел, оставшийся после сожжения умерших. В воды притока Ганга реки Джамны был брошен прах Ганди.

Смотрят в воды Ганга и причудливые храмы священного города Варанаси, который называют еще Бенаресом. Этот город и сейчас полон жизни, хотя он, пожалуй, древнее самого Вавилона.

Широкие ступени ведут от арок храма к воде. На лестнице сидят мужчины в белых одеждах, наблюдают за теми, кто погружает свое тело в священные воды великой реки. А у одной из арок, в прохладной тени, застыл человек в странной позе. Он стоит вниз головой! Ноги и руки его вытянуты вверх вдоль стены, которая придерживает его тело. Основная тяжесть приходится на плечи. Голова — под прямым углом к туловищу, так, что подбородок прижат к груди. Глаза закрыты.

Кто этот человек?

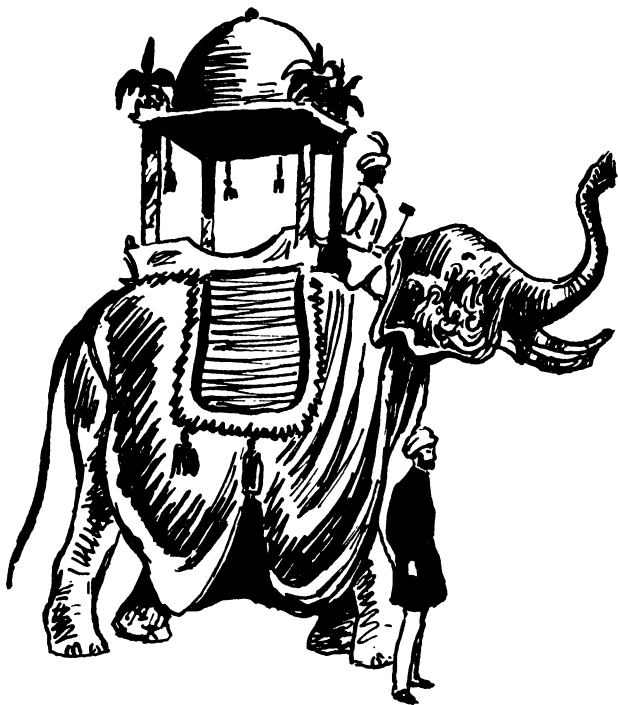
Он — йог.

А что у него за поза?

Одно из положений, которые ежедневно принимают йоги.

Искусство йогов передается в Индии с древнейших времен из поколения в поколение. Тысячи лет назад возникла там система йога — метод дисциплинирования тела и разума. Йога была тогда частью религии. Само слово «йога» в переводе с древнеиндийского значит «соединение»: религиозные йоги утверждают, что главная цель человека — соединение с богом. Эта цель, по их верованиям, может быть достигнута путем полного оздоровления тела и надлежащей тренировки ума.

Сейчас методы йоги используются для излечения человека от некоторых недугов. Они представляют собой особую гимнастику,

основанную не на упражнениях и движениях, а на принятии определенных поз, называемых асанами, которые благотворно воздействуют на те или иные органы человека.

Правильное применение асан придает человеку бодрость, позволяет ему правильно двигаться, помогает сохранить стройную фигуру, препятствует ожирению и старению организма (не отсюда ли слово «осанка»?). Одни асаны восстанавливают силу и эластичность мышц, другие — налаживают правильное дыхание, третьи — способствуют пропорциональному росту.

Покровителем йоги считается бог Шива. В легендах говорится, что сам Шива мог принимать тридцать три миллиона разных асан. Сейчас же йоги в Индии и в других странах, куда из Индии перекочевал этот обычай, пользуются лишь несколькими десятками асан.

Джавахарлал Неру в течение многих лет своей жизни при каждой возможности выполнял наиболее простые из асан. Он считал, что именно эти асаны помогли ему оставаться здоровым тогда, когда ему приходилось жить в нездоровой для тела и разума обстановке.

Но асаны — лишь часть системы йоги. Они могут помочь человеку добиться совершенства, если будут дополняться правильным питанием, строгой организацией всего режима дня, воспитанием высокой нравственности и честности. Пока же большинство йогов в Индии

вынуждено ограничиваться лишь асанами. Ни времени, ни возможностей для выполнения требований всей системы у них нет. Как можно говорить о правильном питании, когда люди систематически недоедают, вынуждены питаться чем попало? Как можно говорить о строгом режиме дня, когда страна все еще не освободилась от пережитков векового рабства и одни трудятся сверх всякой меры, а другие целыми днями бродят в поисках работы?

Раджи с махараджами

Когда Индия освободилась от английского владычества, оказалось, что карта страны очень похожа на одеяло, сшитое из множества разноцветных лоскутков. Власть центрального правительства распространялась всего-навсего на половину территории. А со всех сторон окружали эту территорию и вклинивались в нее автономные княжества во главе со всякими раджами и махараджами, низамами и навабами. Когда-то колонизаторы сохранили за ними их престолы и троны. За что же? Конечно же, за предательство, за измену родине и помощь поработителям.

И вот, когда Индия стала независимой, они вцепились в свои земли мертвой хваткой и заявили, что вовсе не желают включать их в Индийский Союз.

Вице-король лорд Маунтбеттен потирал холеные руки: он ведь только и ждал, когда же начнется новая гражданская война и снова потекут ручьи и реки индийской крови.

Может быть, кровавый этот план и осуществился бы, если бы не народ.

Население княжеств потребовало от князей подчинения центральному правительству.

Князья вынуждены были уступить. Но запросили выкуп. И немалый.

Правительство согласилось на это.

Так, низам Хайдарабада выхлопотал себе ежегодную пенсию в пять миллионов рупий¹ да еще столько же на содержание своих дворцов. Десять миллионов рупий каждый год! И это несмотря на то, что неприкосновенными остались у него несметные сокровища, накопленные его предками за столетия нещадного ограбления простых тружеников, необозримые земельные угодья и неисчислимые стада. Как и другие князья, сохранил низам особые привилегии. По-прежнему не платил он налогов, как всегда, обслуживали его двенадцать тысяч слуг, так же, как раньше, нельзя было его арестовать, даже если он совершил преступление.

Можно себе представить, каким тяжелым камнем легло на плечи народа содержание всех этих паразитов.

¹ 100 рупий равны приблизительно 8 рублям.

В 1950 году Индия провозгласила себя республикой. Не английский король, а избранный народом президент стал главой государства. Лорду Маунтбеттену пришлось навсегда убраться из Индии.

Но после этого еще целых два десятилетия терпели индийцы своих князей. Не так-то просто было выпутаться из сетей, которые раскинул хитрый Маунтбеттен.

Только в 1971 году раджи с махараджами и низамы с навабами навечно лишены были титулов, пенсий, привилегий и объявлены обычными гражданами республики. Им было приказано сообщить о своих богатствах. Но они и не подумали сделать это.

В 1975 году правительство устроило досмотр нескольких дворцов. И что же?

У одной только махарани¹ города Джайпура нашли 380 килограммов золота. Это — в слитках. А сверх того в подвалах замка припрятано было еще 52 000 золотых монет и 11 килограммов драгоценных украшений.

Как же использовали такие богатства раджи и махараджи, низамы и навабы? Ну конечно, сладко ели и пили, одевались в роскошные

¹ Махарани — княгиня.

одежды, развлекались, как хотели, и прочее. Но не только это. А еще и строили козни, готовили свержение республики.

На высоком холме стоит замок махарани. Он многие годы наводил ужас на жителей Джайпура. Еще бы! Ведь в любую минуту могли спуститься с холма отряды ее наемников и начать очередной набег с грабежами и убийствами. Уже после отмены титулов махарани запералась в своем замке, и никто не мог войти туда без ее разрешения. Лишь какие-то темные люди бывали там. Они закрывали свое лицо, чтобы никто не мог их узнать. Зачем? Почему?

Это выяснилось в 1975 году, когда тайное стало явным: махарани была разоблачена как участница коварного заговора против правительства. Ее арестовали. И освободили лишь после того, как поклялась она не участвовать больше в политических делах.

Но мрачный замок окружен с тех пор еще большей таинственностью. Никто не ведает, что происходит за его угрюмыми стенами.

Раджи с махараджами лишены титулов. Но они еще живы, и жива их люта я ненависть к народу.

Долговые рабы и просто рабы

— Неужели мы должны теперь отпустить нашего Бхушайю? — спрашивала деревенского богатея Джаккаму жена, узнав о новом постановлении правительства Индии.

В постановлении этом говорилось о запрещении принудительного труда бедняков за не выплаченные ими долги. «Ведь уже целых пятнадцать лет Бхушайя работает у нас. Как же мы обойдемся без него? Кто будет таскать нам дрова из лесу? Носить воду? Вспахивать огород?»

Джаккама достал из железного сундука, в котором он хранил самые ценные вещи и документы, пожелтевший листок бумаги — долговую расписку, полученную от Бхушайи пятнадцать лет назад за 1200 рупий. Тогда Бхушайя вынужден был просить ростовщика дать ему эти деньги, чтобы накормить плачущих от голода детей. Долг отдать он не мог, и пришлось его отработывать. Но ростовщик Джаккама платил ему ровно столько, чтобы он не умер от голода. А когда Бхушайя просил повысить ему заработную плату, хозяин только усмехался: «Деньги верни, тогда поговорим». Между тем каждый год к долгу прибавлялись проценты. Бедный Бхушайя окончательно стал рабом богатея, и тот запретил ему видеться с женой, детьми, заставил ночевать в сарае, рядом с хозяйским домом, чтобы чуть свет он начинал работу.

Долговое рабство процветало в Индии вплоть до 1975 года. Но и после того, как правительство объявило о запрещении долгового рабства и о том, что использование принудительного труда за долги будет караться тюремным заключением, деревенские богатеи продолжали держать у себя и мучить своих должников.

В одной деревне, недалеко от города Джайпура, власти обнаружили в запертых помещениях местного помещика двадцать девять женщин и подростков, которые были обречены на рабство за 200—300 рупий, взятых ими когда-то в долг.

По новому закону жестокий помещик был заключен в тюрьму.

Но с долговым рабством все еще не покончено.

Летом 1976 года индийские газеты писали, что житель одной деревни Махендра Кумблар каждый месяц платил по шесть рупий в виде процентов по долгу стопятидесятилетней давности, причем долг этот никак не уменьшался. Сто пятьдесят лет назад деревенский ремесленник Лаксман Кумблар взял в долг у богатея Бахтавара Сингха 200 рупий. До конца дней своих он не мог отдать долга, каждый месяц он платил богателю проценты.

Уже давно умерли и Лаксман Кумблар и Бахтавар Сингх. Но долг оказался живучим. Вот уже над четвертым поколением Кумбларов продолжает висеть долг их далекого предка, а наследники Бахтавара Сингха сто пятьдесят лет получают каждый месяц по этому долгу проценты. Уже никто не может подсчитать, сколько денег сам Лаксман Кумблар, потом его сын, затем внук, а сейчас правнук заплатили Сингху и его наследникам. Но нет никакого сомнения, что выплаченные за все эти многие годы деньги давным-давно перекрыли с лихвой те 200 рупий, которые Лаксман Кумблар когда-то взял в долг у своего богатого соседа.

Однако эти 200 рупий долга все еще числятся за его правнуком.

За долги человека могли держать в тюрьме, у него могли забрать детей, заставить бесплатно работать в поле.

Кроме долгового рабства, в некоторых развивающихся странах до сих пор существует и рабство «обыкновенное».

Только в 1970 году в Камеруне получили свободу пятьдесят тысяч невольников. Ими владел вождь одного из племен на севере страны. Не так-то просто удалось правительству молодого африканского государства заставить этого рабовладельца расстаться со своими рабами, да и то не со всеми. За высокой стеной его крепости продолжают томиться четыреста невольниц, которых он отказался отпустить на волю.

В Саудовской Аравии рабство было официально запрещено законом в 1962 году. Но и сейчас там фактически около четверти миллиона рабов.

В наши дни рабство встречается еще в некоторых бывших колониальных странах, а многие люди, которые считаются свободными, в самом деле живут на положении, близком к рабскому.

Открытой работорговли больше нет нигде. Но тайные невольничьи рынки еще есть в некоторых селениях Центральной Африки. Там за десять верблюдов, которые стоят около 180 долларов, можно купить молодого мужчину. Молодая красивая девушка продается за двадцать верблюдов.

Белые правители Южно-Африканской Республики и Родезии в

любую минуту могут посадить африканца за колючую проволоку. Темнокожий человек там не смеет ходить по одному тротуару с белыми, ездить в «белых» автобусах, посещать «белое» кино. Иными словами, расисты обращаются на юге Африки с местным населением, чью землю они насильно захватили, как с настоящими рабами. И это современное рабство ничуть не лучше, чем старое.

КУСОК ХЛЕБА И ГЛОТОК ВОДЫ

Ты идешь по родному краю. Зайди в любой дом в городе, в деревне — все равно — и попроси стакан воды или кусок хлеба. Разве тебе откажут? Никогда!

Но, оказывается, есть на земле такие места, где и кусок хлеба, и глоток воды — целая проблема.

В апреле в Индии обычно — приятная жара. А в апреле 1974 года в восточной части страны солнце перестало быть добрым и ласковым. Оно выжгло дотла весь урожай риса. И в деревнях дети слышали страшное слово: засуха.

Засуха! На завтрак — трава, на обед — корни несъедобных растений. От такого «питания» только болит живот, а голод не проходит.

Засуха! То, что вчера ели домашние животные, стало теперь пищей людей.

Засуха, засуха, засуха... Еще сильнее, чем голод, мучает жажда. И особенно трудно детям. Они поминутно просят пить. Матери едва не сходят с ума, видя умоляющие глаза своих малышек. Но что можно сделать? Где взять воду? Негде. Об умывании нечего и думать. А ведь от грязи появляются на коже язвы, волосы выпадают, начинаются эпидемии. Что же делать? Где достать хоть стакан, хоть глоток, хоть каплю воды, которая отныне дороже золота? Негде.

Правда, в колодцах, которые принадлежат богачам, вода есть. Но попробуй зачерпнуть хоть пригоршню воды из чужого колодца! За это могут убить. Ведь богачи свято чтут закон своей касты, который гласит: если из твоего колодца испьет хоть раз человек низшей касты, колодец твой будет осквернен и ты сам не сможешь пить из него.

А дети просят: пить, пить, пить!

А дети хотят есть, есть, есть!

Что же делать?

И люди хватают детей за руки, а маленьких — на руки и, стиснув зубы, идут в город Агарталу, на главной площади которого стоит красивое здание. Это парламент штата Трипура.

И вот уже главная площадь запружена народом. Три тысячи мужчин, женщин, детей.

Дети, мальчики и девочки, где ваши озорные лукавые глаза? Они неподвижны, они смотрят прямо перед собой, словно глаза стариков. Где ваши стройные тела? Их нет. Есть скелеты, обтянутые кожей.

Вместе со взрослыми дети блокировали здание парламента. Депутатам ни войти, ни выйти без того, чтобы не наступить на чьи-нибудь руки или ноги.

Целые сутки, двадцать четыре часа, продолжалась эта блокада.

Какое отчаяние должны были испытывать дети и их родители, чтобы из собственных тел выстроить такую живую баррикаду!

...Двадцать четыре часа просидели забастовщики на площади, и все это время не было у них во рту и маковой росинки.

Медленно разбрелись они после суточного бдения по своим деревням. И там с ужасом узнали, что всего-навсего за сутки их отсутствия еще многие соседи умерли от голода, а некоторые, потеряв даже малейшую надежду остаться в живых, в страхе перед мучительной голодной смертью, покончили жизнь самоубийством. Горькое счастье испытывали обезумевшие родители, которым удалось продать своих детей и тем самым спасти их от неминуемой голодной смерти.

Жажда была, пожалуй, еще страшнее голода.

Каждое утро перед домом чиновника, который ведал строительством оросительных каналов, выстраивалась очередь. Чтобы заработать один килограмм риса, надо было целый день копать мотыгой землю и перетаскивать ее в плетеных корзинах на большие расстояния. Женщинам за такую работу платили вдвое меньше, чем мужчинам, а детям еще меньше, чем женщинам. Чтобы получить одну-

две горсти вареного риса, нужно было целый день тяжело трудиться под палящим солнцем. Это не под силу даже сытым и здоровым взрослым. А о голодных детях нечего и говорить...

В некоторых деревнях урожай погиб не у всех. Голодные крестьяне знали: на полях, которые поливали водой из глубоких колодцев, выросло много риса и пшеницы. Но у кого из них глубокие колодцы? А если бы даже и были, то нужен ведь еще и электрический мотор, насос, без которого из глубокого колодца воды не достанешь никак. Насос — только у помещика, но крестьяне боялись даже подойти к его дому: сколько раз помещичьи слуги без всякой причины набрасывались на них с оскорблениями, а то и с побоями...

Поливали свои поля и кулаки. А у большинства крестьян воды не было не только на поливку, но даже и для того, чтобы напоить детей. Только один общий колодец в этой деревне. Из него брать воду мог каждый. Но попробуй доберись до воды! С самого рассвета выстраивалась возле колодца длинная очередь: кувшины, кувшины, кувшины... Два-три кувшина еще удавалось наполнить, а уж на остальные просто не хватало воды: надо было ждать, пока в плохонький колодец снова просочится вода.

Как спастись от голода? Своего риса нет, урожай погубила засуха. Нет и денег, чтобы купить рис или пшеницу на рынке. Цены там растут каждый день, а заработать негде. Магазины деревенских лавочников почти всегда пусты. Куда девается зерно, которое выращивают на полях помещика и кулаков?

Этого никто не знал, пока однажды утром в деревню не прибыла комиссия из города. Как всегда, об этой комиссии первыми узнали ребяташки. А скоро перед домом самого богатого в деревне кулака собралась большая толпа крестьян. «Осмотрите подвалы в сарае», — советовали они городским чиновникам. «Зерно может быть спрятано в поле. Я сам видел, как батраки ночью копали там глубокие ямы», — крикнул из толпы один из крестьян и тут же поспешил скрыться среди таких же, как он, бедняков: месть кулака может быть страшной.

Скоро на площадке перед домом выросла целая гора мешков с рисом и пшеницей. Много зерна было конфисковано властями в этот день. Ведь новый закон в Индии запрещал утаивать зерно: его надо продавать государству. Заговор помещиков, кулаков и торговцев провалился. Они прятали зерно, чтобы взвинтить цену.

Вся деревня бурлила ненавистью. Крики обезумевших от голода крестьян при виде такой массы зерна слились в сплошной гул.

В середине дня начали открывать свои склады и продавать зерно некоторые торговцы, которые еще накануне заявляли, что зерна у них нет.

Прошло немного времени, и деревню опять взбудоражили необыкновенные новости: правительство объявило о выкупе у помещиков части их земли, которая будет за доступную плату передана безземельным крестьянам.

Иметь свою землю! Об этом издавна мечтали бедняки, у которых

не было иного пути в жизни, как работать на кулака или помещика, да и то лишь тогда, когда повезет с работой. Ведь на всех ее не хватает! Но и со своим клочком земли нелегко избавиться от голода и нужды. Голодают же и те крестьяне, у которых земля есть, а засуха погубила урожай или наводнение опустошило участок.

Долго еще обсуждали крестьяне свои дела.

Кусок хлеба и глоток воды... Оказывается, это совсем не так просто!

КТО ВИНОВАТ?

Это случилось в конце августа 1975 года. Вечером индийское радио сообщило о надвигающемся наводнении. Но власти города Патна не приняли должных мер, и разбушевавшаяся стихия застала население города и его окрестностей врасплох. Люди спасались от потоков воды на черепичных крышах домов, многие бросали свои затопленные жилища и бежали на возвышенные места. Маленькие домики, слепленные из глины и крытые соломой или высушенными пальмовыми листьями, были смыты с лица земли, и их обитатели остались не только без крова, но и без какого-либо имущества: все вещи, кроме тех, которые были на них в момент наводнения, безвозвратно погибли.

Но что вещи! Гибли сами люди. Прекратилась подача электроэнергии. В кромешной ночной тьме по всему городу слышались крики мужчин и женщин, звавших друг друга, детский плач, призывы о помощи. Кому-то удалось зажечь факелы.

Люди, обосновавшиеся на крышах домов и на верхних этажах высоких строений, хотя и спаслись, но чувствовали себя прескверно. Им нужны были продукты питания, одежда, питьевая вода. Многие, особенно дети, нуждались во врачебной помощи. Сколько времени могут провести люди на покато́й крыше под дождем и ветром без сна, без воды и хлеба?

Почти сто тысяч жителей города были вывезены в безопасные места, но трудно описать страдания беженцев.

На помощь пострадавшему городу поспешили воинские части. Вертолеты подлетали к крышам, на которых спасались люди, сбрасывали им пластмассовые пакеты, наполненные вареным рисом, хлебом, лекарствами, фляги с питьевой водой. Саперы сажали женщин и детей в резиновые надувные лодки и вывозили их из затопленных районов города на возвышенные места, где добровольцы, прибывшие из разных районов Индии, ставили брезентовые палатки, строили временные госпитали, устанавливали походные кухни.

В первые минуты наводнения самой страшной опасностью казалась вода. Но те, кто не утонули в эти минуты, оказались перед лицом новой и не менее страшной опасности — распространения эпидемий тяжелых болезней, перед угрозой холеры. Ведь вода подняла с земли и из отхожих мест всю грязь и разнесла ее по городу, наполнила ею

сохранившиеся жилые помещения. Под палящими лучами тропического солнца стали быстро разлагаться трупы погибших от наводнения домашних животных. Уже после того, как вода схлынула с городских улиц, их надо было спешно очистить от зловонной грязи, а она проникла и в систему городского водопровода.

А кто приютит те семьи, жалкие лачуги которых были начисто смыты водой?

...Патна был не единственным городом, пострадавшим от наводнения в августе 1975 года. Восемнадцать дней оставались под водой большие территории в штате Орисса, на востоке Индии. Наводнение погубило урожай, тяжелый труд крестьян был сведен на нет, над деревенскими бедняками нависла угроза голода. Но еще хуже было то, что через разрушенные дамбы на поля хлынула соленая морская вода. Засоление почвы делает ее непригодной для обработки, бесплодной. В этом штате наводнение разрушило десятки тысяч деревенских домов, много школ, погубило тысячи гектаров плодородных полей, принесло бедствия миллионам людей.

Такие наводнения опустошают не только большие районы Индии. От них страдают и в Пакистане, и в Бангладеш, и во многих других странах Азии, Африки и Латинской Америки: ведь самый неустой-

чивый климат на нашей планете в тропиках, по обе стороны экватора. А там и расположены почти все молодые государства.

Значит ли это, что в тех несчастьях, которые приносят народам этих стран наводнения, ураганы, землетрясения и другие стихийные бедствия, не виноват никто, кроме природы? Конечно, нет!

От этих стихийных бедствий, как правило, страдают бедняки. Наводнения смывают слепленные из глины хижины, расположенные в сеющих нездоровье низинах. Но от них не страдают каменные дома богачей, построенные на лучших, возвышенных участках земли. Гибель урожая означает нищету и голод для бедных крестьян, но не для помещика, живущего в той же деревне. У него достаточно денег и припасов, чтобы, наоборот, наживаться на неурожайе, когда цена на рис и пшеницу становится особенно высокой.

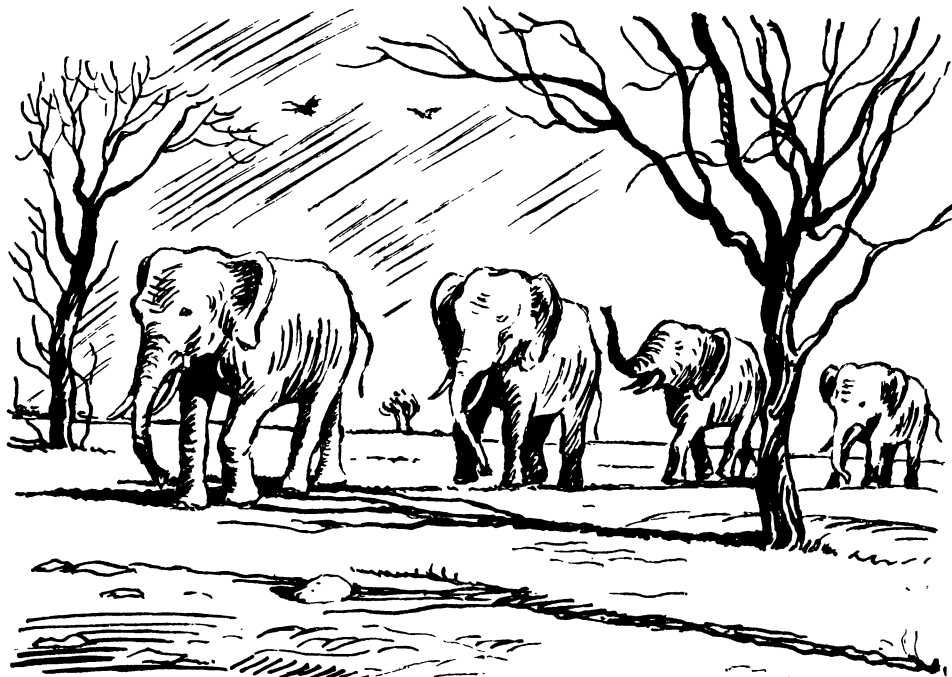
Стихийные бедствия причиняют такой значительный ущерб развивающимся странам потому, что их прежние хозяева не давали возможность народам этих стран строить дамбы и плотины, рыть каналы, которые в период ливней отводили бы воду из переполненных рек, а во время засухи — несли живительную влагу на крестьянские поля. Колониальным народам была недоступна медицина, они были вынуждены жить в грязи, где всегда сохранялись очаги смертельно опасных инфекций — чумы, холеры, оспы. От этих болезней когда-то вымирали в Европе целые города и страны. Но Европа избавилась от них. Английские, французские и другие хозяева колоний в Азии, Африке и Латинской Америке могли бы избавить от этих болезней и поработанные ими народы. Все средства для этого у них были. Но не для лечения местного населения посылали они за океан свои войска.

И до сих пор именно из-за последствий колониального господства стихийные бедствия так тяжело поражают эти страны.

Новейшая техника и чуткие приборы могут сейчас заблаговременно предупреждать людей о надвигающейся катастрофе, о приближающемся урагане, о возможном наводнении, даже об опасности землетрясения. Но эти приборы мало используются в бывших колониях.

Менее страшны стихийные бедствия тем, кому в случае несчастья помогает государство. Но у государств молодых возможностей помочь очень мало, да и не везде еще правительства действительно заботятся о бедняках, о трудовом люде.

Теперь понятно, почему мы говорим, что не одна природа виновата в тех несчастьях, которые несут с собой народам этих стран стихийные бедствия, а также их бывшие хозяева-колонизаторы и нынешняя отсталость, оставленная им колонизаторами в наследство.

ПРИРОДА И ЛЮДИ

В 1974 году на юге Индии стояла необыкновенная жара. Двенадцать месяцев не было ни одного дождя. И земля высохла и потрескалась. Такой жестокой засухи не помнили даже столетние старики.

Правительство начало выдавать населению продукты питания. Специальными бурами пробурили глубокие скважины и мощными насосами качали из них воду. Людям стало немного легче.

Но дикие животные, обитающие в джунглях, были беззащитны.

Вот меж иссохших деревьев медленно бредет по лесу небольшое стадо слонов. Животные истощены. Старый вожак уже много дней ведет стадо от одного обычного места водопоя к другому, но воды нет нигде. Хоботы бессильно свисают вниз. Изредка поднимет обессиленный слон свой хобот, ощупает им верхушки деревьев, на которых уже нет свежих зеленых листьев, и снова безнадежно опустит его.

От жажды и голода слоны окончательно истощались и в конце концов один за другим падали на землю.

Вот и у самого большого слона подогнулись ноги. Некоторое время он пытался встать. Но напрасно. Глаза его печально глядели вслед удаляющемуся стаду. Вскоре громадное животное замерло...

Гибель диких слонов вызвала в Индии большую тревогу. Ведь раньше ими были полны джунгли, теперь осталось их очень мало. Им грозило полное вымирание. Так же, как и тиграм, львам и другим животным. А ведь вместе с гибелью животных меняется и вся природа, тяжелее становятся условия жизни людей.

Постоянная жара, которая господствует в большинстве стран — бывших колоний, хотя и позволяет людям обходиться без теплой одежды и отопления жилищ, вместе с тем создает и большие трудности и несет опасности для жизни. В жарком климате, особенно если он сочетается с высокой влажностью воздуха, а это почти всегда именно так, очень быстро портятся продукты, прежде всего свежее мясо, рыба, молоко. Молниеносно распространяются эпидемии тяжелых инфекционных болезней. Народам жарких стран особенно необходима эффективная система здравоохранения. Но колонизаторы оставляли завоеванные ими народы без современной медицинской помощи.

Только добившись освобождения, страны Азии, Африки и Латинской Америки смогли позаботиться о здоровье своих народов, об охране природы.

В погоне за драгоценной слоновой костью завоеватели безжалостно истребляли африканских слонов.

Одно из главных богатств Африки — леса. В них растут ценнейшие породы деревьев, такие, которых нет в Европе. До недавнего времени лесами Африки полностью и бесконтрольно распоряжались иностранные капиталисты. Не считаясь с интересами местного населения, они вырубали деревья, чтобы даром вывезти за океан стволы черного дерева, железного дерева, красного дерева, палисандра, ореха. Так превратили они целые районы в пустыни, обрекли обезображенную землю на засуху, животный мир — на гибель, людей — на голод и нищету.

Народы бывших колоний предъявляют свои права на собственные природные богатства. Ведь кое-где иностранцы все еще владеют землей и лесами в ставших самостоятельными молодых государствах. Они еще продолжают хищнически рубить африканские леса. Но африканцы принимают меры для спасения своих лесов. Пятнадцать стран Африки, расположенных к югу от пустыни Сахары и занимающих большую часть континента, создали организацию, которая регулирует лесоразработки в Африке и продажу древесины за границу, разумно планирует использование лесных богатств.

Молодые государства делают все возможное для спасения своей фауны.

...Ранним утром в аэропорт столицы Перу Лимы прибыл необычный груз. Несколько грузовиков привезли клетки с маленькими обезьянками — белобородыми пичино. Когда-то несметное множество этих обезьян было в непроходимых лесах, которые тянутся по берегам величайшей реки Амазонки и ее притоков. Но на протяжении столетий животные здесь бессовестно истреблялись. Шкурки редких зве-

рей вывозились за границу целыми кораблями. Змеиная кожа высоко ценилась в Европе — из нее делали обувь, сумки, бумажники. Охотники за змеями опустошали леса Амазонии. Вылавливались красивые птицы. Например, погугаи из южных стран продавались во всех городах Европы и Северной Америки.

Правительство Перу приняло специальный закон, запрещающий вывоз за пределы страны птиц и животных. Но, несмотря на этот закон, грабеж лесов страны продолжался, процветала контрабанда.

Браконьеры тайком вылавливали белобородых пичино. Четыреста двадцать таких зверюшек потихоньку доставили в Лиму, чтобы потом контрабандой вывезти в США и продать там с большой выгодой. Но расчеты браконьеров провалились. Правительственные органы Перу отобрали обезьянок у преступников. Специальным самолетом отправили животных в самый центр Амазонии город Икитос. Недалеко от этого города обезьянки были выпущены на свободу.

Человек неотделим от природы, он — часть природы. В жарких странах это чувствуется особенно сильно. От капризов природы часто зависит жизнь многих людей.

Вот что случилось в африканских странах, расположенных недалеко от Сахары. Несколько лет подряд там свирепствовала жестокая засуха. Гибли посевы, невозможно было сохранить скот. От голода умерло много людей. И вдруг пошли дожди. Радости измученных африканцев не было границ. Конец засухи, конец голода, жизнь! Но радость эта оказалась преждевременной. Шли дни, недели, месяцы, а дожди не прекращались. Еще недавно выжженная засухой земля была захлестнута небывалым наводнением. Особенно пострадали страны Нигер, Верхняя Вольта, Мали, Чад. В Верхней Вольте вышло из берегов озеро Бам, крестьянские посевы оказались под водой, снова погиб урожай. Реку Нигер во время засухи можно было перейти вброд. От непрекращающихся дождей она переполнилась водой, разлилась на большой площади и смыла много деревень. Остались без крова тысячи малайцев. По размытым водой дорогам могли пройти только верблюды, и караваны верблюдов потянулись в районы стихийного бедствия с грузами для населения, которому разбушевавшаяся стихия грозила гибелью.

Каждый год тайфуны, ураганы и тропические ливни обрушиваются на страны, расположенные в Юго-Восточной Азии и в бассейне Карибского моря. Подсчитано, что Филиппины, лежащие в «поясе тайфунов», ежегодно терпят от тайфунов ущерб в 91 миллион долларов, не считая уносимых ими человеческих жизней. А в 1972 году потери страны от вызванных тайфунами наводнений превысили 370 миллионов долларов.

Долго терзали колонизаторы природу завоеванных стран, усугубляя разрушения от стихийных бедствий. Теперь приходится восстанавливать землю, леса, поля. Тысячи людей строят дамбы, чтобы защитить свои поля от разливов рек. По засушливым полям протя-

нулись новые оросительные каналы от только что построенных водохранилищ.

Советский Союз помог народу Египта обуздать Нил. Тысячи лет эта великая река не только кормила египтян, но и губила их. Египет, как и другие страны Африки, страдал то от опустошительных разливов реки, то от испепеляющих все живое засух. Но вот после освобождения от английского владычества осуществилась извечная мечта египетского народа. Тысячи советских специалистов вместе с египтянами построили высотную Асуанскую плотину и гигантскую гидроэлектростанцию. Теперь каждая вторая лампочка в Египте накаливается асуанским током. За плотиной разлилось новое море. Египет не страдает больше ни от наводнений, ни от засух: ведь воды искусственного моря орошают сейчас ту землю, которой раньше воды не хватало.

Асуанская плотина дала египтянам и новый для них продукт питания. В водохранилище стали разводить рыбу. За десять лет там появилось столько рыбы, что в тех местах, где еще недавно расстилалась безводная пустыня, стали строить рыбацкие поселки для нескольких тысяч рыбаков.

Вскоре после освобождения Индии там научились вызывать искусственный дождь. Самолеты распыляют на большой высоте специальный порошок, атмосферная влага сгущается в дождевые облака. Индийские ученые умеют теперь даже регулировать таяние ледников в горах. Посыпая ледники порошками разного цвета и имеющими разные свойства, они увеличивают поступление воды в реки в засушливый сезон или тормозят таяние ледников, когда стране угрожают наводнения.

То, что еще совсем недавно казалось фантастическим, стало возможным в странах, сбросивших ярмо колониального рабства.

«БАНАНОВАЯ ВОЙНА»

— Пожар! Пожар!..

И все увидели клубы черного дыма, которые поднимались к небу там, где были склады бананов, уложенных в фанерные ящики с красивыми этикетками.

Рабочие бросились туда. Кое-кто прихватил по дороге ведра с водой.

Но, примчавшись к складам, они остановились в оцепенении. То, что они увидели, было невероятно: складские сараи были целехоньки. Грузчики спокойно выносили оттуда ящики с бананами, складывали их в высокие пирамиды и, обливая бензином, поджигали.

— Что вы делаете? Кто разрешил вам это? — закричал один из рабочих. — Остановитесь!

Но перед толпой рабочих выросла фигура управляющего плантацией. За его спиной стояло несколько полицейских с дубинками и револьверами.

— Убирайтесь, — проговорил управляющий. — Вы больше здесь не нужны. Можете получить расчет.

Так летом 1974 года на плантациях американской компании «Юнайтед фрут» в самых разных точках Панамы сбор бананов был прекращен.

По приказу главной конторы компании семьдесят четыре тысячи ящиков бананов, уже готовых к отправке во все концы мира, были уничтожены.

Что же все это означало? Почему американские хозяева панамских банановых плантаций приказали уничтожать фрукты, выращенные с таким трудом, фрукты, которые так нужны людям в тех странах, где бананы не растут и где много детей, вообще не знающих, что такое бананы?

Нормальному человеку трудно представить себе такое варварство. Только во время войны советские люди с болью в сердце жгли то, что нельзя было увезти с земли, временно захваченной фашистами, жгли, чтобы наше добро не досталось врагу. И это понятно.

Но что же произошло в Панаме?

А то, что американский капитал начал «банановую войну» против панамского народа.

Когда-то Панама под нажимом Штатов «уступила» им на вечные

времена часть своей и без того крохотной территории, которая имела огромное значение: ведь по ней американцы прорыли канал, соединивший Атлантический и Тихий океаны, а на остальных землях, очень плодородных и сочных, росли бананы и апельсины, мандарины и сахарный тростник, кофейные бобы.

Капиталисты присвоили все ценное в Панаме. Панамским же крестьянам земли почти не досталось. И они вынуждены были за гроши работать на американских плантациях. И получалось, что едва ли не даром получали капиталисты превосходные фрукты, которые в Штатах продавали по высоким ценам. За семьдесят лет такого хозяйничания компания «Юнайтед фрут» накопила бесчисленные богатства, а Панама и ее народ окончательно обнищали и разорились.

Чем больше обогащались американцы, тем больше ненавидели их панамцы. Под давлением народа правительство Панамы уже в наши дни стало обуздывать ненасытные аппетиты американской фруктовой монополии. Оно потребовало более справедливой платы за пользование природными богатствами страны. Был введен налог на продаваемые за границу фрукты — по одному доллару за ящик бананов. Таким путем панамское правительство надеялось собрать хоть немного денег на самые насущные нужды. Вот тут-то американская фруктовая компания и объявила правительству и народу Панамы экономическую «банановую войну».

Панамский народ принял вызов. Рабочие, крестьяне, студенты решительно осудили действия американцев. А правительство проявило твердую волю и, опираясь на поддержку народа, одержало победу. Оно заставило американскую фруктовую компанию возобновить сбор бананов и купить фрукты у панамских крестьян по новым ценам, полностью рассчитаться с рабочими плантаций, заплатив им за все дни вынужденного простоя, погасить налоговую задолженность правительству. Более того, панамское правительство приняло решение отобрать у американской компании плантации, захваченные семьдесят лет назад.

Так маленькая латиноамериканская Республика Панама сделала первые шаги по пути к подлинной независимости.

Панама не одинока. Она вступила в союз с соседними небольшими странами, где хозяйничает та же самая американская компания, — Коста-Рикой, Колумбией, Гватемалой и Гондурасом. Все эти страны договорились между собой совместными усилиями избавиться от «банановой королевы».

И тогда «банановая война» охватила всю Центральную Америку. В Коста-Рике американцы не только саботировали закупку бананов у местных крестьян, не имеющих других возможностей сбыта своей продукции, но даже уничтожили причал в порту Кепос и другие сооружения, используемые для хранения и отправки бананов за границу. И в этой стране правительство тоже потребовало от чужеземцев в целостности и сохранности вернуть государству захваченные

в свое время плантации. А правительство Гондураса приняло решение национализировать обширные лесные массивы, принадлежащие иностранным монополиям и вообще частным лицам.

Времена, когда американские компании могли бесконтрольно наживаться за чужой счет, пользуясь чужой землей, безвозвратно уходят в прошлое. Но уходят они не сами собой, а в острой борьбе. «Банановая война» — лишь только один эпизод этой борьбы.

500 000 000 НЕГРАМОТНЫХ

Индийский город Джайпур называют Розовым городом потому, что его дома и старинные крепостные стены сложены из камня розового цвета. Много веков был Джайпур столицей могущественного княжества. Вокруг города — роскошные дворцы раджей. Но славой своей обязан Джайпур не розовой нарядности городских кварталов и не этим дворцам, а знаменитой древней обсерватории Джантар-Мантар.

В центре города, среди жилых домов, в окружении мелких лавчонок и мастерских ремесленников, расположен огороженный невысокой стеной участок, напоминающий небольшой парк, в котором вместо деревьев и пышных кустов стоят причудливые каменные сооружения, назначение которых не сразу становится понятным непосвященному человеку.

Если всмотреться в эти сооружения внимательнее, можно различить контуры приборов, которыми измеряют высоту солнца над горизонтом или местоположение звезд во Вселенной. Только приборы эти — так же, как и дома, — из камня и имеют такие гигантские размеры, будто пользоваться ими должны какие-то великаны: это значительно повышает точность астрономических наблюдений.

Самый большой из этих приборов — огромные солнечные часы. Их каменная дуга вздымается к небу на высоту многоэтажного дома. Зато они показывают время по солнцу с точностью до двух секунд.

На окраине Дели, рядом с башней Кутб-Минар, уже более полутора тысяч лет стоит под открытым небом отлитая из железа высокая колонна. За это долгое время тропический климат, который быстро разрушает любые материалы, не оставил на железе никаких следов. Ни ливни, ни палящее солнце не смогли нанести на колонну ни пятнышка ржавчины. До сих пор ученые-металлурги не могут разгадать секрет древних индийских мастеров, создавших это чудо.

Высокую культуру застали европейские колонизаторы и в Южной Америке, и во многих странах Африки. Они разрушили эту культуру и обрекли завоеванные народы на отсталость и зависимость от техники и науки новых хозяев.

500 000 000 неграмотных взрослых людей в бывших колониях — вот чего добились безжалостные пришельцы. 500 000 000! Да ведь это подавляющее большинство взрослого населения этих стран.

В Африке из каждых ста детей школьного возраста учится только шестнадцать, в некоторых странах — всего двое.

Из-за неграмотности большинства населения и из-за недостаточности образования тех, кто все-таки научился читать и писать, освободившиеся страны не могут сами использовать сложную современную технику в интересах народа. Города и деревни этих стран переполнены безработными и бездомными голодными людьми, а на заводах и фабриках не хватает рабочих и инженеров. Приходится приглашать специалистов из тех стран, которые раньше были завоевателями, и платить им столько, сколько они запросят.

Если люди в молодых государствах будут оставаться неграмотными, эти страны не смогут стать по-настоящему самостоятельными. Не смогут наладить промышленность и сельское хозяйство. Не смогут покончить с нищетой и голодом.

Но представьте себе положение страны, где столько неграмотных. Где ей взять целую армию учителей? Где достать столько денег, чтобы сразу построить сотни школ? Как убедить неграмотных и темных родителей, что их дети должны ходить в школу, а не работать с малых лет в мастерской, на улицах города или в богатых домах? А где взять ученых, которые могли бы готовить собственных учителей, врачей, агрономов, инженеров? Сколько времени потребуется, чтобы избавиться от всеобщей неграмотности, оставленной «в наследство» колонизаторами? Допустим, мальчик или девочка пошли сегодня в первый класс. Когда из них получится специалист? Через пятнадцать лет, не раньше! Это — много больше, чем нужно для строительства современного завода или атомной электростанции.

Короче говоря, оказалось, что собственными силами многие развивающиеся страны не могут справиться со всем этим.

И тогда выползли на свет божий все те же колонизаторы, хищный нрав которых не изменился, хотя их и заставили убраться к себе домой. Они снова полезли в дела своих вчерашних колоний. И... согласились учить небольшое число молодых людей в своих университетах. При этом, конечно же, произносились речи о «благородстве» капиталистов, об их мягкосердечии и прочих высоких моральных качествах. На самом же деле они преследовали, как всегда, одну и ту же цель: извлечь пользу для себя из очередного бизнеса.

Студентов набирали преимущественно из богатых семей, в свое время помогавших белым господам хозяйничать в колониях. И обучали молодежь так, чтобы, вернувшись на родину, она служила не столько своему народу, сколько интересам тех же господ.

Что же получилось? А то, что самое мирное и гуманное дело — обучение молодежи — стало фронтом острой борьбы между освободившимися народами и их бывшими хозяевами.

С надеждой взирали народы молодых государств на нашу страну. Их вдохновлял пример великого государства, население которого накануне Октябрьской революции было столь же неграмотно, как население стран Азии и Африки перед их освобождением. Ведь смог

же Советский Союз за короткий срок без посторонней помощи полностью ликвидировать неграмотность и превратиться в самую передовую научную державу, первой проложившую путь в космос!

Кто мог лучше знать, что нужно освободившимся народам, чем советские люди, которые сами так успешно справились с задачей, казавшейся многим неразрешимой?

И вот в страны Азии и Африки были посланы лучшие советские учителя и ученые. С помощью Советского Союза там было построено более ста высших и средних учебных заведений. Среди них — крупнейшие технические институты в Индии и Бирме, политехнические институты в Гвинее и Эфиопии, Институт нефти и газа в Алжире.

Двери советских университетов, институтов и техникумов широко и бескорыстно распахнулись перед юношами и девушками развивающихся стран.

Целый студенческий городок вырос на лесистом участке, у самого Ленинского проспекта, на Юго-Западе Москвы. Пять тысяч студентов из почти ста молодых государств становятся в Университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы высокообразованными инженерами, врачами, агрономами. Многие из выпускников этого университета возвращаются на родину учителями русского языка.

Наступление на неграмотность в развивающихся странах ведется широким фронтом.

ВОЗРОЖДЕНИЕ АРИАБХАТЫ

В древности ни один мудрец не мог сравниться с индийским математиком и звездочетом Ариабхатой. Ему было всего двадцать три года, когда полторы тысячи лет назад его признали первым среди ученых, и седобородые мудрецы, к слову которых прислушивались и махараджи и крестьяне, поклонялись ему, восторгались его рассуждениями. Он приближенно вычислил знаменитое число «пи».

А что было в то время в Европе? Царило дикое мракобесие. Церковники распространяли нелепые догматы о том, что Земля — центр мироздания, над которым всевышний раскинул небесную твердь. Так далеко еще было до Галилея, Джордано Бруно и Николая Коперника — больше тысячи лет должно было пройти до их рождения, а Ариабхата уже преподавал своим ученикам алгебру, тригонометрию и подлинно научную астрономию. Математика позволила ему сделать расчеты, с помощью которых он неопровержимо доказал: Земля вращается вокруг Солнца.

Но Ариабхата был в Индии не единственным ученым. Например, еще в древности создали мудрые индийские мыслители современную цифровую систему. Знаменитый французский математик Лаплас писал: «Индия дала нам остроумный метод выражения всех чисел посредством десяти знаков. Мы оценим все величие этого достижения, если вспомним, что мимо него прошел даже гений Архимеда».

В средние века индийский счет был перенесен арабами в Европу, и до сих пор наши цифры называются арабскими в отличие от римских, которые оказались неудобными для математики.

Индия была жемчужиной науки, пока не стала «жемчужиной английской короны». Превратив страну в свою колонию, поработители стали замалчивать успехи ее талантливых сынов. Все реже вспоминали имя Ариабхаты. Завоеватели не желали и слышать о его научных трудах. Тех немногих индийских детей, которым посчастливилось учиться, заставляли зубрить имена английских королей. Им внушалось, что единственным источником научных знаний была Англия. Колонизаторы чинили бесчисленные препятствия национальной науке.

И раскрепощение Индии было одновременно раскрепощением науки этой страны.

Уже на двадцать пятом году существования молодой республики древнего народа, 19 апреля 1975 года, имя Ариабхаты разнеслось по всему миру. В этот день с советского космодрома был выведен на околоземную орбиту первый индийский искусственный спутник Земли, целиком спроектированный индийскими учеными и инженерами и изготовленный руками индийских рабочих и техников. Так вошла Индия в самую передовую науку — исследование космоса ради решения насущных проблем жизни на Земле.

Этот спутник был назван именем древнего индийского ученого.

Первые тысячи оборотов «Ариабхаты» вокруг Земли принесли богатейшую научную информацию.

За первым индийским спутником последуют и другие. Но «Ариабхата», по расчетам специалистов, не остановит свой космический бег и через сто лет.

«Ариабхата» — детище советско-индийской дружбы.

Вчерашняя колония запускает в космос собственный спутник — вот как стремительно меняется облик современного мира, вот что значит освобождение!

АРЕСТ В МОРЕ И УБИЙСТВО В МЕЧЕТИ

Матросам итальянского танкера «Роз-Мари» жарко. Пройден Персидский залив, впереди — Красное море. Солнце палит во всю мочь. Но ничего, можно потерпеть: немного уже осталось до Суэцкого канала, а оттуда рукой подать и до Италии.

«Вахта прошла спокойно, — докладывает капитану вахтенный начальник. — Происшествий никаких, за исключением того, что каждый час пролетает над судном военный самолет с английскими опознавательными знаками».

Капитан сосасывает свою капитанскую трубку без табака — на танкере курить нельзя: он полон нефти. Внимательно всматривается в даль.

Вон уже видны очертания Адена — английской военно-морской базы, которая уже много лет охраняет «ворота» из Индийского океана в Красное море и дальше — в Европу. Главная морская дорога мира давным-давно в руках Англии, «владычицы морей».

Капитан смотрит в бинокль. На горизонте — силуэты английских военных кораблей. В первое мгновение кажется, что они стоят на месте. Но наметанный глаз старого морского волка замечает еле уловимые перемещения мачт. Корабли движутся. И держат курс на сближение с «Роз-Мари».

Ну что ж, движутся так движутся. Капитан не волнуется. Ведь идет 1952 год. Вторая мировая война давно окончена. Теперь Италия и Англия не противники, а союзники: оба государства входят в один военный союз НАТО¹.

Но в небе появляются боевые самолеты. Бомбардировщики? Да, именно они. Не проходит и несколько минут, как черные тени от их крыльев ложатся на палубу танкера.

Вскоре и военные корабли подходят вплотную к «Роз-Мари».

Что случилось?

И тут от командира английских кораблей поступает категорический приказ:

«Следуйте за мной. В случае неподчинения открываю огонь».

Огонь!.. Артиллерийский огонь или авиационные бомбы — по тан-

¹ НАТО — агрессивный военный блок капиталистических государств Атлантического океана и Средиземного моря.

керу, наполненному нефтью! Первое же попадание даже небольшого снаряда неминуемо вызовет взрыв и гибель всего экипажа.

Выхода нет. Под конвоем английских кораблей и самолетов «Роз-Мари» покорно следует в Аден.

Капитан с трудом подавляет свое возмущение и готовит официальный протест против незаконных действий англичан.

Но на берегу ждут его судебные чиновники.

— Ваш корабль и его груз арестованы, — сухо и чопорно произносит один из них. — Англо-Иранская нефтяная компания возбудила против вас судебное дело. Вы обвиняетесь в перевозке краденого груза.

— Ничего подобного! — восклицает капитан. — Эта нефть куплена Италией у Иранской нефтяной компании. Вот документы. Они в полном порядке.

— Иранской компании не существует! — ухмыляется чиновник. — Во всяком случае, правительство ее величества таковой не признает. И это совершенно справедливо. Разве вы не знаете, что иранская нефть принадлежит Британии? Ведь еще в 1901 году Вильям д'Арси, подданный английского короля, купил у персидского¹ шаха Мозаффар-эд-дина все права на добычу нефти на пяти шестых территории Персии, причем купчая действительна шестьдесят лет. Он заплатил шаху сорок тысяч фунтов стерлингов. Потом Вильям д'Арси продал свои права на персидскую нефть Англо-Персидской нефтяной компании. А теперь эта компания, именуемая ныне Англо-Иранской, принадлежит английскому правительству. И это, капитан, знают все.

Капитан «Роз-Мари» в недоумении пожимает плечами.

— Не удивляйтесь, капитан, — менторским тоном замечает чиновник. — Если бы дело было в 1914 году, накануне первой мировой войны, я мог бы вас понять. Тогда действительно все это было тайной. Многоуважаемый Уинстон Черчилль был в то время морским министром. И он заключил с правлением компании секретное соглашение о покупке контрольного пакета акций английским правительством. С тех пор истинный хозяин иранской нефти — наше адмиралтейство. Кто построил там нефтяные промыслы? Кто проложил нефтепроводы? Кто возвел самый большой в мире нефтеперерабатывающий завод в иранском городе Абадане? Мы!.. — И чиновник высокомерно и полупрезрительно оглядел капитана с головы до пят. — Иранская нефть — это наша нефть! — продолжал он. — И мы, только мы, а не кто-либо другой, имеем законное право ее продавать. И мы не имеем ни малейшего желания от этого права отказываться. Ни желания, ни возможности. Ведь Абадан снабжает топливом все английские корабли и самолеты на Ближнем и Среднем Востоке.

Судебный чиновник говорил правду.

Англо-Иранская нефтяная компания была не просто нефтяная фирма. Это было «государство в государстве». Ей принадлежали не только нефтяные месторождения, трубопроводы, заводы, но и желез-

¹ В то время Иран назывался Персией.

ные дороги, шоссе и аэродромы с самолетами и средствами связи. У нее была даже... собственная полиция! А иранская полиция и иранский суд не могли вмешиваться туда, где «действовала» компания. В 1932 году правительство Ирана попыталось вырваться из жадных лап компании. Да не тут-то было! Стоило Англии поехать к берегам Ирана свои военные корабли, как был заключен новый договор: срок английских «прав» был продлен до 1993 года.

— Таким образом,— заключил чиновник,— в ваших трюмах, капитан,— собственность Англо-Иранской нефтяной компании. А ей вы ничего за это не заплатили.

Теперь капитану «Роз-Мари» стало ясно, что он и его пароход — жертва международных интриг.

Что же это были за интриги?

* * *

Страсти вокруг иранской нефти кипели в то время во всем мире. На английскую компанию, сумевшую прибрать к рукам несметные богатства, с завистью смотрели американские капиталисты. Так и сяк, не мытьем, так катаньем стремились они вырвать иранскую нефть у англичан. Один за другим появлялись в Иране «специальные эмиссары» американского правительства. Специальный представитель президента Трумэна Аверелл Гарриман прибыл в Иран под видом «посредника» между иранским правительством и Англо-Иранской нефтяной компанией. Но он и не думал отстаивать интересы Ирана. И иранский народ сразу понял его истинные намерения. В день его приезда в Тегеран сто тысяч иранцев прошли строем по главной улице столицы. Они несли транспаранты, на которых было написано: «Гарриман — вон из Ирана!»

Войска шаха открыли огонь по демонстрантам. Сто человек было убито, пятьсот — ранено.

В покоях шахского дворца плелись интриги.

Английская компания добилась назначения премьер-министром Ирана известного своими антиамериканскими настроениями генерала Размара, человека «сильной руки», способного обуздать народ.

Но и американцы не дремали. Не прошло и года, как Размар был убит во дворе мечети, куда он ходил, чтобы возносить молитвы всемогущему аллаху.

Премьер-министром стал Хосейн Али, бывший посол Ирана в Соединенных Штатах.

Английская компания забеспокоилась. Она лихорадочно стала искать предлог, чтобы снова можно было вызвать военные корабли к берегам Ирана.

Поздно ночью состоялось тайное заседание правления компании.

— Необходимо организовать беспорядки,— говорил на этом заседании председатель компании.— Тогда мы потребуем от иранских

властей защиты от бунтовщиков, а в какой-то острый момент смогут вмешаться и наши войска.

И компания незамедлительно приступила к осуществлению очередной провокации.

Утром следующего дня было объявлено о сокращении на треть заработной платы рабочим-иранцам, имеющим семьи.

Рабочие на промыслах Бендер-Шахпура сразу же объявили забастовку. К ним присоединились рабочие всех предприятий компании. Остановился завод в Абадане.

«Обиженная» компания обратилась к иранскому правительству с просьбой о помощи. Войска шаха стали стрелять в рабочих.

А тем временем, как и два десятилетия назад, подошли к берегам Ирана корабли английского военно-морского флота.

События развернулись таким образом, что Хосейну Али пришлось уйти в отставку. Премьером стал на этот раз лидер Национального фронта Мохаммед Мосаддык. По его предложению меджлис¹ принял закон о национализации имущества английской компании. Правда, при этом компании предлагалась щедрая компенсация.

Но какая компенсация могла сравниться с баснословными доходами и прибылями душегубов-капиталистов! Им нужна была нефть.

И тут произошло то, что уже бывало не раз: империалисты объединились в борьбе против народа, который решил вернуть себе свое. Вчерашние непримиримые соперники — английские и американские монополии — срочно прекратили грызню между собой, стали союзниками и единым фронтом выступили против иранского правительства.

Американский «посредник» Гарриман потребовал объявить Ирану экономическую блокаду.

«Иранцы не продадут ни одного ведра нефти!» — заявил он.

И когда национализированную нефть попыталась купить у Ирана Италия, первый же танкер, который вез ее, — «Роз-Мари» — был арестован.

Кольцо блокады сжималось.

А секретная служба Соединенных Штатов плела против Мосаддыка заговор. Прилетевший в Тегеран американский генерал Шварцкопф, который много лет был «советником» иранской жандармерии, то есть помогал шаху налаживать современную систему сыска и шпионажа, сохранил старые связи. И ему удалось буквально за три недели устроить государственный переворот. Его близкий друг жандармский генерал Захеда сверг Мосаддыка, посадил его и весь его кабинет министров в тюрьму, а премьером назначил себя.

Власть империалистов над иранской нефтью была восстановлена.

На этот раз место Англо-Иранской компании заняла целая свора монополий, в том числе несколько американских, одна английская, одна французская и одна голландская.

¹ Меджлис — парламент.

Но история на этом не кончилась.

Много перемен произошло после падения Мосаддыка.

В наши дни нефтяные богатства Ирана находятся в его собственных руках. В 1973 году, через двадцать один год после падения Мосаддыка, вся нефтяная промышленность Ирана была поставлена под контроль национальной государственной компании. И тут уж у империалистов руки оказались коротки. Времена, когда к берегам Ирана можно было свободно посылать свои военные корабли, ушли в невозвратное прошлое.

«Нефтяная война» тем не менее продолжается. Империалистические державы продолжают цепляться за чужую нефть, для них самое важное — получать ее по дешевым ценам. Поэтому богатые нефтью страны объединились для совместной борьбы за свои интересы и договорились больше не продавать монополиям нефть по низким ценам. В ответ нефтяные монополии перестали покупать нефть, рассчитывая таким путем вынудить своих противников снизить цены, а правительства западных стран вновь стали бряцать оружием. Населению в Западной Европе было объявлено, что из-за враждебных действий стран, где добывается нефть, ее поставки уменьшились. Наступил энергетический кризис.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ КРИЗИС

«Кувейт заминировал все сооружения на нефтепромыслах с целью взорвать их в случае американской военной интервенции», — заявил журналистам министр иностранных дел этой небольшой страны, расположенной на берегу Персидского залива.

Журналисты недоуменно переглядываются. Чем вызвана такая необычная мера в мирное время, в начале 1974 года? Неужели можно всерьез воспринимать те призывы к войне, которыми заполнены американские и западноевропейские журналы? На ярких красочных картинках — бомбардировка каких-то городов с домами арабской архитектуры, высадка парашютного десанта с танками, захват ими нефтяных промыслов.

К счастью, эти военные картинки так и остались картинками. Они пощекотали нервы читателям журналов, но и предупредили страны, где добывается нефть, что бдительность терять нельзя. Война из-за нефти на этот раз не вспыхнула. Но нефтяная война тем не менее началась. Это была война мирными средствами за возвращение народам их нефтяных богатств, захваченных американскими и западноевропейскими монополиями.

Ирак объявил собственностью государства все нефтяные промыслы, которые иностранные нефтяные компании считали своими. Точно так же поступила Ливия. Национализировал нефтяную промышленность Алжир. Резко сократили вывоз нефти арабские страны. В Западной Европе не стало хватать топлива, электроэнергии.

В Англии правительство распорядилось погасить огни реклам, и вечерние улицы английских городов приобрели необычный унылый вид. В Бельгии и Голландии было запрещено пользоваться частными автомобилями по воскресеньям. Чтобы сэкономить топливо, закрыли школы. Наполовину даже сократилось снабжение горючим американских вооруженных сил. Из-за нехватки топлива не смогли выйти в море на ловлю рыбы многие французские рыболовные суда.

Нефтяные монополии сразу же повысили цены на бензин, дизельное топливо, керосин. В газетах появились зловещие слова: «Энергетический кризис».

Этот кризис не застал нефтяные монополии врасплох. Они были к нему хорошо подготовлены. Для них он не был неожиданным. Более того: они сами его вызвали. У монополий были накоплены большие запасы нефти. Но эти запасы хранились в глубокой тайне, на танкерах, отправленных далеко в океан, подальше от глаз людей. Связь между конторами монополий и этими танкерами поддерживалась при помощи специальных секретных шифров — совсем как во время войны!

Намеренно утаивая и придерживая накопленные запасы горючего, нефтяные монополии искусственно создавали его нехватку и тем самым взвинчивали цены. Никогда еще прибыли нефтяных монополий не были такими высокими, как в период энергетического кризиса. А страдали от него в первую очередь бедняки. «Они заплатят за энергетический кризис дороже всех: им принесет он болезни и смерть в неотапливаемых квартирах», — писала одна американская газета.

Нживаясь на бедах простых людей, капиталисты уподобляются собаке на сене: сама не ест и другим не дает.

ГОСУДАРСТВА БЫВАЮТ РАЗНЫЕ

Государство без денег

У каждой страны — свои деньги. Особые деньги колонизаторы выпускали для своих колоний. Вот серебряная индийская монета прошлого века. На одной стороне написано по-английски «одна рупия», на другой — профиль английской королевы Виктории: ведь она считалась одновременно и императрицей Индии. На монете, отчеканенной в 1945 году, — английский король Георг VI.

Совсем по-иному выглядят монеты свободной Индии. Правда, на них тоже есть английские надписи, но рядом с ними — и слова на языке хинди. А вместо портрета английского монарха изображен герб молодой республики — колонна со львами. Почти две тысячи лет назад неизвестные индийские мастера изваяли каменные фигуры четырех львов, которые зорко глядят на все четыре стороны. Этими украшениями венчались колонны царского дворца Ашоки — создателя первого в Индии единого государства. Как символ единства и знак

древности индийской цивилизации могучие львы красуются теперь на государственном гербе Республики Индии. И этот герб — на деньгах, которые выпускает сама Индия, государство самостоятельное и независимое.

Но не все бывшие колонии стали после освобождения выпускать свои деньги.

Например, когда на месте Французской Западной Африки появились новые независимые государства, Париж не перестал распоряжаться их деньгами. Там, в Париже, находится Центральный банк государств Западной Африки, там чеканят западноафриканские монеты и печатают бумажные деньги. Даже по своему виду они мало отличаются от тех, которые Франция выпускала раньше для своих колоний. Вот новая медная монета в 25 франков. Она точно такого же размера и цвета, как и в колониальные времена. Как и раньше, на одной стороне среди колосьев — голова рогатой антилопы. И только если очень внимательно всмотреться, можно разглядеть, что надписи «Французская Западная Африка» больше нет. Кроме года выпуска, на этой стороне вообще ничего не написано. Правда, на другой стороне есть надпись, которая гласит, что это монета Центрального банка

государств Западной Африки. А в чьих руках этот банк? Это мы уже знаем. Французские советники следят за финансами внутри молодых государств, входящих в Зону франка¹.

Как можно быть полным хозяином в своей стране, если всеми ее деньгами распоряжаются иностранцы? И вот получается, что достигнутая некоторыми бывшими французскими колониями в Западной Африке свобода еще не стала настоящей свободой, а независимость — полной независимостью. Молодые государства могут делать лишь то, на что выделяет им деньги находящийся в Париже банк, в котором хозяйничают вчерашние колонизаторы, ни за что не желающие расстаться со своими прибылями. Они уже не могут, как раньше, открыто командовать Западной Африкой. Но с помощью контроля над деньгами они влияют на политику стран Зоны франка. Какие строить заводы, что выращивать на полях, с кем торговать, сколько платить рабочим — ни один из таких важных вопросов африканцы не могут решить сами, без согласия французов.

В столице Республики Берег Слоновой Кости теперь находится в четыре раза больше французов, чем когда страна была колонией Франции, и французы занимают все сколько-нибудь важные посты в банках, конторах, фирмах.

Государство в государстве

«Государством в государстве» называли перуанцы американскую компанию «Серро-де-Паско», которой много лет принадлежали богатейшие медные рудники и обширные земли, с которых были согнаны их законные владельцы — перуанские крестьяне. Ни один перуанец без разрешения не мог ступить на землю компании, огороженную колючей проволокой. А за оградой — свои законы, своя полиция, свои тайны. Американская компания не желала считаться с законами государства, на территории которого она хозяйничала. Рабочие-перуанцы, которых нужда заставляла идти на рудники этой компании, не имели никаких прав. Их труд был тяжел и опасен, а зарабатывали они гроши.

Шли годы, но ничего не менялось за колючей проволокой во владениях «Серро-де-Паско». Все более мощные экскаваторы прибывали из Соединенных Штатов, чтобы проворнее выгрести из перуанской земли ценную руду.

Сколько прибылей получили американские бизнесмены! А Перу? Ничего. Даже жилые дома, больницы и школы, которые компания обязана была построить по перуанским законам, не появлялись. Долго терпели рабочие-перуанцы беззаконие и несправедливость. Но все громче раздавались возмущенные голоса.

¹ Зона франка — западноафриканские страны, бывшие колонии Франции, денежные системы которых регулирует Франция.

Управляющих компании не устраивало, что они не могут по своему расправиться с недовольными рабочими. Перу — не колония, она — независимая страна. Хозяева американской компании не могли пойти на прямое насилие, на кровопролитие. Тогда они стали провоцировать рабочих. Их агенты пробрались в профсоюзы горняков. Притворяясь защитниками рабочих, они уговаривали их ломать машины, не выходить на работу, хуже работать, нарушать дисциплину, хулиганить. Так американцы хотели доказать правительству Перу, что без крутых мер справиться с рабочими невозможно. А чтобы еще сильнее воздействовать на правительство, компания стала понемногу уменьшать добычу руды, свертывать работы, увольнять рабочих. Ее расчет был прост: увеличится безработица, в бюджет страны будет поступать меньше налогов, сократится торговля, и расстроится вся экономика небольшого государства. Тогда правительству поневоле придется поддержать компанию и жестоко наказывать рабочих.

Неспокойно стало на шахтах и рудниках. Заволновались рабочие в мастерских, на принадлежащих компании железных дорогах, причалах в портах. Обстановка накалялась.

Приближался Новый год. В Перу это — разгар лета, время веселья и рождественских карнавалов. С чего начнется новый, 1974 год? Неужели правительство отдаст рабочих на полный произвол иностранной компании? Этому не хотели верить. Ведь совсем недавно, проявляя заботу о самых бедных семьях, правительство ввело бесплатное медицинское обслуживание матери и ребенка и вообще неоднократно заявляло о своей решимости положить конец хозяйничанию иностранцев.

В самый канун Нового года радио разнесло долгожданную весть: правительственным декретом весь горнодобывающий и металлургический комплекс, принадлежащий американской компании «Серро-де-Паско», был объявлен собственностью перуанского государства.

Это был самый веселый Новый год, какой только помнили перуанцы. Рабочие срывали с ворот шахт, рудников и заводов ненавистные американские вывески и вместо них водружали национальные флаги своей республики.

То, чем владела раньше компания «Серро-де-Паско», принадлежит теперь государственному комбинату «Сентромин». Рабочие сразу же почувствовали перемену. «Сентромин» проявляет большую заботу об их нуждах. И работать стали они совсем иначе. Ведь теперь их труд создает не прибыль для иностранных капиталистов, а богатство перуанского народа.

Перу — не единственная страна, где захваченные заморскими капиталистами богатства возвращены народу. Но во многих бывших колониях старые хозяева по-прежнему распоряжаются чужими богатствами. И потоки золота продолжают течь в их карманы и кошельки.

Щедры наделены развивающиеся страны плодородной землей и солнцем, ценными деревьями и растениями, подземными сокровища-

ми. Но главное их богатство — люди. Пока миллионы этих людей работают на других, не избавиться им от голода и нищеты. А цель бывших колонизаторов как раз в том, чтобы заставить их наняться к иностранным эксплуататорам.

Лишь очень немногие из молодых государств могут сами строить современные фабрики и заводы. Машины и станки, моторы и подъемные краны — все, что нужно для строительства заводов, везут туда капиталисты из Северной Америки, Западной Европы, Японии. И многие заводы, построенные в бывших колониях, принадлежат этим капиталистам.

Богата нефтью Колумбия. Но день и ночь перекачивается «черное золото» в трюмы океанских танкеров. Нефть Колумбии принадлежит не ее народу, а американской нефтяной компании «Техас петролеум компани».

На многих заводах Мексики — вывески американских фирм.

Почти половина всех американских телевизоров изготавливается заграничными филиалами американских фирм, расположенными и в развивающихся странах.

Около тысячи фабрик и заводов на территории Индии принадлежат американским, английским, западногерманским фирмам.

Зачем строить свои фабрики и заводы в других странах? Почему эти страны так привлекают капиталистов сейчас, когда уже нет больше работорговли и бывшие колонии стали самостоятельными? А все дело в том, что заработная плата в этих странах в десять, а иногда и в двадцать раз ниже, чем в Штатах или в Западной Европе. И работают там в течение недели дольше. Поэтому и прибыль от построенных фабрик и заводов намного выше.

Выгодно для капиталистов? Выгодно! А для народов? Нет!

И народы продолжают борьбу.

«Открытый город»

Порт-Саид — египетский город на Суэцком канале. Но чтобы попасть в Порт-Саид, египтянин должен пройти таможенный досмотр, как будто он отправляется за границу. Город отделен от всего остального Египта таможенным барьером.

Такой порядок введен в 1976 году, когда египетское правительство объявило Порт-Саид «свободной зоной». Свободной не для египтян, а для иностранных капиталистов, которым разрешено открывать здесь свои предприятия и заставлять египетских рабочих работать на себя. При этом иностранные фабриканты даже освобождаются от налогов. А египтяне при переезде из Порт-Саида в другие районы Египта должны уплачивать таможенную пошлину за все товары, которые они везут с собой.

В Порт-Саиде имеют хождение деньги разных стран, не только египетские фунты.

Странный город Порт-Саид — и египетский и неегипетский! Пока из-за нападения Израиля на Египет в 1967 году был закрыт Суэцкий канал и Порт-Саид находился в зоне военных действий, город был сильно разрушен, многие его жители бежали в глубь страны.

Летом 1975 года, после изгнания израильских войск с берегов Суэцкого канала, эта важнейшая морская дорога снова открылась для всех кораблей мира. Порт-Саид надо было восстановить в кратчайший срок. А средств на это у Египта не хватало. Вот и решили «открыть» город для иностранных капиталистов: пусть они вкладывают свой капитал в новые фабрики, дома, магазины.

Это — «добровольная» зависимость от чужеземцев.

Государственный переворот

В Чили, где во главе независимого государства встал передовой политический деятель президент Сальвадор Альенде, фабрики и заводы, которые принадлежали американским и другим капиталистам, были конфискованы у них и переданы народу.

Рабочие взяли в свои руки и большую текстильную фабрику братьев Командари, наживших на их труде огромное состояние.

Нелегко было рабочим управляться с фабрикой. У них не было еще опыта и умения. Если ломались машины, их было трудно починить: они ведь американского производства, а американцы отказывались продавать Чили запасные части.

Но рабочие не сдавались. Они сами, вручную, на своих тисках, с помощью простых инструментов делали сложные запасные части, лишь бы только фабрика работала, только бы народ не остался без тканей.

На своей фабрике и на себя работали рабочие не за страх, а за совесть.

Десятимиллионный чилийский народ оградил себя от бессовестной эксплуатации. Двести миллионов долларов годовой прибыли одни только американские капиталисты выкачивали из Чили!

Крестьяне страны получили землю, отобранную у помещиков и иностранных плантаторов. Казалось, перед чилийским народом открылся путь к долгожданной счастливой жизни.

Но пока чилийцы налаживали свое хозяйство, в конторах американских компаний шли секретные совещания бывших хозяев чилийских богатств.

Штабом заговора против народной республики Чили стала контора крупнейшей американской компании ИТТ¹. Эта компания имеет свои заводы, делающие телефоны и оборудование для предприятий средств связи. Ей принадлежат линии телефонной и телеграфной связи между

¹ ИТТ — Международная телефонно-телеграфная компания, одна из самых крупных монополий США и всего мира.

многими странами. Она опутала своей сетью международных линий и станций весь мир, кроме социалистических стран.

Первое секретное совещание руководства ИТТ было созвано в тот самый осенний день 1970 года, когда по собственным телеграфным проводам этой компании пришло в США известие о победе народного единства на выборах в Чили.

— Это ужасно! — говорил на совещании один из директоров.

— Что же мы можем предпринять? — спрашивал его другой директор. — В старые времена достаточно было послать к берегам непокорной страны один-два крейсера, а если страна невелика, то и одну канонерку, и все становилось на свои места. Вспомните, сколько раз части нашей морской пехоты высаживались на берегах латиноамериканских стран. Тогда нам нечего было беспокоиться за судьбу нашего имущества в чужих краях. Но теперь все это стало невозможным. Против Чили надо придумать что-нибудь другое.

— Положение не так безнадежно, как может показаться с первого взгляда, — заявил опытный разведчик, много лет руководивший шпионской сетью США. Он тоже состоял членом правления ИТТ. — Не думайте, что в Чили все довольны новой властью. Скоро Альенде начнет отбирать землю у помещиков. И вот тогда-то нам нетрудно будет набрать себе союзников среди тех, кто потеряет богатство, захваченное еще их далекими предками. И в городах тоже найдутся наши друзья. Там ведь не только лачуги рабочих, но и дворцы уважаемых граждан. Если дать оружие всем нашим друзьям в Чили, может получиться если не армия, то уж, во всяком случае, полк. А потом...

— Кстати, об армии, — перебил разведчика уже оправившийся от первого испуга председатель совещания. — Не забывайте, что офицеры и генералы чилийской армии — это тоже помещики и капиталисты. Непременно надо связаться с ними. Но сделать это тайно, чтобы об этом никто не мог узнать.

И появились среди пассажиров самолетов, курсирующих между аэропортами Северной Америки и Сантьяго, столицей Чили, люди неопределенных занятий, без обычного тяжелого багажа. Они везли шифрованные депеши, они были связными между директорами ИТТ и ненавидевшими народную власть генералами чилийской армии.

Как-то раз в редакцию одной из американских газет вбежал взволнованный журналист. В кабинете редактора он достал из портфеля листы бумаги. На каждом пометка: «Секретно». Это были копии писем, отправленных из главной конторы ИТТ. Редактор не верил своим глазам.

Черным по белому в одном из писем было написано: «В Чили мы продолжаем обращаться к отдельным представителям вооруженных сил в попытке побудить их возглавить восстание».

— Откуда у вас эти письма? — спросил редактор.

— Друзья Чили, которые не хотят, чтобы по вине ИТТ там лилась кровь, достали эти письма. Вы сможете напечатать их в газете?

— Да. Только, надеюсь, вы понимаете, как это опасно и для меня и для вас? Вы не боитесь мести всемогущей компании?

Письма были напечатаны. Но даже и разыгравшийся скандал не остановил заправил ИТТ. В союзе с другими заинтересованными компаниями, стремившимися вернуть свое бывшее положение в Чили, они продолжали обрабатывать чилийских генералов. Как стало известно уже потом, им в этом усердно помогало Центральное разведывательное управление США — главный шпионский центр американского правительства.

Наступил роковой день 11 сентября 1973 года. Рано утром адмиралы, поднявшие по сигналу тревоги военно-морские части, захватили портовый город Вальпараисо, ближайший к столице морской пункт страны. Начался военный мятеж изменников против избранного народом законного правительства Чили.

Президенту Альянде верные ему люди предложили самолет для бегства за границу: было ясно, что только так можно спасти его жизнь. И он сам понимал это, но отказался.

— Никакая революция, — сказал он, — не может победить, если ее руководитель не способен встретить опасность в трудный момент и бороться до конца.

И он отправился на свой боевой пост — в президентский дворец Ла Монета, прекрасно зная, что именно этот дворец будет первой мишенью.

Как хотели мятежники, чтобы президент сам отказался от власти, подписал бумагу об отставке, чтобы была соблюдена хоть какая-нибудь видимость законности! Они обещали Альенде сохранение его жизни, всякие блага для его семьи. Сам главарь банды мятежников Пиночет лично уговаривал Альенде по телефону. Но президент без колебаний отверг все предложения пойти на сговор с врагами своего народа.

— Я не сдамся,— смело бросил он в лицо предателям.— И не покину дворца. Угрозам подчиняются только трусы. Такие, как вы...

Одна радиостанция еще не была захвачена мятежниками, хотя и вокруг нее уже стояли танки Пиночета. И она передала последние слова законного президента демократического Чили:

— Да здравствует Чили! Да здравствует чилийский народ! Да здравствуют трудящиеся!

Под пулями мятежников работники радиостанции перед включенными микрофонами пели гимн, и их песня, сопровождаемая вместо музыки очередями из автоматов, неслась над страной, обреченной на кровавую трагедию.

Альенде сжимал в руках автомат, незадолго до этого подаренный ему Фиделем Кастро. Одна за другой рушились стены древнего дворца от взрывов ракет, выпущенных с военных самолетов. Танковые пушки и артиллерийские орудия вели непрерывный обстрел Ла Мonedы.

Мятежники врываются в парадный Красный зал дворца, где за баррикадировались верные президенту люди во главе с ним самим. Капитан Гарридо в упор выпускает автоматную очередь в грудь Альенде...

К власти пришла кровавая военная хунта, установившая фашистскую диктатуру.

В первые же месяцы хозяйничания хунты американские предприятия, перешедшие в руки рабочих в годы народной власти, были возвращены к прежним владельцам. В том числе, конечно, и предприятия ИТТ.

Фашистская хунта ввела новый закон, который гарантирует сохранность капиталов и предоставляет большие привилегии любой иностранной фирме, желающей построить в Чили фабрику или завод для эксплуатации чилийских рабочих.

А тех рабочих и руководителей, которые честно трудились в годы народной власти, ждала жестокая кара, месть фашистов. Те, кто чудом избежали тюрьмы, колючей проволоки концентрационного лагеря или смерти от пуль фашистских налетчиков, оказались на улице. Их выгнали с работы. Полтора миллиона человек оказались безработными, их выселили из квартир, предоставленных правительством Народного единства.

Заговор американских банкиров и внутренних врагов народа Чили отбросил эту страну далеко назад.

Государство народа

Кубу называют островом Свободы. А ведь до 1 января 1959 года была она страной, где хозяйничали американские империалисты.

Теперь Новый год для Кубы — не простой праздник, отмечающий определенный отрезок времени, как во всех странах мира. Это — годовщина революции.

Еще в 1958 году почти треть населения Кубы была безработной. В этой небольшой стране целый миллион мужчин и женщин был неграмотным. На всем острове была только одна сельская больница. Тысячи и тысячи людей постоянно голодали. Свирипевствовали эпидемии.

Зато американские компании получали большие прибыли — ведь почти все плантации сахарного тростника, почти все сахарные заводы принадлежали им, а не кубинскому народу. Самыми дорожными повсюду считались кубинские сигары «Гавана». А кубинцы, выращивавшие табак, получали за свою работу жалкие гроши. На табачных фабриках работали почти исключительно дети. Только тонкие и гибкие ребячьи пальцы были способны сворачивать дорогие сигары. От непосильного труда в темных и сырых помещениях, полных табачной пыли, дети болели и умирали. А платили им намного меньше, чем взрослым.

Со всем этим покончила январская революция. Куба стала первым социалистическим государством в Западном полушарии.

Земля была объявлена собственностью народа. Основные средства производства принадлежат сейчас государству. С зависимостью страны от американского империализма покончено полностью. Хозяином страны стал народ. Выросли новые фабрики и заводы. Они тоже принадлежат народу. Самые тяжелые работы на полях выполняют теперь машины. Все дети ходят в школы. На Кубе забыли, что такое детский труд.

Остров Свободы не остается безучастным к судьбе других народов, борющихся за свое освобождение. Когда на только что освободившуюся Анголу напали полчища врагов, Куба протянула ей руку братской помощи. Кубинские добровольцы сражались в одних рядах с ангольскими воинами и общими силами изгнали интервентов из этой африканской страны.

Пример Кубы зовет освободившиеся страны к новой жизни.

...На другом краю света находится Вьетнам. Еще недавно было два Вьетнама — Демократическая Республика и Южный Вьетнам: потерпев сокрушительное поражение от вьетнамских партизан, колонизаторы пожертвовали северной половиной Вьетнама для сохранения своей власти в южной.

Единокровный народ был разделен искусственной границей, проведенной прямо по 17-й параллели.

Демократическая Республика Вьетнам стала социалистическим государством и так же, как Куба, вошла в мир социализма.

Но борьба не была закончена. Пока Южный Вьетнам находился под властью колонизаторов, об окончательной победе не могло быть и речи.

И южные вьетнамцы поднялись на партизанскую войну.

Однажды колонизаторы с удивлением обнаружили, что во вьетнамских городах и деревнях стали исчезать из обращения медные монеты. Они, конечно, не могли знать, что монеты собирают патриоты и тайком переправляют в джунгли. Там в модельных печах ремесленники переплавляют монеты в пули для партизан.

С каждым годом все больше отличалась жизнь вьетнамцев Севера и Юга. В Демократической Республике Вьетнам помещики были изгнаны, вся земля отдана крестьянам. Работали на этой земле сообща, справедливо делили урожай. С помощью Советского Союза и других социалистических стран было построено много современных фабрик и заводов, производящих разные товары для народа. Не осталось ни одного ребенка, который не мог бы попасть в школу.

Южный Вьетнам был превращен в военный лагерь американского империализма. Все несчастья и тяготы выпали на долю жителей Юга.

17-я параллель разделила многие семьи: оставшиеся на Юге дети уже не могли увидеть своих родителей, живших на Севере. Единство страны стало мечтой вьетнамского народа.

И ни американские бомбы, ни сбрасываемый с самолетов напалм, ни танки и пушки — ничто не могло подавить стремление народа к освобождению и объединению.

Самая сильная держава капиталистического мира — Соединенные Штаты Америки — отступила. Победа Вьетнама стала фактом.

В 1976 году вьетнамский народ избрал единый парламент — половина депутатов была избрана на Юге, половина — на Севере. Долгожданное объединение страны состоялось.

Объединенная страна стала называться Социалистической Республикой Вьетнам.

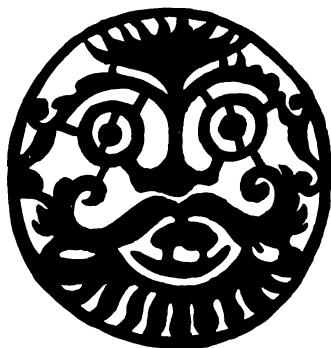
Победа Вьетнама и его объединение было важным событием.

Сразу же изгнали американских колонизаторов и соседние с Вьетнамом страны — Лаос и Камбоджа (с 1979 года — Народная Республика Кампучия).

Госпиталь в пещере

Едва заметная тропа шла сквозь непроходимые джунгли, огибала высокую скалу, и только здесь среди густой зелени можно было пристальным взглядом различить сбитую из толстых досок дверь. И то если вел тебя проводник. А одному и вовсе не найти: пройдешь в двух шагах и не заметишь. Дверь прямо в скале! И ведет она в подземный госпиталь. Почему же подземный?

А вот почему.

В 1964 году территорию, освобожденную силами патриотического фронта Лаоса, стали бомбить американские самолеты. Госпиталь размещался тогда на поверхности земли, в бамбуковых постройках, упавших в зарослях. И во время одного из жестоких налетов бомбы попали в помещение с ранеными. Тридцать семь человек погибло, были уничтожены лекарства и перевязочные материалы, с таким трудом доставленные в глубины Лаоса из Москвы, Варшавы и Берлина.

И вот пришлось спрятать госпиталь глубоко под землей. Сделать это было нетрудно. В гористых джунглях Лаоса много пещер и гротов. Их расширили, оборудовали лестницами, дверьми и дополнительными перегородками и превратили в самый настоящий лечебный городок. Потом такие же городки появились и в других местах.

Но работать в подземном госпитале было нелегко. С каменных сводов капала вода, от сырости на всех предметах появилась плесень, лекарства портились, раненые страдали от отсутствия солнца, дневного света. Попробуйте в таких условиях сделать операцию! Но хирурги делали чудеса и спасали жизни бойцов, проливших кровь за освобождение страны.

Главным врачом госпиталя был хирург Чангсамон. Он посвятил этому делу всего себя. Будучи совсем молодым парнем, стал санитаром, потом — братом милосердия.

Затем его послали учиться в медицинский институт в Демократической Республике Вьетнам. С дипломом хирурга вернулся он в пещерный госпиталь.

— Враги все время стараются найти место, где мы спрятали наш

госпиталь,— рассказывал доктор Чангсамон польской журналистке Монике Варнеске, которая смогла пробраться сквозь заслоны карателей в освобожденные районы Лаоса и провела два года в джунглях, среди отважных патриотов.— Однажды район нашего госпиталя бомбили без перерыва двое с половиной суток. Но ни один человек не погиб: родная земля надежно защитила нас от вражеских бомб.

Более десяти лет шла война за свободу Лаоса. И Лаос победил! Из страны, разобщенной и раздробленной колонизаторами, из края, где долгие годы царило безжалостное угнетение, превратился он в самостоятельное демократическое государство, провозгласившее своей целью социализм.

Пройдя дорогой мучений и жертв, лаосский народ вышел на новый, светлый путь. В 1975 году на месте полуфеодальной монархии была образована Лаосская Народно-Демократическая Республика. Безземельные крестьяне получили от революционной власти земли, отобранные у феодалов. Крестьяне создают бригады взаимопомощи. Это — первый шаг на пути создания крупного социалистического сельского хозяйства. В стране до сих пор нет еще ни одной железной дороги. Но уже разработаны планы строительства социалистической индустриальной базы. Укрепляются братские лаосско-советские связи.

Шри Ланка

В 1948 году перестал быть английской колонией Цейлон — огромный остров, расположенный рядом с Индией и очень щедро одаренный богатствами природы.

В 1972 году народ назвал свою страну Республикой Шри Ланка, что означает Прекрасная земля (или Благословенный остров, как и назывался он в древности).

Первыми, еще в XVI веке, Цейлон захватили португальцы, затем в XVII веке — голландцы. Но хуже всех оказались сменившие в конце XVIII века голландцев англичане. Они отобрали у местного населения землю, на месте риса, нужного, как хлеб, насадили сначала кофейные плантации, потом чайные и, наконец, каучуконосные, в частности гевею, вывезенную тайком из Бразилии.

Для работы на плантациях англичане ввозили людей из своей соседней колонии Индии, причем ввезли столько же, сколько осталось в деревнях работников-цейлонцев, а сами цейлонцы, лишённые и земли и работы, были обречены на нищету и вымирание. И это в стране, которую называли благословенной!

Колонизаторы довели Цейлон до такого состояния, что до сих пор приходится стране ввозить из-за границы рис — основной продукт питания населения.

Во времена господства англичан на острове почти не осталось стариков: люди умирали молодыми.

Но считалось, что умершим молодыми еще повезло: чаще всего

умирали детьми. Из тысячи рождавшихся сто сорок не доживали до своего первого дня рождения.

И только многодетные семьи могли надеяться, что из десяти — двенадцати детей хотя бы двое или трое станут взрослыми и смогут помогать своим родителям. Родственные крестьянские семьи объединялись в общины человек по сорок — пятьдесят: сообщца все же было хоть немного легче преодолеть нищету и голод.

И вот теперь, в наши дни, хозяином Шри Ланки постепенно становятся коренные жители острова. Все больше появившихся на свет детей остаются жить, становятся взрослыми. Но от последствий колониализма сразу не избавишься. Жизнь все еще тяжела. Очень трудно найти работу.

Как и во всем мире, на дорогах страны появляется все больше автомобилей. Но фабрик и заводов в своей колонии англичане не строили. Все — от простого гвоздя до автомобилей — ввозилось из Англии. Ввозились и автомобильные шины. И это туда, где сто лет назад были высажены первые саженцы гевеи и которая долго была главным поставщиком каучука для шинной промышленности всего мира! Дешевый каучук увозили для переработки в Англию. Резиновые изделия привозили из Англии на Цейлон и продавали по высоким ценам. Так колонизаторы «делали золото», наживаясь на бессовестном грабеже.

Еще не со всеми своими плантациями расстались английские компании и сегодня. Но быстро растет собственное хозяйство Шри Ланки, строятся заводы, принадлежащие народу, все больше земли получают безземельные крестьяне, создаются сельскохозяйственные кооперативы.

Недалеко от столицы Республики Коломбо, в маленьком городке Келании, широкая лестница с бесчисленным количеством ступеней ведет к величественной колоннаде буддийского храма, который был воздвигнут еще полторы тысячи лет назад. Сохранившиеся на его стенах фрески рассказывают о жизни Будды. Огромная статуя лежащего божества поражает воображение посетителей храма. Искусно сделанные изображения слонов и лотосов утопают в живых цветах. Тысячи людей приходят сюда, чтобы своими глазами увидеть, как высока была культура древних ланков.

В парке рядом с храмом — аудитории, библиотеки и общежития университета, где учится молодежь. Во времена английского владычества они не могли об этом даже и мечтать.

Вблизи древней Келании совсем недавно вырос шинный завод. Теперь из собственного каучука автомобильные шины будут делать в Шри Ланке. Это — важнейший и серьезнейший шаг к экономической независимости, это — новые рабочие места, новые профессии и нормальная трудовая жизнь вместо вынужденной безработицы и нищеты. Превосходные ланкийские шины охотно покупают сейчас многие страны.

Еще недавно сооружение современного завода в отсталой по ми-

лости колонизаторов стране считалось неосуществимым. Как же свершилось такое «чудо»? Шри Ланке помог Советский Союз. Наши инженеры помогали проектировать завод, работали на его строительстве, налаживали изготовленное по последнему слову техники советское оборудование. Использовались ланкийские материалы: ведь в Шри Ланке есть теперь и собственный металлургический завод. Построен он также с помощью Советского Союза, на нем тоже советские машины. На месте небольшой деревушки Орувела вырос современный промышленный город. А на заводе работает много молодых рабочих, фамилия которых Орувела. Ведь в этой деревне люди раньше не имели фамилий, теперь фамилией их стало название родной деревни. Так же называется и молодой завод. Многие ланкийцы по фамилии Орувела ездили в СССР учиться варить сталь. Они практиковались на знаменитом Макеевском металлургическом комбинате.

В Орувеле зазвучала русская речь.

КУТЬ-МИНАР И БАКРА-ДЭМ

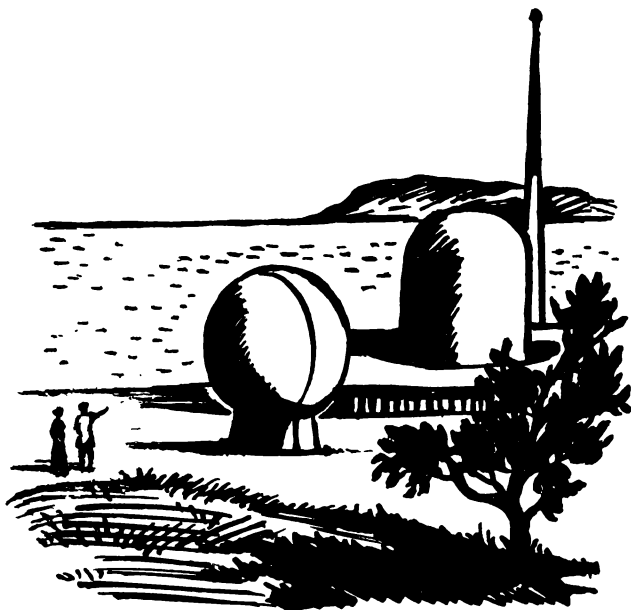
То, что произошло в Орувеле, становится обычным для многих развивающихся стран. Советский Союз оказывает большую помощь шестидесяти трем государствам. Около двух тысяч заводов, фабрик, шахт, электростанций, институтов, построенных с его помощью, меняют облик молодых государств, помогают его народам полностью покончить с тяжелым наследием, оставленным им колонизаторами.

В первые годы после освобождения даже простые мотыги, которыми индийские крестьяне рыхлили землю на своих участках, ввозились из Англии. А сейчас сталь, выплавляемую в Индии, покупают не только другие развивающиеся страны, но и Франция, и Япония, и даже Англия. Больших успехов добился металлургический завод в Бхилаи, построенный в Индии с помощью СССР. Самый большой в развивающемся мире металлургический завод Бокаро построен в Индии тоже с помощью СССР. Неожиданные для себя новинки могут увидеть в его цехах специалисты-металлурги из самых старых и известных промышленных центров Англии.

На окраине индийской столицы Дели возвышается величественный памятник средневековья Кутб-Минар — Башня победы, сложенная из оранжевого камня еще в XII веке. Туристы из всех стран мира задирают голову, чтобы увидеть где-то высоко, в самом синем небе, верхушку этой башни. Этой башней какой-то полководец древности, имя которого уже никто не помнит, пожелал увековечить себя. Но увековечил он искусных мастеров, вложивших свой труд и талант в это замечательное сооружение.

Семь столетий простояла башня.

Совсем по-другому выглядят монументы новой Индии. Чтобы напоить водой засушливые земли штата Пенджаб, на реке Сатледж

построена одна из самых высоких в мире плотин — Бакра-дэм. Она в три раза выше Кутб-Минара и верно служит людям. На многие сотни километров тянутся от нее оросительные каналы. Вода из водохранилища приводит в движение гидротурбины большой мощности. На многих турбинах — марка ленинградского завода «Электросила». «Завод заводов» по типу нашего Уралмаша построен с помощью Советского Союза в индийском городе Ранчи. Он выпускает такие машины, что теперь Индия сама, без чьей-либо помощи, может строить у себя предприятия, которые еще недавно были новинками в Штатах и в Англии.

В 1969 году в Индии вступила в строй первая атомная электростанция. Все оборудование для нее пришлось купить за границей. Четвертая атомная электростанция в Нарора целиком проектируется индийскими инженерами. Почти все оборудование для нее — индийского производства. Индийские инженеры самостоятельно создают сложнейшие системы электронно-вычислительной техники. Крупным центром мировой ядерной науки стал индийский атомный исследовательский центр в Тромбее, рядом со старинным городом Бомбеем.

КОРАБЛИ СТОЯТ В ОЧЕРЕДИ

Взгляните на карту Африки. Почти пятьдесят молодых государств расположены на этом материке. Многие омываются водами Атлантического и Индийского океанов. Но есть и такие, которые расположены далеко от морского побережья. А ведь именно по морю идут в Африку новые машины и оборудование для заводов и фабрик, строительные материалы и товары. По морю же доставляются в самые отдаленные уголки земного шара и африканские товары. Вот почему для африканских стран так важны порты.

Но в наследство от колонизаторов осталось Африке очень мало портов. Издавна эксплуатировали колонизаторы исключительно грузчиков-африканцев, которые нескончаемыми веренищами брели с берега на корабль и обратно, неся на спинах тяжеленные мешки и ящики. Подъемный кран был в диковинку. Порты не соединялись дорогами с глубинными районами Африки. Кроме того, порты эти так малы, что выстраиваются возле них очереди кораблей, ожидая, пока освободится причал и они смогут сгрузить привезенные товары. Нет дня, чтобы в нескольких милях от берега у столицы Танзании Дар-эс-Салама не стояло на рейде двенадцать, а то и пятнадцать грузовых кораблей, которым нет места у причалов. Ведь через Дар-эс-Салам грузы идут не только в Танзанию, но и в соседнюю Замбию, которая не имеет собственного выхода к океанскому побережью.

Только недавно построена единственная железная дорога, соединяющая Замбию с Дар-эс-Саламом. Это хорошо, но в то же время означает, что еще больше грузов будет прибывать в Дар-эс-Салам и, стало быть, еще дольше будут стоять в очереди корабли.

На противоположной стороне Африки находится самая большая страна этого континента — Нигерия. Ее главный порт — Лагос. Здесь суда стоят по нескольку месяцев. Лишь судам, прибывающим из Советского Союза, открывается «зеленая улица» — их разгружают вне очереди: они привозят то, что в первую очередь необходимо — мощные грузовики, тракторы.

У молодых африканских государств пока еще нет своего морского флота, и пароходные компании капиталистических стран, пользуясь этим, требуют высокой платы за перевоз грузов. Да еще за каждый час простоя судна берется дополнительная плата. Чем дольше стоит корабль в очереди, тем дороже становятся привезенные им грузы, тем больше денег приходится платить и без того небогатым странам.

Два миллиарда долларов в год выплачивали страны Латинской Америки иностранным судовладельческим компаниям за перевозки их грузов по морским дорогам. Это намного больше, чем когда-то лихие пираты, предки нынешних судовладельцев, добывали на просторах Атлантического океана морским разбоем.

Чтобы освободиться от этой тяжелой дани, восемь стран, расположенных на берегах Карибского моря, — Куба, Мексика, Колумбия, Венесуэла, Панама, Ямайка, Никарагуа и Коста-Рика — в конце 1975

года создали свою собственную объединенную судоходную компанию. Половина всех грузов этих стран перевозится по морям на кораблях, принадлежащих Карибской судоходной компании.

Свои торговые суда нужны развивающимся странам не только для прекращения грабежа, который ведут судоходные монополии капиталистов. Не имеющие своего флота, молодые страны оказываются беззащитными перед этими монополиями. Например, главное богатство Венесуэлы — нефть — много десятилетий принадлежало магнатам Соединенных Штатов и Англии. Заокеанские хозяева венесуэльской нефти были спокойны за свое богатство, хотя и знали, что народ Венесуэлы требует национализации нефтяной промышленности.

«Если даже правительство Венесуэлы и проведет национализацию нефтяной промышленности, — говорили они, — то Венесуэла не сможет сама доставлять нефть в места назначения, так как у нее нет собственных танкеров».

Но вот над нефтяной скважиной около венесуэльского поселка Мене-Гранде, под звуки национального гимна и артиллерийского салюта, перед огромной толпой венесуэльцев президент республики Карлос Андрес Перес поднял трехцветный флаг своей страны. Солдаты почетного караула были одеты в форму, которую полтора столетия назад носили воины освободительной армии Симона Боливара, боровшиеся за свободу Венесуэлы против испанского колониального гнета. Малиновые мундиры с желтыми полосами на груди и высокие меховые, с оранжевыми венчиками шапки-кивера как бы символизировали связь национализации нефти с освобождением Венесуэлы полтора столетия назад. «Здесь начинается будущее Венесуэлы», — гласили транспаранты, которые принесли с собой рабочие-нефтяники.

Свои суда появились и у Индии, и у арабских стран.

Новые большие порты с мощной современной техникой и хорошими дорогами в глубь страны, собственный торговый морской флот — все это постепенно создается в развивающихся странах.

НЕУДОБНОЕ УДОБСТВО

«Правь, Британия, морями!» Это слова из английского государственного гимна. Вряд ли можно назвать их словами джентльмена — до того некорректно и невежливо звучат они по отношению к другим странам... Но факт остается фактом: были времена, когда по морям и океанам плавало английских кораблей гораздо больше, чем каких-либо других. Потом на первое место вышел флот Соединенных Штатов Америки. А сейчас?

А сейчас самым крупным торговым флотом считается флот крохотной африканской страны, где живет всего полтора миллиона человек, то есть почти в пять раз меньше, чем в Москве, Либерии (в переводе — «Свободин»).

Как же так? Неужели Либерия обогнала и Штаты, и Британию, и Японию?

Это не только странно, но и удивительно. И даже подозрительно. В самом деле, чем и как можно было бы объяснить такую выдающуюся роль мини-государства в мировом судоходстве?

А секрет в том, что несметное множество кораблей, которые во всех направлениях снуют по волнам под либерийским флагом, принадлежат вовсе не Либерии. Все эти суда — большие, средние и малые, старые и новые, красивые и невзрачные — только лишь зарегистрированы в Либерии, приписаны к либерийским портам. А владеют ими международные монополии, в которые вкладывают свои деньги американские, английские, японские и другие капиталисты.

Судовладельцы разных стран предпочитают регистрировать свои корабли не в Штатах, не в Британии и не в Японии: там придется платить за регистрацию высокие налоги и там не регистрируют корабль, если он ненадежен.

А либерийский флаг, как говорят капиталисты, для них «удобен». Так же как флаг маленького государства Панама.

Но тут невольно приходит на память иное значение слова «панама» — крупное мошенничество. Именно «панама» налицо и здесь. Ведь с кораблями, плавающими под «удобными» флагами, часто происходят аварии в открытом море, и это стоит жизни обслуживающим их морякам. В этих случаях нефть, которую перевозят танкеры под «удобными» флагами, выливается прямо в море, нанося непоправимый ущерб природе и отравляя многие километры побережья. Кроме того, изворотливые судовладельцы выбирают обычно флаги тех стран, где нет профсоюзов, — чтобы в случае аварии за моряков не могли вступить их товарищи.

Вот и получается, что флаги, «удобные» для капиталистов, совсем не удобны для моряков!

«Я ОБВИНЯЮ!»

Весной 1949 года в Париже собрались сторонники мира. Объявляя очередного оратора, председательствующий, вместо того чтобы назвать его, сказал:

— Человек, за которым гонятся!

Одно мгновение царил в зале напряженная тишина. Но вот все увидели этого человека, и раздался гром аплодисментов.

Называть его было и не нужно: весь мир знал имя этого невысокого человека, маленькие черные глаза которого живо поблескивали на смуглом лице.

Пабло Неруда!..

Замечательный чилийский поэт, гордость народа, его слава и честь.

Всего три года прошло с того дня, как президентом Чили был избран Габриель Гонсалес Видéла. На выборах коммунисты поддер-

живали Виделу. Он ведь обещал такие реформы, которые могли бы значительно облегчить судьбу трудового люда. По поручению партии Неруда возглавил избирательную кампанию, сопровождал кандидата в президенты Виделу в его поездках по стране, агитировал голосовать за него.

Впрочем, никакой агитации и не требовалось: одно только появление Неруды было несомненно самым горячим словом. Ведь рабочие и крестьяне любили своего поэта. Они не раз прятали его от фашистских ищек.

Однажды Неруда читал стихи грузчикам Сантьяго. Это были стихи о том, что рабочие мира должны объединиться в своей борьбе со всеми и всякими угнетателями.

И когда он кончил, один из грузчиков с мешком на поясе и огромными руками встал и, запинаясь на каждом слове, произнес:

— Товарищ Пабло, мы всеми забытые люди... Мы, можно сказать, никогда не испытывали такого волнения...

И он вдруг заплакал.

Многие его товарищи тоже плакали.

И поэт почувствовал, что неудержимое волнение охватывает и его самого.

Блестящая карьера дипломата и салонного поэта ожидала Неруду. Но, честный человек, он ушел к тем, кто создает все ценности земли, он навсегда посвятил себя простому народу.

И Видела был доволен, что Неруда ездит с ним: ведь и простые люди отвечали поэту огромной любовью.

Именно благодаря Неруде Габриель Гонсалес Видела стал президентом. Благодаря коммунисту Неруде и всем коммунистам.

Но на следующий же день после выборов он позабыл и это, и все, что так щедро и легко наобещал.

Когда в стране начались забастовки обманутых и возмущенных рабочих, Видела перешел в открытое наступление на народ. По его приказу войска оккупировали шахтерский район. Возомнив себя при этом едва ли не полководцем, обманщик Видела назвал эту полицейскую акцию «первым сражением третьей мировой войны». И «взял в плен», то есть арестовал и заключил в концлагеря сотни и сотни чилийцев. Тысячи забастовщиков были лишены работы.

На что рассчитывал Видела? Как все предатели, конечно же, на поддержку США. И на то, что его верным помощником станет страх. Давно ведь известно: трусу кажется, что все кругом такие же трусы, как он сам.

Но вот в венесуэльской газете появилось «Дружеское письмо миллионам людей», в котором Пабло Неруда разоблачил предательство Виделы.

«Письмо» заканчивалось словами:

«...Я решил покинуть свое убежище на берегу океана и занять свой пост в первых рядах защитников свободы, подвергающейся весьма серьезной угрозе».

«Письмо» было перепечатано газетами разных стран.

Голос Неруды прозвучал на весь мир.

Убить поэта? О, как хотелось сделать это Виделе! Но он боялся поднять руку на такого известного человека.

Однако жажда мести не давала диктатору спать. И он приказал поджечь дом того, кто сделал его президентом. Да еще обвинил Неруду в государственной измене и подал на него в суд.

Он думал: Неруда испугается и скроется. Но он плохо знал Неруду!

Из обвиняемого поэт превратился в обвинителя.

Будучи сенатором, он явился на заседание сената и произнес там свою знаменитую речь, почти каждая фраза которой начиналась словами: «Я обвиняю...»

— Я обвиняю президента Габриеля Гонсалеса Виделу в государственной измене! Я обвиняю президента в том, что он продал демократию! Я обвиняю президента в том, что он передал фотоснимки военных объектов агентам Соединенных Штатов!.. Президент торгует не только землей Чили и трудом чилийцев — он торгует их кровью и жизнью! Я обвинен президентом Виделой именно за то, что я защищаю самостоятельность и независимость нашей родины... Мне не перед кем оправдываться. Меня не может судить никто, кроме самого народа. Когда минуют дни позора Чили, я отправлюсь в селитрянную пустыню и я скажу мужчинам и женщинам, которые пережили такое угнетение, такие муки, такое предательство: «Вот я здесь. Я обещал вам быть верным вашей мучительной судьбе, я обещал, если это понадобится, защищать вас моим разумом и моей жизнью. Скажите же, выполнил ли я свое обещание, и дайте мне или отнимите у меня единственное право, которое мне необходимо, чтобы жить честно: право на ваше доверие, на вашу надежду, на вашу любовь...»

Враги растерялись.

Никто не посмел и пальцем тронуть поэта.

Сойдя с трибуны, он медленно вышел на улицу, сел в такси и уехал.

...Когда Видела и его приспешники оправались от оцепенения, они организовали погоню. Потому-то и назвали Неруду в Париже «человеком, за которым гонятся».

С тех пор немало воды утекло. Неруды нет уже в живых. Но живет и борется его пламенное слово, не в бровь, а в глаз разящее сегодняшних «видёл» — предателей-генералов из захватившей в Чили власть фашистской хунты Пиночета:

Предатели-генералы,
посмотрите на мой мертвый дом...
Из каждого мертвого дома
вместо цветов
поднимается сталь...

ОН ОТДАЛ ДУШУ НАРОДУ

Стамбул. 1951 год. Весенняя полночь. Беззвездно и безлюдно. Туман. Высокий широкоплечий мужчина и хрупкая женщина переходят улицу. Они были в гостях и теперь возвращаются домой, в район Кадыкёй. Вдруг из-за угла, прорезая туман ярким светом фар, вылетает огромная автомашина. Она мчится с бешеной скоростью, готовая сбить одинокую пару. Женщина едва успевает схватить своего спутника за рукав и прямо-таки вырывает его из-под колес. Машина со свистом пронесется мимо.

— Опять охотятся за тобой, — говорит испуганно женщина.

Предотвращено новое покушение на человека, который лишь на днях освобожден из долголетнего заточения. Освобожден потому, что в защиту его выступил народ Турции и все народы.

Уже давно он ненавистен империалистам, которые лезут из кожи вон, чтобы экономически поработить Турцию.

Семнадцать долгих лет провел Назым Хикмет в мрачном каземате. Он был приговорен в общей сложности к 56 годам тюрьмы и дважды — к смертной казни. Его пытались убить и без приговора — в тюремном коридоре, на улице.

В тюрьме ему не давали писать. И он «записывал» стихи в собственной памяти, чтобы при случае передать их на волю. А там

его рукописи хранили в стеклянных банках, которые закапывали в землю. Одна его поэма пролежала в земле десять лет...

Стихи и пьесы Хикмета опубликованы почти на всех языках. Они известны во всех концах земли. Во Франции стихи поэта расклеивали на стенах домов, как плакаты и листовки.

Особенно много читают Хикмета в развивающихся странах. И это не случайно. Ведь всю свою жизнь и все свое творчество он посвятил разоблачению империалистов.

Еще в самом детстве Назым столкнулся с несправедливостью иностранцев, которых было в Турции довольно много и которые вели себя нагло, смотрели на народ турецкий свысока. Султан Абдул Хамид II был крайне жесток со своими подданными, но очень «ласково» и «нежно» относился к «фрэнкам»¹. Они были «государством в государстве», пользовались правом экстерриториальности, то есть не подчинялись турецким властям: имели свою почту, свой суд. Иными словами, иностранец, совершивший преступление на турецкой земле, не был подсуден турецкому суду.

В теплом городе Мерсине, на берегу Средиземного моря, где дед поэта Назым-паша был губернатором, какой-то пьяный англичанин ни за что убил турецкого мальчика. Его полагалось предать английскому суду. Но Назым-паша сам повесил убийцу. Султан выслал его, и это было еще хорошо. От «кровавого» султана Абдула Хамида можно было ждать за послушание и смертной казни.

Но Назым-паша не испугался даже султанского гнева, когда речь шла о чести турецкого народа.

Будущий поэт навсегда запомнил этот случай. И поклялся самому себе ни при каких обстоятельствах и чего бы это ни стоило, не давать спуску распоясавшимся пришельцам.

В ранней юности, учась в привилегированном военно-морском училище, Назым столкнулся с бессмысленной и жестокой муштрой, которую насаждали в турецком флоте немецкие инструкторы, присланные императором Вильгельмом: кайзер давно уже зарился на Турцию, стремясь прижать ее кованым прусским сапогом.

Немец-инструктор всячески издевался над курсантами. Однажды он приказал им одеться бежать в море. Но, воспользовавшись оплошностью унтер-офицера, Назым столкнул его с обрыва в воду.

За это и за участие в бунте на военно-учебном судне Хикмет был исключен из училища.

В первой мировой войне Турция участвовала на стороне Германии. И была разорена войной, подавлена нищетой и голодом.

В марте 1920 года англичане, французы и итальянцы оккупировали Стамбул. В проливы Босфор и Дарданеллы вошел флот Антанты. На столицу Турции были наведены дула вражеских орудий. Жители столицы попрятались, опасаясь выходить из дома. Умолк гортанный, жизнерадостный турецкий говор. Самодовольная речь

¹ Так полупрезрительно называли турки европейцев.

наглых чужеземцев раздавалась у собора Айя София и на берегу Золотого Рога.

Все больше и больше солдат и крестьян переходило на сторону генерала Мустафы Кемаля, обосновавшегося в Анкаре, в самом центре Анатолийского полуострова, и руководившего национально-освободительной войной. Хотя во главе кемалистского движения стояла буржуазия, защита Турции от пришельцев стала делом всенародным.

И вот изгнанный из училища Назым бродит по Стамбулу и думает: как помочь народу бороться против оккупантов.

И появляются стихи — «Пленник сорока разбойников». Разбойники напали на одинокого путника в лесу. Они жаждут крови, хотят четвертовать путника. Но путник выхватывает у одного из них топор и готов сразиться с превосходящими силами. Что это? Не призыв ли к борьбе? Да, конечно. Кто такой этот пленник? Турция. А сорок разбойников? Оккупанты...

Назыму удается напечатать это стихотворение, переносный смысл которого так и просвечивает сквозь строки, в одной стамбульской газете, редактор которой был глуп и не понял аллегории.

Но народ Стамбула сразу смекнул, о чем речь. Слава о молодом поэте, посмевшем выступить против захватчиков, с быстротой молнии разносится по городу. Но, говорят, слава — как перо жар-птицы — возьмешь его в руки — обожжет. И Назыма уже разыскивает оккупационная полиция, чтобы на первом же столбе вздернуть молодого смельчака.

Хикмету приходится бежать из Стамбула.

В 1921 году он попадает в Советский Союз, учится здесь в Коммунистическом университете трудящихся Востока, знакомится с Владимиром Владимировичем Маяковским.

Он называет нашу страну своей второй родиной. Но его ждет первая родина, и он торопится туда, чтобы продолжить борьбу за свободу и независимость Турции от иностранных толстосумов.

Больше всего на свете любил Назым свою землю, свой народ. «Таково сердце! — говорил он. — Ему иногда хочется сорвать с неба звезды и отдать их бедным крестьянам моей страны, чтобы они в темные зимние ночи могли осветить свои мрачные жилища, не имеющие ни лампы, ни лучины. Сердце не знает предела в своих желаниях...»

Однако, любя свой народ, поэт так же сильно и страстно любил все народы земли и прежде всего — угнетенные народы, к которым был он полон глубокого сострадания. В его стихах — думы обо всей Азии, Африке, Латинской Америке.

«Запад есть Запад, Восток есть Восток. И им никогда не сойтись». Так писал Редьярд Киплинг. Это слова убежденного империалиста.

И коммунист Назым Хикмет отвечал ему: нет, не Запад и Восток — враги навек, а Запад империалистов — враг Запада трудящихся, так же как Восток господ — враг Востока рабочих и крестьян. Не Запад и Восток должны сражаться друг с другом, а один Запад —

с другим Западом, один Восток — с другим Востоком. Два Запада, два Востока!

Пусть на Востоке, пусть во всем мире восстанут рабы! К этому призывал Хикмет. И поэтому с полным правом говорил поэт о себе:

Я их вопль.
Я их голоса.
Я — азиат.
Прошел тысячи миль.
Я кричу:
«Восток восстает!»

Он писал стихи не только о Турции, но и об Индии, где империалисты жестоко расправляются с революционерами и со всем народом. Об африканцах, которым те же империалисты не дают житья. И о тюрьме, о камере, в которой вот уже который год сидел он сам.

Турция — колония? Нет, не колония. До первой мировой войны она сама возглавляла Оттоманскую империю и владела колониями. И все же в наше время находится она в полузависимом экономическом и политическом положении.

И повинны в этом богачи, которые в любую минуту готовы предать свой народ:

Вы продали нашу страну,
омываемую тремя морями,
но вы будете уничтожены
вместе с вашими господами.
Вместе с теми, кто корабли смерти
привел из-за океана.
Вместе с теми,
кто поклоняется золоту и крови,
вы будете уничтожены.

Ненависть к поработителям и предателям — ко всем, всяким и разным — в каждой строке Назыма. Он возмущен приходом американских военных кораблей в турецкие порты. Они пришли «погостить»? Так пусть убираются ко всем чертям! Он издевается над Гитлером и Муссолини, его презирает Генри Форда.

Казалось бы, его не за что сажать в тюрьму. Но предлог находится всегда, в том числе и такой, как «оскорбление личности мистера Форда». Вот ведь как! Оказывается, в Турции есть у американского капиталиста защитники, то бишь вассалы...

Британская энциклопедия признает большой поэтический талант Назыма Хикмета, но с величайшим сожалением отмечает, что он убил свой талант, став «асом коммунистической пропаганды». Господам колонизаторам не нравится его прямота, его честность, а особенно — его призывы к свободе, его «вмешательство» в их дела.

Враги ощущают силу правдивых строк Назыма.

А он — он всегда был в железных рядах неутомимых борцов за свободу всех угнетенных:

...Я знаю, глядя на свет и на мрак:
на каждом километре
и на каждой морской миле
есть у меня друг
и есть у меня враг.
Друзья, с которыми я не встречался даже однажды,
но каждый из нас
за одну свободу,
за одно желание
умереть готов.
И враги,
те, которые крови моей жаждут,
и я жажду
пролить
их черную кровь.
Сила моя в этом мире большом
в том, что я не один.
Сила моя — в правде моей,
и путь мой всегда одинаков.
Я свою голову освободил
от вопросительных знаков.

Сила антиколониального фронта — в единстве. Это хорошо понимал Назым Хикмет.

В последние годы жизни¹, вырвавшись наконец из тюрьмы, он много путешествовал по странам Азии, Африки, Америки. И всюду принимали его как большого и доброго друга.

Пабло Неруда писал о своем собрате и единомышленнике:

Он высокий,
как башня,
стоящая среди мирных лугов,
а вверху —
два окна:
это глаза его
светятся светом Турции.
В смехе Назыма белеет весь рис,
что есть на земле,
устаи Назыма поет весь народ.
Его стихи — это нити
красной турецкой крови.

¹ Назым Хикмет умер в 1963 году в Москве, где жил с 1951 года: после покушения на его жизнь он бежал из Турции, проплыв по Черному морю до Румынии на моторной лодке. Когда из Румынии он приехал в СССР, его окружили корреспонденты центральных газет. Среди них был и корреспондент «Пионерской правды» (один из авторов этой книги), который думал, что Назым примет его в последнюю очередь. Но оказалось, что корреспондент детской газеты был принят первым. Хикмет сказал при этом: «Товарищи корреспонденты! «Пионерская правда» — это газета наших детей, а дети — наше будущее».

ГОВОРЯЩИЕ МАРКИ

Вот индийские марки, выпущенные до второй мировой войны. На них — портреты английских королей. Они мало отличаются от марок английских — такие же скучные профили в коронах, малоинтересный орнамент, и больше ничего.

А на другой странице альбома — марки новой Индии. Красочные маленькие картинки, повествующие об истории этой страны, о сегодняшней жизни ее народа.

В 1957 году Индия отмечала столетие Великого восстания. О нем при английском владычестве было запрещено даже вспоминать. На марке, выпущенной в честь юбилея, можно увидеть молодую всадницу, скачущую на коне с саблей наголо. Это красавица Лакшми-Бай, героиня восстания. На другой юбилейной марке — портрет гордого старца, Кунвара Сингха, ему было уже восемьдесят лет, когда он повел свой отряд на партизанскую войну против английских завоевателей. На переправе через Ганг Кунвар Сингх попал в засаду и был ранен. Истекая кровью, он наголову разбил англичан, а на следующий день умер от потери крови.

Изображения на марках Махатмы Ганди и Неру увековечивают создателей независимой Индии. Целый альбом можно составить из марок, на которых изображено то, чего не могло быть и в помине в колониальные времена, что создано трудом свободного народа в последние годы: фантастический пейзаж Тромбея, в центре которого возвышается купол атомного реактора, гигантская плотина Бакра-дэм с двумя мощными гидроэлектростанциями, тракторы на полях, электровозы на железных дорогах.

А вот и еще одна индийская марка: Московский Кремль. И гордо реет над ним алый советский флаг. Марка выпущена в честь пятидесятилетия Советского Союза. Новая независимая Индия открыла свое доброе сердце всему миру, и она чувствует себя полноправным членом огромной семьи народов земного шара. Все, что в мире прогрессивно, индийцы считают своим, близким, дорогим. И поэтому на марках Индии — портреты Максима Горького и Николая Коперника.

Найдите на карте молодое государство Бурунди. Это маленькая страна в центре Африки. Еще недавно она была колонией Бельгии. А на марках независимой Бурунди изображены космические корабли. Конечно, Бурунди не может построить собственный космический корабль и отправить его во Вселенную. Но независимый народ по праву считает себя частью всего человечества и его достижения — своими.

Целая серия марок другого молодого африканского государства — Гвинейской Республики посвящена Георгию Димитрову, выдающемуся болгарскому революционеру. А портрет Владимира Ильича Ленина можно увидеть на марках разных молодых государств — азиатских, африканских, латиноамериканских. Когда эти страны были колониями, само имя Ленина было под запретом. Но из уст в уста передавали угнетенные колонизаторами люди слово правды о нем.

Тот далекий живет за снегами,
Что к небу ведут, как ступени,
В городе с большими домами,
И зовут его люди — Ленин.
Он дает голодным корочку хлеба,
Даже волка может сделать человеком,
Он большой Сагиб перед небом
И совсем не дерется стеком...
А Сами стоял на коленях,
Маленький, тихий и строгий,
И молился далекому «Ленин»,
Непонятному, как йоги...¹

ТАК ПОМОГАЮТ ДРУЗЬЯ

Знакомы ли вам названия: Бхилаи, Искандерун, Бокаро, Ранчи, Орувела, Асуан, Хелуан, Исфаган, Евфрат?

Что общего между этими названиями городов, деревень и рек, которые находятся в разных странах?

Каждое из этих названий стало символом. Это — названия великих строек дружбы. Советский Союз и другие социалистические страны пришли на помощь народам, сбросившим иго чужеземного гнета. Они отправили в развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки самое совершенное оборудование для новых фабрик и заводов, электростанций и институтов. Они послали в эти страны своих лучших специалистов — инженеров, врачей, учителей, ученых. Они поделились с молодыми государствами своими научными достижениями, техническими знаниями. И географические названия, которые раньше были мало известны, прославились на весь мир. Это места, где с братской помощью социалистических стран появились невиданные ранее в бывших колониях новые промышленные центры.

Огромные современные заводы, могучие плотины и электростанции — вот что значат эти названия.

Как ты уже знаешь, Индия — самая большая среди развивающихся стран, по числу жителей почти в три раза превосходящая Соединенные Штаты Америки. Но хозяйство она унаследовала от колониальных времен средневековое.

У новой Индии не было стали. Своими силами современный металлургический завод Индия построить не могла.

И тут руку помощи протянул ей Советский Союз. И вот из советских портов к берегам далекой Индии пошли корабли с ценным грузом. Экскаваторы и бульдозеры, самосвалы и подъемные краны, сложное оборудование для доменных печей, сталелитейных цехов послал Советский Союз индийскому народу.

Найдите на карте Индии город Бхилаи. Он расположен в том районе страны, который всегда считался одним из самых бедных.

¹ Из стихотворения Н. Тихонова «Сами».

Нестерпимая жара, полупустыня. Мало городов, почти никакой промышленности. И тут летом 1956 года появились палатки первых строителей. А через три года Индия получила металл нового завода.

На несколько километров растянулся завод-гигант. Рядом с ним вырос новый город. В нем, в отличие от обычных индийских городов, нет старинных храмов. Но именно Бхилаи называют «храмом новой Индии». Там, где люди раньше месяцами не могли дожидаться дождя и где каждая капля воды ценилась выше всего, плещут зеркальные пруды, вокруг которых зеленеет большой парк. Этот парк был заложен одновременно с заводом интернациональным индийско-советским коллективом строителей.

В новом городе — все по-новому. В новых школах дети учатся бесплатно. В новой больнице — бесплатное лечение. Но главное в Бхилаи — металлургический завод, на котором работают пятьдесят тысяч индийских рабочих и инженеров, завод, который стал символом советско-индийской дружбы, бескорыстной помощи Советского Союза великому индийскому народу. Советское оборудование, установленное на заводе Бхилаи, надежно служит Индии.

Завод в Бхилаи — первый, но не единственный, построенный в Индии с помощью Советского Союза. Наши земляки воздвигли еще и «завод заводов» в Ранчи. Здесь делают такие машины, которых никогда еще не делали ни в Индии, ни в других странах — бывших колониях. В древнем городе Хардваре построен гигант, выпускающий мощные электрогенераторы. Каждая пятая электрическая лампочка в Индии питается током с электростанций, хранящих тепло заботливых рук советского человека.

Бхилайский завод расширяется. Первоначально он был рассчитан на один миллион тонн стали в год. Теперь он будет давать семь миллионов. Но Индии нужно еще больше металла. И вот неподалеку от завода тяжелого машиностроения в Ранчи, в небольшом селении Бокаро, начинается новая стройка. Снова с помощью Советского Союза. Правда, теперь Индия уже не та, что раньше, когда строился завод Бхилаи. На молодых заводах, построенных с помощью СССР, можно делать многое из того, что необходимо стройке в Бокаро. Почти все оборудование для завода Бхилаи было получено из нашей страны. А для завода в Бокаро — уже меньше половины. Остальное Индия изготовила сама. Вот что такое советская помощь.

Итак, ты знаешь, читатель, что история теперь уже бывших колоний началась очень давно. Пятьсот лет назад первые португальские корабли отправились искать золото в дальние страны и первые негры-рабы были привезены на этих кораблях в Европу.

Пятьсот лет порабитители и захватчики разных мастей наживались на крови и поте народов Азии, Африки и Латинской Америки, топтали их многострадальные земли.

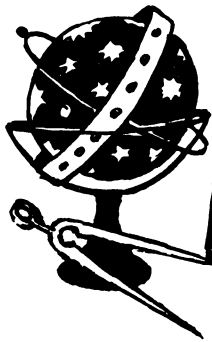
Пятьсот лет шла борьба народов за свободу и независимость.

Борьба эта была нелегка. Она требовала великого мужества и великих жертв. Но жертвы эти были не напрасны. Молодые государства уверенно идут к лучшей жизни, к полной свободе.

Еще немало трудностей придется преодолеть народам бывших колоний. Оружие складывать рано, и порох надо держать сухим. Борьба с империализмом не окончена. Много неожиданностей встречаются даже те народы, которые империалистов изгнали.

Но, окрыленные первыми успехами, люди развивающихся стран стали другими. Их не обмануть теперь, не запугать, они не дадут себя в обиду.

Они хорошо помнят историю и не повторяют ошибок ушедших борцов.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРОВ 3

Часть первая

ОХОТА ЗА ЛЮДЬМИ

Вертикаль папы римского	9
Генрих Мореплаватель	14
Огнем и мечом	17
Адмирал-пират	21
«Черное дерево»	30
Клерк покидает контору	31
Предатель Агинальдо	34
Последнее слово	37
Мистер министр	42
Золото из слез	45

Часть вторая

СВОБОДА ИЛИ СМЕРТЬ!

Черный Спартак	59
Боливар Освободитель	66
Доктрина Монро	73
Большое восстание	76
Чапати	—
Спокойствие Лоренса	77
Тантия Топи	78
Эмир Республики Риф	80
Великая Душа	84
«Год Африки»	96
Кровь Патриса Лумумбы	101
Конец последней империи	104
Здесь больше не Португалия!.. . . .	106
Пером и штыком	107

ЖИЗНЬ — ЭТО БОРЬБА

Новое, старое и древнее	111
Раджи с махараджами	119
Долговые рабы и просто рабы	121
Кусок хлеба и глоток воды	123
Кто виноват?	126
Природа и люди	129
«Банановая война»	132
500 000 000 неграмотных	135
Возрождение Ариабхаты	137
Арест в море и убийство в мечети	139
Энергетический кризис	143
Государства бывают разные	144
Государство без денег	—
Государство в государстве	146
«Открытый город»	148
Государственный переворот	149
Государство народа	153
Госпиталь в пещере	154
Шри Ланка	156
Кутб-Минар и Бакра-дэм	158
Корабли стоят в очереди	160
Неудобное удобство	161
«Я обвиняю!»	162
Он отдал душу народу	165
Говорящие марки	170
Так помогают друзья	171
Вместо эпилога	173

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Май Яковлевич Волков, Александр Давыдович Тверской

НОВЫЕ ФЛАГИ

Очерки

ИБ № 2669

Ответственный редактор *Э. П. Микоян.*

Художественный редактор *М. Д. Суховцева.*

Технические редакторы *Е. В. Пальмова*

и *С. Р. Береславская.*

Корректоры *Л. М. Короткина* и *Н. А. Сафронова.*

Сдано в набор 22.05.78. Подписано к печати 20.03.79.
А06720. Формат 70×90/16. Бум. офс. № 1. Шрифт
школьный. Печать высокая. Усл. печ. л. 12,87.
Уч.-изд. л. 11,61. Тираж 75 000 экз. Заказ № 371.
Цена 65 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство
«Детская литература». Москва, Центр, М. Черкас-
ский пер., 1. Калининский ордена Трудового Крас-
ного Знамени полиграфкомбинат детской литературы
им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госком-
издата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия
Октября, 46.

Набор изготовлен по системе «Союз» с помощью
ЭВМ «Минск»-32.